

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет

Кафедра русского языка как иностранного и методики его преподавания

Чжан Сяоцинъ

ПОЭТИЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ РАСТИТЕЛЬНОГО МИРА В ЛИРИКЕ С. ЕСЕНИНА (НА ФОНЕ ПОЭТИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА XX ВЕКА)

Выпускная квалификационная работа

магистра лингвистики

Научный руководитель: к.ф.н., ст. преподаватель Афанасьева Н. А.

Рецензент: к.ф.н., академический директор ЧОУ ДПО

«Державинский институт» Молодых Е. В.

Санкт-Петербург

2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 4

Глава I. Теоретические основы исследования поэтической номинации описания растительного мира 13

1.1. Лексическая система и лексические объединения 13

1.1.1. Лексико-семантическая система русского языка 13

1.1.2. Понятие о лексико-семантическом поле 15

1.1.2.1. Понятие о поле и типы полей 15

1.1.2.2. Лексико-семантическое поле 17

1.1.3. Лексико-семантическая группа	19
1.2. Понятие «флористическая лексика» и смежные термины («фитоним» и «флороним»)	21
1.3. Словоупотребление в поэтическом тексте	24
1.3.1. Язык поэзии и его особенности	24
1.3.2. Слово в поэтическом тексте	25
1.4. Выразительные средства	26
1.4.1. Сравнение	26
1.4.2. Метафора	28
1.4.3. Олицетворение	30
1.4.4. Эпитет	32
1.5. Образ и парадигма образов	33
1.6. Понятие «идиостиль»	34
1.7. Особенности идиостиля С. Есенина и Сюй Чжимо	35
Выводы	38
Глава II. Наименования растений в лирике С. Есенина и Сюй Чжимо	41
2.1. Лексико-семантическое поле «Растительный мир»	41
2.1.1. Классификация наименований растений в русском и китайском языках	41
2.1.2. Лексико-семантическое поле «Растительный мир» в лирике С. Есенина и Сюй Чжимо	44
2.2. Поэтическая номинация растительного мира в поэзии С. Есенина и Сюй Чжимо	54
2.2.1. Лексико-семантическая группа «Деревья и кусты»	55
2.2.2. Лексико-семантическая группа «Цветы»	70
2.2.3. Лексико-семантическая группа «Травы»	79
Выводы	87
Заключение	92
Список использованной литературы	96
Приложение	110

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена исследованию поэтической номинации описания растительного мира в лирике С. Есенина на фоне поэтической номинации китайской поэзии начала XX века.

Язык поэзии является уникальным лингвистическим феноменом, «он обладает свойствами многопризнаковости и многомерности» (Тугаева 2003: 14). Как считает Ю. М. Лотман, «поэзия относится к тем сферам искусства, сущность которых не до конца ясна науке» (Лотман 1996: 36). Поэтический язык отличается от обиходного языка. Он направлен на выразительность и оригинальность. Согласно М. И. Шапиру, «поэтический язык (как и вообще языки духовной культуры) открыт: он ориентирован на изменение, на поиск новых выразительных возможностей, а в иных случаях – на оригинальность» (Шапир 2000: 10). По словам китайского поэта XX века Ай Цина, «поэзия и есть искусство языка, язык и есть основной элемент поэзии» (Ай 1995: 201)¹.

Творчество С. Есенина изучается во многих странах в разных аспектах. В настоящее время издается журнал «Современное есениноведение». Тематика этого журнала широка. Журнал включает в себя статьи по литературоведению, языковедению, культурологии, методике преподавания литературы, посвященные творчеству поэта.

В 2013 году вышел «Словарь языка Есенина» Г. И. Шипулиной, в словаре представлено лексикографическое описание языка С. Есенина.

Поэтический язык С. Есенина – это язык народный и поэтический. Ай Цин отмечает, что его поэзия полна жизни. Он пишет, что «стихи С. Есенина тесно связаны с окружающим его миром природы. Они производят волшебное впечатление, которое не может изгладиться» (Ай 1985: 461-462).

Язык лирики С. Есенина является объектом исследования и в России, и в Китае. В центре внимания ученых находятся идиостиль поэта, его мировоззрение, образы природы и языковая личность (Ай Цин (艾青), Гу Юньпу (顾蕴璞), А. М. Марченко, Ю. Л. Прокушев и др.).

В лингвистическом аспекте проблема описания и изучения поэтического языка С. Есенина освещается в трудах Л. Л. Бельской, С. П. Кошечкина, И. С. Эвентова и др. В Китае исследуют своеобразие образов и мотивов поэзии С. Есенина (Гу Юньпу (顾蕴璞), Юе Фэнлин (岳凤麟)). Флористической лексикой в лирике С. Есенина занимались И. И. Степанченко, О. И. Колева. Однако поэтическая номинация растительного мира в лирике С. Есенина не рассматривается на фоне китайской поэтической традиции, что и обосновывает актуальность данной работы.

По определению Н. Н. Ивановой и О. Е. Ивановой в «Словаре языка поэзии (Образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX века)», поэтическая номинация есть «сочетание слов и слова, имеющие в поэзии

¹ В диссертационном исследовании переводы с китайского языка на русский выполнены автором работы. В том случае, когда приводятся переводы других авторов, указывается фамилия переводчика.

особый поэтический смысл, специфическую семантическую и экспрессивную нагруженность» (Иванова, Иванова 2004: 7). О. Г. Ревзина, сопоставляя поэтическую и научную номинацию, называет поэтический язык языком «особых номинаций, своеобразных художественных терминов». По мнению автора, поэтическая номинация «всегда идет от частного к общему и имеет задачей представить частное как общее» (Ревзина 1990: 34).

Вслед за Н. Н. Ивановой, О. Е. Ивановой и О. Г. Ревзиной в данном диссертационном исследовании под поэтической номинацией будут пониматься прежде всего слова и сочетания слов, имеющие в поэзии «особый поэтический смысл», однако вслед за Б. А. Лариным будем исходить из того, что каждое слово художественного текста принимает участие в создании образа, поэтому поэтическая номинация в данной работе – это слова, наименования растений, как в прямом, так и в образном значении. Как и О. Г. Ревзина, под поэтической номинацией мы будем понимать и сам процесс «наименования, называния» реалий растительного мира.

Особенности языка поэзии проявляются прежде всего в семантическом плане. Поэтический образ многозначен, он всегда соединяет прямое и переносное значения. Язык поэзии обычно называют «языком образным». Слово в поэзии приобретает новое, широкое и более глубокое значение. В своем сборнике «Поэтика» Ай Цин пишет, что идеальный стих должен передать глубочайшую мысль самым простым языком (艾青1995: 185). «В поэтическом языке в принципе нет слов и форм немотивированных, с пустым, мертвым, произвольно-условным значением» (Винокур 1959: 391).

Актуальность данного исследования определяется тем, что оно включается в парадигму исследований языка русской поэзии и идиостиля С. Есенина. Исследование поэтической номинации изображения растительного мира позволит описать и сопоставить поэтическую номинацию и образные парадигмы в русском языке и в лирике С. Есенина на фоне китайского языка и китайской пейзажной лирики начала XX века. Сопоставительный анализ поэтической номинации описания растительного мира в лирике С. Есенина и китайской поэзии начала XX века не был предметом серьезного исследования. Актуальность данной работы также обусловлена сопоставлением в ней мировидения поэтов-носителей различных поэтических традиций.

Научная новизна исследования заключается в установлении художественной семантики наименований различных растений в идиостиле С. Есенина на фоне поэтической номинации китайской поэзии начала XX века. Новизна также определяется национально-культурным подходом к

изучению поэтической номинации растений в русской и китайской поэзии.

Объектом исследования является поэтическая номинация растительного мира в языке лирики С. Есенина на фоне китайской лирики начала XX века.

Предметом – лексико-семантические и национально-культурные особенности поэтической номинации при описании растительного мира в лирике С. Есенина и Сюй Чжимо.

Цель работы – выявление особенностей функционирования поэтической номинации описания растительного мира в лирике С. Есенина на фоне китайской поэзии.

Достижение поставленной цели сопряжено с необходимостью решить **ряд задач**:

1. определить терминологическую базу исследования и охарактеризовать разновидности поэтической номинации, участвующей в описании растительного мира;

2. описать и сопоставить классификации лексических единиц наименований растений в русском и китайском языках;

3. выбрать и классифицировать фитонимы в лирике С. Есенина и Сюй Чжимо;

4. структурировать лексико-семантическое поле «Растительный мир» идиостиля С. Есенина и Сюй Чжимо, проанализировать системные отношения внутри поля;

5. описать поэтическую номинацию растительного мира в поэзии С. Есенина и Сюй Чжимо на фоне русской и китайской поэтических традиций, сопоставить особенности поэтической номинации растительного мира в идиостилях двух поэтов, выявив национально-культурные и индивидуальные особенности.

Гипотеза исследования заключается в том, что поэтическая номинация растительного мира в лирике С. Есенина и Сюй Чжимо отражает не только особенности словоупотребления поэта, но и характеризует особенности национального поэтического сознания, поэтического мировидения и является национально обусловленной.

Материалом для исследования стала лирика С. Есенина и лирика китайского поэта Сюй Чжимо.

Выбор китайского поэта вызван прежде всего тем, что русский и китайский поэты жили в одно время (С. Есенин: 1895-1925, Сюй Чжимо: 1897-1931). Начало XX века в Китае – время зарождения «новой китайской поэзии». Сюй Чжимо является одним из самых известных поэтов того времени, в чьем творчестве темы любви и природы были ведущими. У нас есть основания предполагать, что Сюй Чжимо не был знаком с творчеством С. Есенина, поскольку умер всего на 6 лет позже его, хотя, например, является известным фактом, что творчество С. Есенина оказало влияние на поэзию другого китайского поэта Ай Цина (Ван Хайсун 2005: 166). Тексты цитируются по изданиям: Есенин С. А. Собрание сочинений: в 3 т. – М.: Правда, 1970. – Т. 1. – 382 с. / Есенин С. А. Собрание сочинений: в 3 т. – М.: Правда, 1970. – Т. 2. – 446 с. / Сюй Чжимо. Собрание сочинений徐志摩. 徐

志摩全集·第四卷诗歌。— Тяньцзинь: Тяньцзин Жэньминь Чубаньшэ. 天津人民出版社, 2005. — Т. 4. — 436 с.

Основными **методами исследования** являются прием сплошной выборки наименований растений из стихотворений С. Есенина и Сюй Чжимо, описательный метод, метод контекстуального анализа с применением элементов компонентного анализа, метод поля, сравнительно-сопоставительный метод.

Теоретическая значимость работы состоит в классификации, анализе и сопоставлении наименований растений в лирике С. Есенина и Сюй Чжимо; в исследовании особенностей поэтической номинации и описании образных парадигм наименований растений; в выявлении авторских метафорических наименований растений. Теоретически значимым также является осмысление мировидения поэтов, носителей разных культур.

Практическая значимость работы заключается в представлении поэтической номинации, используемой в описании растительного мира в лирике С. Есенина и Сюй Чжимо. Результаты работы могут быть использованы в лекциях о творчестве поэтов, на занятиях по лингвистическому анализу художественного текста, в практике преподавания чтения в аспекте РКИ. Материал, представленный в работе, может быть использован при создании словаря поэтических образов китайской поэзии, сопоставительных словарей русской и китайской поэтической культуры.

Положения, выносимые на защиту:

1. Лексические единицы описания растений в русском и китайском языках отражают как языковые, национально-культурные, так и природные особенности двух стран.

2. Структура лексико-семантического поля (ЛСП) «Растительный мир» у обоих поэтов в основном совпадает. И ЛСП «Растительный мир» лирики С. Есенина, и ЛСП «Растительный мир» лирики Сюй Чжимо представлено 9 лексико-семантическими группами (ЛСГ). Однако у С. Есенина представлена группа «Технические культуры», которой нет в лирике Сюй Чжимо. В лирике Сюй Чжимо есть группа «Вьющиеся и ползучие растения», которая отсутствует в поэзии С. Есенина.

3. В структуре ЛСП лирики обоих поэтов наиболее ярко представлены ЛСГ «Деревья и кусты», «Цветы» и «Травы», которые обладают и наибольшим метафорическим потенциалом.

4. Языковые семантические особенности и национальная (русская и китайская) поэтическая, в том числе народно-поэтическая семантика наименований растительного мира нашли отражение в значениях, с которыми высту-

пают наименования растений в лирике С. Есенина и Сюй Чжимо, но поэты приносят и свои индивидуальные значения в поэтическую номинацию растительного мира.

5. В силу антропоцентризма человеческой деятельности в качестве опорного слова образной парадигмы чаще всего в лирике обоих поэтов выступает лексика, обозначающая человека и характеризующая его деятельность. Большинство образных парадигм, встречающихся в лирике С. Есенина и Сюй Чжимо, свойственны русской и китайской поэтическим культурам, однако другие можно назвать индивидуально-авторскими.

6. При обращении к описанию растительного мира проявляются и особенности идиостилей двух поэтов. Крестьянское мировидение С. Есенина обуславливает сам выбор слов-фитонимов в лирике поэта, это в первую очередь, отличает словоупотребление С. Есенина от словоупотребления поэтов Серебряного века. С. Есенин обращается к диалектной, областной лексике, использует народно-поэтическую лексику и создает неологизмы. Наименования растений в лирике Сюй Чжимо разнообразны, в них включаются не только типичные китайские, но и экзотические для Китая. Традиция классической китайской поэзии находит отражение в стихах Сюй Чжимо, нами не обнаружено индивидуального словоупотребления или диалектизмов, как в поэзии С. Есенина.

Структура работы: диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложения. Во введении обосновывается актуальность темы, определяется объект и предмет исследования, формулируются цель, задачи, характеризуется материал, описываются методы, раскрывается новизна, теоретическая и практическая значимость работы, приводятся основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе излагаются общетеоретические основы исследования и рассматриваются разновидности поэтической номинации в описании растительного мира.

Вторая глава состоит из двух параграфов. В первом параграфе анализируются и сопоставляются классификации наименований растений в русском и

китайском языках, структурируются и сопоставляются лексико-семантические поля «Растительный мир» в поэзии С. Есенина и Сюй Чжимо, анализируется семантика, системные отношения лексических единиц внутри данного поля.

Во втором параграфе рассматривается поэтическая номинация по таким группам, как «Деревья и кусты», «Цветы» и «Травы». Описываются собственные каждой культуре символические значения наименований растений, выделяются семы в лексемах-фитонимах в поэзии С. Есенина и Сюй Чжимо, рассматриваются образные парадигмы с компонентом – наименованием растения.

Глава I. Теоретические основы исследования поэтической номинации описания растительного мира

1.1. Лексическая система и лексические объединения

1.1.1. Лексико-семантическая система русского языка

Системное описание лексики находится в центре внимания лингвистов (Л. М. Васильев, В. Г. Гак, Ю. Н. Караулов, Э. В. Кузнецова, И. П. Слесарева, А. А. Уфимцева, Ф. П. Филин, Д. Н. Шмелёв, Г. С. Щур и т.д.). В работах этих ученых выявляются разного рода отношения внутри лексической системы, подробно рассматриваются лексические объединения, представленные в лексической системе.

Определяя, что такое система в языке, И. П. Слесарева приводит слова Ю. С. Степанова: «В общем смысле под системой понимается совокупность элементов, связанных внутренними отношениями» (Цит. по: Слесарева 1990:13).

И. П. Слесарева отмечает, что в отношении лексики «понятие "система"

применяется сравнительно недавно и с оговорками, хотя понимание того, что слова в языке связаны внутренними отношениями, было свойственно исследователям лексики с древнейших времен» (Слесарева 1990: 13).

А. А. Уфимцева полагает, что смысловые связи слов существуют в следующих аспектах: «внутрисловные семантические связи», семантические связи слов «в пределах различных смысловых групп и рядов слов» и «на уровне всей системы языка» (Уфимцева 2004: 10).

Рассматривая системные отношения в лексике, Д. Н. Шмелев приводит слова Ю. С. Сорокина, который выделяет следующие взаимодействующие силы у слов в лексической системе: отношение к действительности; отнесенность к определенному грамматическому общему разряду, отношения слова к другим словам по значению; стилистические связи слов по речевым контекстам (Цит. по: Шмелев 2003: 185).

В. И. Половникова утверждает, что «выделение трех типов связей слов – парадигматических, синтагматических и деривационных, как основы измерений лексической системы может быть использовано в качестве научного обоснования отбора и организации лексики в целях обучения зарубежных русистов» (Половникова 1982: 8).

Разнообразие внутрисистемных отношений в лексике находится в центре внимания ученых.

В. Г. Гак пишет, что «парадигматические связи объединяют слова по близости значения в так называемые лексико-семантические группы или семантические поля» (Гак 1977: 8). «В лексико-семантическую парадигму объединяются слова, противопоставленные друг другу по некоторому семантическому признаку <...>. В лексико-семантическую парадигму объединяют синонимы, антонимы, слова одной тематической группы» (Русский язык. Энциклопедия 1979: 326).

В сочетании слова с другим проявляются синтагматические отношения, основанные на «линейном характере речи, который исключает возможность произнесения двух языковых элементов одновременно, а лишь в линейной временной последовательности» (Русский язык. Энциклопедия, 1979: 289).

Еще одним проявлением системности лексики является «наличие деривационных (словообразовательных) отношений между единицами – отношения смысловой мотивации одних слов другими» (Зиновьева, Хруненкова 2015: 80).

Таким образом, системность лексики русского языка проявляется в существовании трех основных видов отношений: парадигматических, синтагматических и деривационных.

1.1.2. Понятие о лексико-семантическом поле

1.1.2.1. Понятие о поле и типы полей

Разные типы полей стали предметом исследования в работах Л. М. Васильева, Г. Ипсена, Г. Н. Складневской, Г. С. Щура и др.

Г. С. Щур отмечает, что «понятие поля (семантического) приобрело наибольшее распространение после выхода работы Г. Ипсена, где оно определялось как совокупность слов, обладающих общим значением» (Щур 1974: 22). С. Г. Шафиков среди других выделяет следующие свойства поля: все элементы в поле взаимосвязаны; конкретное поле существует в каждом языке; семантические структуры эквивалентных полей во всех языках в общем совпадают; в семантических структурах полей разных языков проявляется культурно-языковые особенности (Шафиков 1999: 16-17).

Ученые выделяют разные типы полей. Значимым для современной лингвистики является понятие лексико-семантического поля (ЛСП). В «Словаре лингвистических терминов» Т. В. Жеребило ЛСП понимается как «один из структурных типов поля, состоящего либо из имен существительных; либо из имен прилагательных; либо из глаголов» (Жеребило 2010: 276).

Часто обращаются исследователи в своих работах к семантическому полю: «Семантическое поле (СП) – это иерархическая структура множества лексических единиц, объединенных общим значением и отражающих в языке определённую понятийную сферу» (Русский язык. Энциклопедия 1979: 459).

Исследователи предлагают понятие «понятийное поле». С. Д. Кацнельсон определяет понятийное поле как «противоположение понятий, ищущих выражения в языке» (Цит. по: Щур 1974: 46).

Существуют так называемые вторичные или периферийные лексические поля. Такие поля строятся по несущественным компонентам значений слов, а

не по признакам денотатов (Полевые структуры...1989: 75).

В последнее время исследователи занимаются разработкой вторичных полей, основанных на ассоциативных и метафорических значениях (Пак 2006: 7). Среди них И. Я. Пак перечисляет: ассоциативное поле, ассоциативно-семантическое поле, метафорическое поле (Там же). «Ассоциативное поле – это совокупность ассоциатов, т. е. реакций на слово-стимул» (Жеребило 2010:45). Термин «ассоциативное поле ввел Ш. Балли» (Васильев 1990: 136). Ассоциативное поле «может рассматриваться как характеристика индивидуума, среднего носителя языка, воспринимающего действительность» (Караулов 2010: 176). Г. Н. Складаревская считает, что метафорическое поле зависит от номинативного поля, и его границы не могут быть точно определены, потому что «первичное поле является открытым» (Складаревская 1993: 15).

Один из значимых вопросов современной лексикологии – структура поля. Ю. Н. Караулов считает, что ядром поля является заглавное слово, далее располагаются близкие от него единицы поля, в периферию поля входят также члены соседних полей (Караулов 2010: 32).

Г. С. Щур дает следующее определение ядру понятийного поля: «Ядром элементарных понятийных полей является понятие, общее для всех слов, его формирующих» (Щур 1974: 36-37). Как понятийное, так и ассоциативное поле «включает ядро (наиболее частотные реакции) и периферию» (Жеребило 2010: 45). Особым образом строится метафорическое поле. В центре поля находятся «языковые метафоры, которые регулярно метафоризируются» (Складаревская 1993: 115). Потенциальные метафоры, «выходящие из автоматизма восприятия и по своим функциям приближающиеся к художественной метафоре» Г. Н. Складаревская относит к периферии метафорического поля (Складаревская 1993: 115).

Таким образом, каждое поле обладает и универсальными чертами, и уникальными свойствами. В данной работе будем рассматривать ЛСП, так как по мнению З. Г. Киферовой, оно является «основной системообразующей единицей языка» (Киферова 1994: 90).

1.1.2.2. Лексико-семантическое поле

В настоящее время во многих научных работах (Т. В. Жеребило, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, Т. В. Куренкова, А. Н. Тихонов) наблюдается различие во взглядах на частеречный состав лексико-семантического поля (ЛСП) и соотношение между ЛСП и семантическим полем (СП).

Под СП И. М. Кобозева понимает «совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» (Кобозева 2004: 99).

В «Словаре лингвистических терминов» Т. В. Жеребило выделяются следующие структурные типы СП: «в зависимости от частеречного состава выделяются следующие структурные типы поля: 1) лексическое семантическое поле; 2) лексико-грамматическое поле; 3) лексико-словообразовательное семантическое поле». Автор отмечает, что «семантическое поле может быть

представлено грамматически различными лексическими единицами: сущ. + прил. / глаг. и др.» (Жеребило 2010: 276).

Авторы монографии «Полевые структуры в системе языка» указывают, что «ЛСП основано на внеязыковых связях денотатов, элементы его не могут заменять друг друга. <...> ЛСП выделяется по одной общей семе, включает слова одной части речи» (Полевые структуры... 1989: 33). Как мы видим, исследователи придерживаются того же положения о частеречном составе полей, что представлено и в словаре Т. В. Жеребило.

Т. Н. Куренкова пишет о противоположном вышеизложенному мнению А. В. Набирухиной: «А. В. Набирухина полагает, что в состав ЛСП должны входить слова разных частей речи на основании содержательного сходства» (Куренкова 2006: 176). А. Н. Тихонов считает, что ЛСП является «синонимичным термином» СП (Тихонов 1994: 3-4). Он указывает, что ЛСП состоит из слов разных частей речи.

Т. Н. Куренкова приводит слова Ю. Н. Караулова о структуре ЛСП: «Ядро поля – синонимическое отношение, которое включается в родовое наименование и само содержит в себе родовое имя. К ядру присоединяются слова, значения которых имеют общие компоненты с ядром. Таким образом, делает вывод Ю. Н. Караулов, ЛСП обнаруживает принципиально одинаковую структуру независимо от материала» (Цит. по: Куренкова 2006: 177).

В своем исследовании мы будем придерживаться той точки зрения, что ЛСП структурируют слова одной части речи.

1.1.3. Лексико-семантическая группа

Лексико-семантическая группа (ЛСГ) является предметом серьезного исследования в трудах Ф. П. Филина, А. А. Уфимцевой и других исследователей, тем не менее в современной лингвистике на сущность ЛСГ не существует единого мнения.

В «Словаре лингвистических терминов» Т. В. Жеребило ЛСГ понимается как «слова одной части речи, объединенные ядерной (основной) семой (например, ЛСГ глаголов движения, цветовых прилагательных и т.п.)» (Жеребило 2010: 179). Автор приводит пример ЛСГ «Растение», базовый семантический компонент которого включает гиперсемы: 1) 'деревья'; 2) 'травы'; 3) 'цветы' и т. п. (Жеребило 2010: 179).

Ф. П. Филин под ЛСГ понимает «лексические объединения с однородными, сопоставимыми значениями» (Филин 1982: 231).

В. Г. Гак выделяет в ЛСГ «ядро, включающее слова, несомненно, относящиеся к данному общему значению, и периферийные элементы, состоящие

из слов, у которых данное значение прослеживается уже не так четко, поскольку оно совмещается с иными категориальными значениями» (Гак 1977: 150).

Э. В. Кузнецова отмечает, что «ЛСГ слов не представляют собой четко и однозначно разграниченных классов лексических единиц. Это объединения слов, которые накладываются друг на друга, взаимно проникают друг в друга, "пересекаются" друг с другом» (Кузнецова 1978: 7).

И. П. Слесарева так описывает соотношение между ЛСГ и ЛСП: «ЛСГ входят в более широкие объединения слов, которые можно назвать семантическими или лексико-семантическими полями» (Слесарева 1990: 54). Исследователь указывает на парадигматические отношения в ЛСГ: «Под лексико-семантическими группами понимаются объединения слов на парадигматической оси с учетом их смысловой близости» (Слесарева 1990: 80).

Таким образом, мы можем соотносить ЛСГ и ЛСП как общее и частное.

ЛСГ отличается от лексико-тематической группы (ЛТГ). По словам Л. М. Васильева, слова в ЛТГ «объединяются одной и той же типовой ситуацией, или одной темой», но «общая идентифицирующая сема для них не обязательна» (Васильев 1971: 110). Исходя из этого, можно сделать вывод, что в ЛТГ могут входить слова разных частей речи, и она имеет сложную структуру. А ЛСГ состоит из слов одной части речи с одной общей семой и является частью семантического поля.

Особенность слов, входящих в ЛСГ, по мнению И. А. Никандровой, заключается в том, что слова ЛСГ объединяются интегральной семой, которая является семантической основой группы. Кроме того, ЛСГ также имеет дифференциальные семы (Никандрова 2010: 176).

Д. Б. Тотрова считает, что между ЛТГ и ЛСГ трудно установить «точные логико-языковые разграничения» (Тотрова 2010: 10-11).

И. В. Буйленко выделяет следующие важные для нас свойства ЛСГ. ЛСГ имеет идентификатор и однородную семантику; может члениться на более мелкие подгруппы; единицы ЛСГ относятся к одной части речи (Буйленко

2012: 89).

В данном исследовании мы будем обращаться главным образом к ЛСГ, так как вслед за И. В. Буйленко, мы считаем, что ЛСГ отличается высшей степенью однородности и упорядоченности, что свойственно и классификации названий растений.

1.2. Понятие «флористическая лексика» и смежные термины («фитоним» и «флороним»)

Лексика флоры составляет важную часть словаря любого языка. Она тесно связана с историей и культурой народа. Исследователи названий растений особое внимание обращают на изучение лингвистических аспектов. Современная лингвистика использует разные термины для наименования растений. Существуют работы, посвященные анализу фитонимов и флоронимов различных языков (З. А. Камаль, Л. Ф. Пуцилева, С. С. Шумбасова и др.), флористической лексике в разных языках (А. М. Гребнева, Ю. Н. Исаев, О. В. Сахарова и др.).

Ю. Ю. Саввина отмечает, что названия растений – это непростая по своей структуре группа лексики. Названия растений «существуют непременно в народном и научном вариантах» (Саввина 2009: 113). «Структура научного термина, – по мнению автора, – строго определена: родовое наименование <...> и видовое определение». А «структура народных названий формируется носителями совершенно произвольно» (Там же).

«В Словаре лингвистических терминов» Т. В. Жеребило фитонимом называется «название растения» (Жеребило 2010: 444). Л. Ф. Пуцилева под «фитонимами» понимает «лексемы, обозначающие в прямом значении наименования любого объекта, принадлежащего к растительному миру» (Пуцилева 2008: 31).

А. М. Гребнева выделяет следующие признаки «фитонима»: «1) фитоним – это языковая единица; 2) фитоним – это наименование флористического объекта или понятия; 3) фитоним – это такое наименование, которому соответствует дефиниция, четко отражающая содержание соответствующего по-

нятия» (Гребнева 1984: 14).

Существует и понятие «флороним». С. С. Шумбасова в статье «Грамматическое структурирование фразеологизмов современного английского языка с компонентом-фитонимом» полагает, что «к флоронимам относятся фразеологизмы, в состав которых входит элемент, обозначающий то или иное растение в целом (цветущее растение, ягода, фрукт и т. д.), его составную часть (листовая пластина, стебель, корень и т. д.), вид (дерево, кустарник, трава)» (Шумбасова 2011: 86).

Ю. Н. Исаев к «флористической лексике» относит народные названия растений (Исаев 2006: 220).

О. В. Сахарова и А. М. Гребнева подчеркивают диалектное своеобразие флористической лексики: «Флористическая лексика селькупского языка представляет собой единую совокупность наименований с явлениями диалектного своеобразия» (Сахарова 2010: 5-6). «Флористическая лексика мордовских языков в настоящее время представляет собой единую совокупность названий» (Гребнева 1984: 10). Ю. Ю. Саввина считает, что народные ботанические названия «нельзя относить к терминам по ряду причин», потому что, во-первых, «народное название не однозначно», во-вторых, «народное название растений обладает некой коннотацией» (Саввина 2009: 111).

В ряде научных работ наблюдается смешение понятий «флористическая лексика» и «фитонимы». З. А. Камаль в работе «Функции фитонимов в читательской интерпретации лирики С. Есенина» использует и понятие «фитоним», и понятие «флористическая лексика». По его словам, флористическая лексика «содержит информацию не только об окружающей природной среде, но и о взаимодействии данной культурной общности с этой средой» (Камаль 2008: 127). По словам З. А. Камалья, фитонимы, «выступая в качестве локальных, темпоральных, эмотивных, этнографических и культурных индикаторов», осуществляют в поэзии «важные смысловые функции, служат репрезентантами не только эксплицитной, но и имплицитной информации» (Камаль 2008: 123).

Таким образом, мы видим, что все эти три названия («фитоним», «флори-

стическая лексика», «флороним») включают в себя компонент 'растение'. В современной лингвистике понятия «фитоним» и «флористическая лексика» смешиваются и четко не определены. В нашей работе вслед за Т. В. Жеребило мы понимаем «фитоним» как синоним понятия «название / наименование растения». Под фитонимом понимается существительное, обозначающее целое растение, его составную часть или форму (трава, кустарник, дерево, цветок и т.д.).

1.3. Словоупотребление в поэтическом тексте

1.3.1. Язык поэзии и его особенности

Вопросы изучения языка поэзии и поэтического словоупотребления давно находятся в центре внимания ученых. Особенности функционирования слова в поэтическом тексте посвящали свои работы Г. О. Винокур, Ю. В. Казарин, Н. А. Кожевникова, Ю. М. Лотман, Ю. Н. Тынянов, Р. Н. Юсубова и другие.

Г. О. Винокур считает поэтичность экспрессивным качеством языка (Винокур 1959: 388).

Поэтический текст является одним из видов художественного текста. Р. Н. Юсубова считает, что «в нём особое значение имеют эмоциональность и экспрессивность, такой текст включает в себя необычную ритмическо-интонационную структуру» (Юсубова 2010: 174).

Ю. М. Лотман понимает поэтический текст как «особым образом организованный язык» (Лотман 1996: 105). Его системность проявляется в том, что «текст стихотворения можно представить как реализацию ряда (иерархии) языков: "русский язык", "русский литературный язык данной эпохи", "творчество данного поэта", "поэтический цикл как целостная система", "стихотворение как замкнутый в себе поэтический мир"» (Лотман 1996: 109).

Ю. В. Казарин разделяет мнение Ю. М. Лотмана: «к настоящему времени становится очевидным тот факт, что ПТ [поэтический текст – Ч.С.] – это сложно организованная система. Систему поэтического текста отличает то, что «ее функционирование обусловлено одновременно внешними факторами

(антропологичность, духовность и эстетичность поэтического текста) и внутренними факторами собственно языковой природы» (Казарин 2001: 19).

1.3.2. Слово в поэтическом тексте

В поэтическом тексте слово приобретает особое значение. Ю. М. Лотман считает, что слово поэтического текста обладает особой значимостью: «В этом смысле стихотворение как целостный язык подобно *всему* естественному языку, а не его части. Уже тот факт, что количество слов этого языка исчисляется десятками или сотнями, а не сотнями тысяч, меняет весомость слова как значимого сегмента текста» (Лотман 1996: 107).

Ю. Н. Тынянов полагает, что «слова оказываются внутри стиховых рядов и единств в более сильных и близких соотношениях и связях, нежели в обычной речи» (Тынянов 1965: 121).

Ю. В. Казарин указывает на три плана слова в поэтическом тексте: «единицы лексического уровня языкового макрокомпонента, системы ПТ – это основное средство текстостроения, смыслообразования и смысловыражения» (Казарин 2001: 17).

Г. О. Винокур полагает, что слова в поэтическом языке на основе своего прямого значения получают новые смыслы (Винокур 1959: 391).

С. А. Андреева разделяет мнение Г. О. Винокура, что при определенных условиях «любое слово может стать поэтическим» (Андреева 2010: 47).

Г. О. Винокур считает, что с чрезвычайной значимостью слова поэтического текста связана его особая рефлексивность, т.е. «его обычная обращенность на само себя». В поэтическом тексте, по мнению ученого, в первичном значении слова открывается новое (Винокур 1959: 392).

Для нашей работы важно то, что «поэзия начала XX века решает вопрос о соотношении прямого и непрямого значения слова в пользу не прямых способов выражения. Характер текста в ряде случаев определен характером тропа» (Кожевникова 1986: 106).

1.4. Выразительные средства

1.4.1. Сравнение

Уже в античные времена выразительные средства языка представляли интерес для ученых. Еще Аристотель разграничивал литературный и разговорный язык. Его теория стиля включала и необходимость выбора слов и фигуры речи (Линтвар 2013: 129).

В наше время выразительные средства активно изучались и изучаются в работах таких ученых, как В. П. Григорьев, Н. Н. Иванова, И. И. Ковтунова, Н. А. Кожевникова, О. Н. Линтвар, Е. А. Некрасова, З. Ю. Петрова и др.

В научных работах отождествляются слова «выразительность» и «экспрессивность», что отражено в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой: «Выразительный. То же, что экспрессивный» (Ахманова 2004: 91). В. П. Москвин понимает «экспрессивность» как «некоторое качество речи, а именно – как выраженность в ней тех или иных эмоциональных состояний, переживаний субъекта, экспрессивность» (Москвин 2004: 4). Традиционно «выразительные средства» подразделяется на «тропы» и «фигуры» (Москвин 2004: 2).

Н. В. Никитина отмечает, что «тропы – средства словесной образности. Стилистические фигуры – синтаксические конструкции, используемые для передачи эмоционально-экспрессивного значения» (Никитина 2008: 43).

Одним из часто встречающихся в поэтическом творчестве выразительным средством является сравнение. В «Литературном энциклопедическом словаре» сравнение определяется как «образное словесное выражение, в котором изображаемое явление уподобляется другому по каким-либо общему для них признаку с целью выявить в объекте сравнения новые, важные свойства» (ЛитЭС 1987: 418). В. П. Москвин считает, что «важнейшая функция сравнения – художественное описание объекта» (Москвин 2004: 23).

Существует много разнообразных средств, с помощью которых выражается сравнение. Например, сравнительный оборот или творительный сравнения. К первому можно отнести контекст: *В окна бьют без промаха / Вороны крылом, / Как метель, черёмуха / Машет рукавом* (Есенин 1970: 84).

Ко второму можно отнести следующий пример: *Сыплет черемуха снегом, / Зелень в цвету и росе* (Есенин 1970: 70).

Хотя «метафора и сравнение находятся в отношениях производности», однако они отличаются друг от друга по степени содержательности: «по своему содержанию метафоры часто бывают богаче соответствующих сравнений» (Северская 1994: 111).

1.4.2. Метафора

Джордж Лакофф и Марк Джонсон в своей работе «Метафоры, которыми мы живем» пишут, что метафора «пронизывает всю нашу повседневную жизнь, наша понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем, метафорична по самой своей сути» (Лакофф, Джонсон 2004: 26).

В «Словаре лингвистических терминов» метафорой называется «перенос названия с одного предмета (явления, действия, признака) на другой на основе их сходства» (Жеребило 2010: 198).

В широком смысле метафора это – «смысловой сдвиг, основанный на ассоциации семантических / образных, в том числе референциальных представлений "по сходству" их компонентов», в узком смысле это – «смысловой сдвиг», который изменяет «семантические компоненты значения и соответствующие денотативные и сингнификативные представления» (Северская 1994: 111).

О. И. Северская приводит слова Н. Д. Арутюновой: «метафора рождается в результате взаимодействия <...> объектов действительности (основного субъекта метафоры) и некоторых представлений, ассоциируемых с вспомогательным субъектом, с некоторой признаковой категорией, которая может совпадать со значением метафоризируемого слова» (Цит. по: Северская 1994: 109).

В. П. Москвин выявляет несколько направлений классификации метафор. Первое из них «предполагает группировку метафор по тематической принадлежности вспомогательного субъекта». Вторым является классификация метафор «по основному субъекту». При такой классификации в качестве основного объекта «могут выступать, в частности, такие понятия, как, например,

красный цвет (*вишневая шаль, брусничное платье, коралловые губы, рубиновые ягоды клюквы*)» (Москвин 2004: 15-16).

В «Словаре лингвистических терминов» предлагается другая классификация: «с точки зрения стилистической окраски и использования в языке метафоры делятся на три группы: 1) утратившие образность: ручка двери; 2) сохраняющие в языке образность: *бисерный почерк*; 3) авторские, индивидуально-стилистические метафоры: *Улыбкой ясною природа сквозь сон встречает утро года* (Пушкин)» (Жеребило 2010: 198).

По убеждению В. П. Москвина, метафорическая номинация создается двумя способами: во-первых, метафора может осуществляться с помощью средств одной семантической микросистемы. Во-вторых, она может реализоваться путем использования лексики другой лексической микросистемы (Москвин 2004: 78).

Н. Д. Арутюнова отмечает, что метафора важна, так как она придает метафоризируемому предмету вторичный предикат, характеризует явления человеческой психики, обозначает события, действия и состояний, а также абстрактные понятия (Арутюнова 1979: 164).

1.4.3. Олицетворение

Олицетворение, как и другие выразительные средства, тоже часто используется в поэзии. Среди тропов олицетворению обычно отводится второстепенное место. «Некоторые исследователи даже исключают его из системы тропов», – отмечает Е. А. Некрасова (Некрасова 1994: 13).

В. П. Москвин так определяет суть олицетворения: «Олицетворение, прозопопея, или просопопея [ср. греч. *prosopon* ‘лицо’ и *poieo* ‘делаю, творю’], заключается в том, что при изображении предметов, растений, животных и явлений природы последние наделяются свойствами людей – к примеру, такими, как дар речи, способность мыслить, чувствовать, совершать определённые поступки и т. д.» (Москвин 2004: 21).

Однако олицетворение у В. П. Григорьева имеет более широкое значение: «увеличение меры духовности, присущей денотату» (Григорьев 1973: 116).

Вслед за В. П. Григорьевым Е. А. Некрасова определяет олицетворение как «придание олицетворяющему объекту действия, деталей или свойств, не имеющих "опоры" в реальном денотате» (Некрасова 1994: 13). Она отличает олицетворение от метафоры следующим образом: «для олицетворения, как это не парадоксально на первый взгляд, оказывается необязательной зрительная наглядность элементов образа <...>, но существенной представляется цельность образной зарисовки» (Некрасова 1994: 25).

Различия между этими выразительными средствами заключаются в том, что «метафорическое слово имеет денотат, обозначаемый другим словом, олицетворение же выражается словом, называющим тот же денотат (Некрасова 1994: 14). Автор считает, что олицетворение отличается от метафоры тем, что олицетворению свойственен предметный аналог, а метафора его не имеет (Некрасова 1994: 15).

Подобно сравнению и метафоре, «олицетворение может возникнуть в контексте метафоры» (Северская 1994: 127-128). Например, *Улыбнулись сонные березки / Растрепали шелковые косы* (Есенин 1970: 327).

По мнению Е. А. Некрасовой, существуют несколько видов такой перестановки. Например, во-первых, «перестановка связей и отношений человека и природы». Во-вторых, «перемена мест значимых элементов высказывания или предложения в позиции субъекта и объекта, что приводит к нарушению причинно-следственных связей между ними» (Некрасова 1994: 49-50). Третий вид – это «обращение к неодушевленному объекту как способ олицетворения» (Некрасова 1994: 53).

И. И. Ковтунова так интерпретирует последний вид переноса: это «роль адресата речи – это не перенесение свойств лиц на неодушевленные предметы или явления природы, но стремление вступить с ними в тесный контакт, установить связь, чтобы глубже их понять» (Ковтунова 1986: 90).

О. И. Ревуцкий пишет, что «среди поэтических текстов, в основу которых положен троп олицетворение, наиболее распространены такие, в которых человеческими качествами наделяются наименования растений» (Ревуцкий 2014: 129).

В поэтических текстах, где встречается олицетворение растений, «часто передаются черты не только одного человеческого существа, но и человеческие отношения, в частности, дружеской поддержки, взаимопомощи, заботы друг о друге, любви, реже – непонимания, противоборства, несогласия» (Ревуцкий 2014: 130).

1.4.4. Эпитет

В «Литературном энциклопедическом словаре» эпитет определяется как «образное определение предмета (явления), выраженное преимущественно прилагательным, но также наречием, именем существительным, числительным, глаголом» (ЛитЭС 1987: 512). Обычное определение «выделяет данный предмет из многих («тихий звон»)), а эпитет «либо выделяет в предмете одно из его свойств («гордый конь»)), либо – как метафорический эпитет – переносит на него свойства другого предмета («живой след»))» (Москвин 2004: 163).

В. П. Москвин выделяет еще один тип эпитетов: «метонимические (*зеленый шум*)», которые образуются в результате использования стилистического приема, именуемого смещением (Москвин 2004: 161).

В. П. Москвин также по семантическому параметру выделяет «эпитеты цветковые (*лазурное небо, янтарный мед*)», и эпитеты, которые дают «психологическую, поведенческую, портретную характеристику лица либо характеризующие объекты по форме, размеру, температуре и т. д.» (Москвин 2004: 162). По мнению исследователей, «основными функциями эпитетов являются изобразительная и оценочная (*золотой век, серебряный век*)» (Там же).

1.5. Образ и парадигма образов

Выразительные средства участвуют в процессе создания поэтических образов. Исследованием данной сферы лингвистической поэтики занимались Е. Б. Борисова, Н. В. Павлович и др. По словам Н. В. Никитиной, образность является «основной специфической чертой художественного стиля» (Никитина 2008: 42).

По словам Е. Б. Борисовой, «образ – это, прежде всего, категория эстетики». Он как особый способ воплощения и переноса реальности свойствен только искусству (Борисова 2009: 20).

В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой есть понятие 'значение образное', которое определяется как «значение слова, которое функционирует в качестве тропа» (Ахманова 2004: 163). Следовательно, в лингвистике «образ» можно понять через «понимание образности как лингвистической категории, которую трактуют, как семантическую двуплановость, то есть перенос названия с одного объекта на другой» (Борисова 2009: 23).

Под поэтическим образом Н. В. Павлович понимает «небольшой фрагмент текста, в котором сближаются противоречащие в широком смысле понятия» (Павлович 2007: 29).

Исследователь предлагает понятие «парадигма образов» и определяет его как «инвариант ряда сходных с ним образов, который состоит из двух устойчивых смыслов, связанных отношениями отождествления ("Время"→"вода")». Парадигма образов – это «маленький смысловой закон, действующий в поэтическом языке» (Павлович 2007: 30).

1.6. Понятие «идиостиль»

Современная лингвистическая поэтика обращается к такому понятию, как «идиостиль». Исследованием данной сферы занимались Е. В. Богданов, И. И. Степанченко, В. В. Леденева и др. По словам В. В. Леденевой, «идиостиль проявляется в приеме "сцепления" слов, построения текста, создания образных средств речи (тропов и фигур)» (Леденева 2001:12).

Е. В. Богданова считает, что «понятие "идиостиль", служащее для обозначения индивидуально-авторского стиля, в широком смысле обозначает систему содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям определенного автора» (Богданова 2011: 100). Особенность идиостиля представляет собой «предпочтение языковых средств, устанавливаемое по фактору частности» (Леденева 2001:12). Наряду с понятием «идиостиль», существует и понятие «идиолект», в узком смысле, идиолект – это особенности речи носителя языка, в широком смысле идиолект обозначает тексты говорящего как предмет изучения (ЛЭС 1990: 171).

По словам И. И. Степанченко, «лексика идиостиля традиционно изучалась в парадигматическом аспекте, чаще всего на уровне различных лексико-семантических групп, полей и т. д., а также в синтагматическом». Традиционно в идиостилях также исследуются такие единицы, как метафора и сравнение (Степанченко 1991: 41). В любом идиостиле можно выделить «доминативные черты разной степени обобщенности» (Там же: 35).

Таким образом, мы понимаем идиостиль (индивидуальный стиль) как совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи поэта / писателя.

1.7. Особенности идиостиля С. Есенина и Сюй Чжимо

Сергея Александровича Есенина (1895-1925) называют поэтом крестьянской Руси. Поэт родился в селе Константиново Рязанской губернии в крестьянской семье.

Ученых интересуют такие проблемы творчества С. Есенина, как мотивы и роль природы в его произведениях. Его ранние стихи отражают «обостренное чувство природы», «горячую любовь к крестьянской Руси» (Гайсарьян 1964: 898). Гу Юньпу пишет, что стихотворения С. Есенина «насыщены любовью к родине и родной земле» (Гу 1999: 2).

Как отмечает А. И. Захаров, «люди, животные, растения, вещи и стихии, – по С. Есенину, дети единой матери-природы, живые существа» (Захаров 1978: 221). Идиостиль С. Есенина изучается и китайскими учеными: «Его уникальный идиостиль глубоко в народной земле и тесно связан с русской поэтической традицией (классической поэзии и фольклором)» (Гу 1999: 5).

В начале XX века в Китае появилась так называемая «новая поэзия», которая, как пишет Черкасский Л. Е., «пыталась уйти от привычной традиционности» (Черкасский 1988: 5). Поэт-романтик Сюй Чжимо (имя при рождении Сюй Чжансюй) (1897-1931) «родился в провинции Чжэцзян в уезде Хайнина на юге Китая в семье коммерсанта. Имя "Чжимо", означающее "перспективы", дал ему отец к поездке в США» (Чжао 2008: 205-206). Будущий поэт получил классическое домашнее образование. В 1918 году «с мыслью получить хорошие знания и навыки во благо родины» он отправился в Америку учиться. В 1919 Сюй Чжимо активно участвовал «в патриотическом движении "Четвертого мая"». Потом он учился в Колумбийском университете на экономическом факультете. Он поступил в Кембриджский университет и начал писать стихи, на его творчество оказали влияние идеи западного романтизма. В 1925 году Сюй Чжимо «во время поездки в Европу посетил Советский Союз, Германию и другие страны» (Черкасский 1969: 100-102). Ранние произведения поэта «носили социальный, гуманистический характер. С середины 20-х годов <...> на первое место выдвигалась *спасительная* идея любви <...> поэт пытался поведать читателю о "чистом идеале", не найден-

ном в жизни» (Черкасский 1988: 112).

Ученых интересует, как на творчество Сюй Чжимо повлияли такие факты его биографии, как учеба в Англии и западная поэтическая традиция. Основными мотивами творчества исследователи называют стремление поэта «высказать заветные желания» и «выразить свои эмоции». По словам Ли Чэнси, Сюй Чжимо пишет о «красоте, мечте, любви, судьбе народа и родины» (Ли 1994: 78-79). Люй Цинжань пишет, что в языке лирики Сюй Чжимо «объединяются разговорность, картинность и музыкальность» (Люй 2007: 44-45).

Таким образом, С. Есенин и Сюй Чжимо, жившие и творившие в одно время, часто обращаются в своей лирике к природе. Их стихотворения широко известны в России и Китае соответственно. Однако, можно предположить, что условия жизни по-разному повлияли на особенности их идиостилей.

Выводы

Слова в языке связаны внутренними отношениями, благодаря чему можно говорить о системности в лексике. Системность проявляется, прежде всего, в возможности описания лексики с точки зрения полевой организации.

Выделяются, например, такие поля, как понятийное, семантическое, лексико-семантическое, ассоциативное, метафорическое и др. Каждое поле обладает универсальными чертами и уникальными свойствами. В данном исследовании мы будем обращаться к лексико-семантическому полю (ЛСП). ЛСП состоит из слов одной части речи с одной общей семой и является одним из структурных типов семантического поля. Оно имеет ядро, приядерную часть и периферию.

В лексикологии выделяются лексико-тематические (ЛТГ) и лексико-семантические группы (ЛСГ). Под ЛСГ понимается группа слов одной части речи, объединенная интегральной семой с однородными, сопоставимыми значениями. Мы будем рассматривать ЛСГ как структурную единицу ЛСП.

Эти два понятия соотносятся как общее и частное. ЛСГ, по мнению ученых, отличается высшей степенью однородности и упорядоченности.

В исследовательской литературе, посвященной описанию наименований растений, используются такие термины, как «фитоним», «флористическая лексика» и «флороним». Данные термины четко не определены, и в ряде случаев наблюдается смешение этих понятий. Как правило, исследователи под этими терминами понимают «народное или научное название растения, составную часть растения, формы растительности и выражения, компонентом которых являются наименования растений». Мы понимаем термин «фитоним» как синонимический понятию «название / наименование растения».

Названия растений часто встречаются в поэтических текстах в тропеических конструкциях, в частности, в сравнении, метафоре и олицетворении. Сравнение представляет собой уподобление одного понятия другому на основе общего признака. По степени содержательности метафора богаче сравнения, потому что метафора есть «смысловой сдвиг», в результате которого компонент значения основного субъекта изменяется. Олицетворение придает черты человека неодушевленному предмету. Тропы участвуют в создании образного представления.

Образ представляет собой фрагмент текста, в котором сближаются «противоречащие в широком смысле понятия». Смысловой инвариант образов называется парадигмой образов.

Поэтический текст является сложно организованной системой, слово в которой приобретает особое значение. В поэтическом тексте в первичном значении слова открывается новое. Слово в поэзии обладает особой рефлексивностью, в ней нет форм немотивированных.

Индивидуальные языковые особенности словоупотребления автора характеризуют его идиостиль. Идиостиль (индивидуальный стиль) – это совокупность языковых и стилистико-текстовых особенностей, свойственных речи поэта / писателя. Особенности того или иного идиостиля проявляются в том числе в характере использования выразительных средств, способах создания образного представления, в индивидуальных способах расширения парадигмы образов.

С. Есенин и его современник Сүй Чжимо нередко обращаются к описанию природы. Тема природы в их лирике занимает важное место. На идиостиль С. Есенина оказывает влияние народная традиция. В некоторых стихотворениях Сүй Чжимо видно влияние западного романтизма XIX века, тем не менее, по наблюдению исследователей, в лирике поэтаотражена и

Глава II. Наименования растений в лирике С. Есенина и Сюй Чжимо

2.1. Лексико-семантическое поле «Растительный мир»

2.1.1. Классификация наименований растений в русском и китайском языках

Лексические единицы, обозначающие растения в русском языке, достаточно разнообразны. В «Тематическом словаре русского языка» Л. Г. Саяхова, Д. М. Хасанова и В. В. Морковкина предложена классификация по тематическому принципу. В разделе «Растительный мир» выделяются следующие подразделы: «Растительный массив; места, где произрастают растения», «Виды растений», «Технические культуры и растения, употребляемые в пищу и как приправа к пище», «Наркотические растения», «Овощные растения», «Бахчевые растения», «Бобовые растения», «Зерновые растения», «Ягодные растения и их плоды», «Кустарниковые растения и их плоды», «Деревья», «Южные растения и деревья», «Цветковые растения», «Строение растения», «Размножение растений» и

«Рост и развитие растений».

В «Идеографическом словаре русского языка» О. С. Баранова в разделе «Растительный мир» выделяется восемь подразделов: «Растительный мир», «Систематика растений», «Культурные растения», «Морфология растений», «Органы растений», «Физиология растений», «Размножение растений» и «Флора». По сравнению с «Тематическим словарем», в данный словарь входит больше ботанических терминов и названий растений, которые произрастают в Китае.

Среди словарей китайского языка нам удалось найти только один подобный словарь «现代汉语分类大词典» («Словарь-тезаурус современного китайского языка»). В нем обнаруживаются различия в структуре классификаций фитонимов по сравнению с классификациями в двух русских словарях, названных выше. «Растения (общие названия растительной реалии)» и «Виды растений» являются отдельными разделами. В первый раздел входят подразделы «Систематика растений», «Растительный массив», «Семена», «Корень», «Растение как целое и часть растения», «Лист и черешок», «Почка, росток», «Цветы», «Плоды», «Кора», «Побег». Наряду с подразделом «Засыхание» есть подраздел «Увядание», а наряду с подразделом «Расцветание» есть подраздел «Колошение, цветение, завязь». В раздел «Виды растений» входят следующие подразделы: «Зерна, злаки», «Бобы», «Овощи», «Фруктовые деревья и фрукты», «Масличные культуры», «Текстильные культуры», «Лекарственные растения», «Технические культуры», «Ландшафтные растения», «Травы», «Деревья», «Бамбук и тростник», «Пальма», «Мох и папоротник», «Грибы, лишайник и водоросли». В своей основе классификации, предложенные в русских и китайском словарях, совпадают, однако существуют и расхождения, которые показаны в следующей таблице (см. таблица 1)

Таблица 1.

	Тематический словарь русского языка	Идеографический словарь русского языка	Словарь-тезаурус современного китайского языка
ВИДЫ РАСТЕНИЙ			
Мох, папоротник	-	-	+
Грибы, лишайник, водоросли	-	+	+
Лекарственные растения	-	-	+
Наркотические растения	+	-	-
Бахчевые растения	+	+	-
Кустарниковые растения и их плоды	+	+	-
Ландшафтные растения	-	-	+
Южные растения и деревья	+	-	-
Пальма	-	-	+
Бамбук	-	-	+

ЖИЗНЕННЫЙ ЦИКЛ			
Побег	-	-	+
Колошение, цветение, завязь	-	-	+
Засыхание	-	-	+
Увядание	-	-	+
Цветение	-	-	+
БОТАНИЧЕСКАЯ СИСТЕМАТИКА			
Общие названия растительной реалии	-	+	+
НАЗНАЧЕНИЯ РАСТЕНИЙ			
Масличные культуры	-	-	+

С точки зрения частей речи, и в русском, и в китайском языках имя существительное занимает доминирующее место по количеству при описании растений, хотя с точки зрения морфологии, китайский и русский язык очень отличаются. Надо отметить, что в китайском языке раздел «Рост и развитие растений» имеет несколько подразделов близких по значению для описания этого процесса.

Например, «Засыхание» (точный перевод: «засохший») и «Увядание» (точный перевод: «увянуть»), «Цветение» и «Полный расцвет». В подразделы «Полный расцвет» и «Засыхание» входят только прилагательные, а в русском языке это явление описывают глаголы. А в «Словаре-тезаурусе современного китайского языка» в подразделы «Побег», «Колошение, цветение, завязь» и «Увядание» только входят глаголы. По определению в «Толковом словаре китайского языка» 干枯 (形) *засыхание* означает 'растение утратило жизненные силы от потери воды или нехватки питания' (Толковый словарь китайского языка 2012: 298). А слово 凋谢 (动) *увядание* означает 'поблекнуть и засохнуть' (Толковый словарь китайского языка 2012: 419). Итак, 干枯 (засыхание) понимается как процесс, а 凋谢 (увядание) является результатом засыхания или гибели растения по другим причинам.

А в «Словаре-тезаурусе современного китайского языка» не выделяются такие разделы, как «Южные растения и деревья», «Наркотические растения», «Бахчевые растения», «Кустарниковые растения и их плоды». Они представлены в «Тематическом словаре русского языка» Л. Г. Саяхова, Д. М. Хасанова и В. В. Морковкина. А подразделы «Бамбук», «Пальма», «Масличные культуры», «Мох, папоротник», «Лекарственные растения» и «Ландшафтные растения» в данном словаре не выделяются, но они включены в классификацию китайского словаря.

Таким образом, лексические единицы описания растений в русском и китайском языках отражают природные, языковые и национально-культурные особенности двух культур.

2.1.2. Лексико-семантическое поле «Растительный мир» в лирике С. Есенина и Сюй Чжимо

Рассмотренные выше классификации наименований растений в русском и китайском языках позволяют нам выработать собственные принципы классификации растений в лирике С. Есенина и Сюй Чжимо и структурировать лексико-семантическое поле «Растительный мир» в лирике обоих поэтов. Данные словарей русской поэзии позволят нам сопоставить ЛСП «Растительный мир» лирики С. Есенина и русской поэзии XX века.

Большинство фитонимов, встречающихся в лирике С. Есенина, представлены в «Большом толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова, «Тематическом словаре русского языка» Л. Г. Саяхова, Д. М. Хасанова и В. В. Морковкина и «Идеографическом словаре русского языка» О. С. Баранова, кроме таких слов, как *ковыльница*, *березь*, *кленочек*, *перелесица*. В «Словаре языка Есенина» Г. И. Шипулиной даются следующие определения этих слов: *ковыльница* (обл.) – это «степь, покрытая ковылем» (Шипулина 2013: 174); *березь* (оказионализм) – «березовая роща или лес» (Там же: 29); *кленочек* (нов.) – это «уменьшительно-ласкательное от клен» (Там же: 170). А *перелесица* (диал.) – это «то же, что перелесок» (Новый словарь русского языка 2000: 808).

Исследователи, обращаясь к описанию растительного мира в лирике русских поэтов, предлагают для описания в том числе способ структурирования семантического поля. Такой опыт представлен в словаре «Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX-XX вв. Вып. 3» Н. А. Кожевниковой, З. Ю. Петровой. Но в нем группируются растительные реалии только как опорные слова метафор и сравнений. Словарь строится на идеографическом принципе (принципе семантического поля). Однако в нашей работе рассматривается ЛСП «Растительный мир», т. е. не включаются слова других частей речи, а также исследуются наименования растительного мира как предмет сравнения, а в вышеназванном словаре как образ сравнения. К тому же в данном словаре представлены такие важные для русской лирики группы лексем, как «Жизненный цикл растений» (*бутон*, *бутончик*, *почка*, *побег*, *росток* и *нераспустившийся цветок*), «Семена», «Орехи», однако они редко (не более 2 раз) встречаются или не представлены вовсе в собранном нами материале, поэтому мы не будем обращаться к принципам описания, предложенным авторами данного словаря.

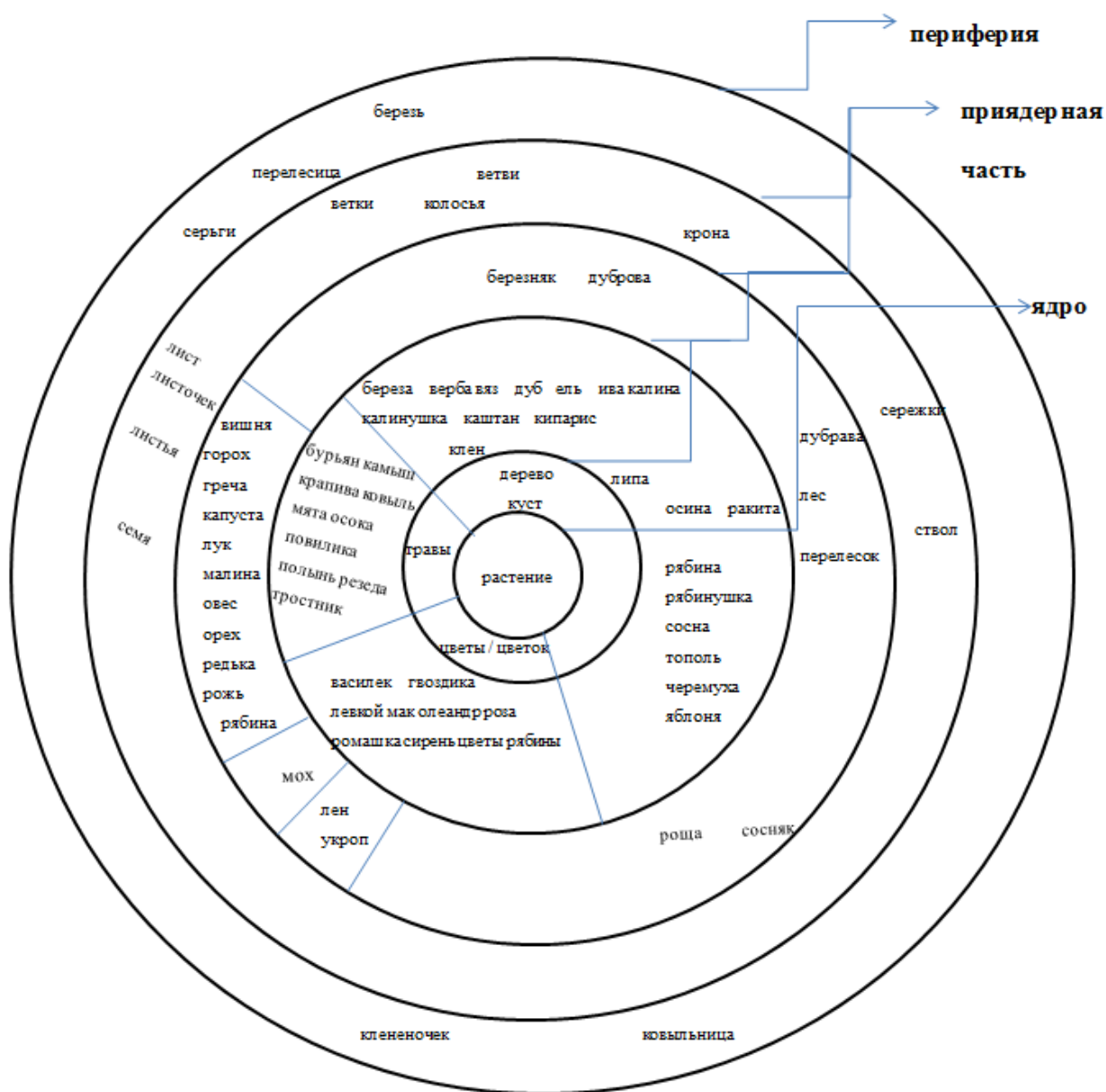
В связи с этим в исследовательских целях нами была предложена собственная классификация, что обусловлено практическими потребностями описания поэтической номинации и задачами нашего исследования.

Методом сплошной выборки в лирике С. Есенина было собрано 86 наименований растений, представленные в 232 контекстах употребления. Мы распределили их на 9 групп («Совокупность растений», «Род растения», «Цветы», «Деревья и кусты», «Травы», «Плоды», «Мох», «Строение растения» и «Технические культуры»).

Структурировано ЛСП «Растительный мир» лирики С. Есенина (см. Схему № 1). Внутри поля складываются отношения «род – вид» и «часть – целое». Ядро и периферия выделяются по семантической близости к заглавному сло-

ву (растение) этого поля. Итак, ядро, согласно теории ЛСП, занимает заглавное слово *растение*. Далее мы выделяем следующие группы: «Деревья и кусты», «Травы», «Цветы», «Плоды», «Строение растения», «Совокупность растений», «Мох» и «Технические культуры». Подгруппа «Виды деревьев и кустов» относится к группе «Деревья и кусты», к группе «Травы» относится подгруппа «Виды трав», к группе «Плоды» – подгруппа «Виды плодов», к группе «Цветы» – подгруппа «Виды цветов».

Схема № 1.

Следующие группы: «Деревья и кусты», «Травы», «Совокупность растений», «Плоды», «Род растения», «Технические культуры», «Мох» и «Цветы» относятся к приядерной части. А группа «Строение цветов» относится к периферийной части поля. К периферии также относятся такие лексемы (диалектные слова, неологизмы и слово другого поля) как *березь*, *ковыльница*, *клененочек*, *серьги* и *перелесица*.

Лексемы-фитонимы как в прямом, так и в образном значении, в составе тропеических высказываний в структуре поля располагаются в одной его зоне, поскольку для языка лирики они представляют одинаковую ценность.

Однако разные зоны в лирике С. Есенина представлены неравномерно. Например, лексема *растение* встречается только один раз, а разные наименования цветов многократно. Соотношение лексем-фитонимов лирики С. Есенина по разным ЛСГ представлено в Приложении № 1.

Выявим особенности словоупотребления С. Есенина на фоне словоупотребления девяти поэтов XX века (И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова, М. Цветаевой), опираясь на «Словарь языка русской поэзии XX века» и Национальный корпус русского языка. Сравним частотность обращения к тем или иным наименованиям растений в русской лирике XX века и в поэзии С. Есенина.

В результате сопоставления были выявлены следующие лексемы – наименования растений, к которым обращается в своей поэзии С. Есенин, но в русской лирике его времени они встречаются редко. Например, не более 10 раз в русской поэзии XX века, по данным «Словаря языка русской поэзии XX века», употребляются следующие лексемы: *сосняк* (3 в русской поэзии – 2 у С. Есенина), *олеандр* (2 в русской поэзии – 1 у С. Есенина), *калина* (1 в русской поэзии – 2 у С. Есенина), *василек* (4 в русской поэзии – 1 у С. Есенина), *укроп* (2 в русской поэзии – 1 у С. Есенина), *повилика* (4 в русской поэзии – 1

у С. Есенина), *крона* (5 в русской поэзии – 5 у С. Есенина), *бурьян* (1 в русской поэзии – 1 у С. Есенина), *греча* (1 в русской поэзии – 1 у С. Есенина). А некоторые наименования свойственны только поэзии С. Есенина: *березь* (обл.), *ковыльница* (обл.), *кленочек* (нов.), *калинушка* (нар.-поэт.). Эти слова в «Словаре языка русской поэзии XX века» приводятся только в лирике С. Есенина, а лексема *перелесица* (диал.) еще у одного поэта.

Самыми частотными наименованиями в русской лирике, по материалам «Словаря языка русской поэзии XX века», являются лексемы *лес*, *куст*, *дерево*, *липа* и *роза*.

Таким образом, сам выбор слов у С. Есенина обусловлен крестьянским мировидением поэта и отличается от словоупотребления других поэтов XX века.¹ Интересно, что лексема *роза*, значимая в русской поэзии, часто встречается и у С. Есенина, но в основном в его цикле стихотворений «Персидские мотивы», а значит, когда поэт обращается к другой, восточной, культуре.

В стихотворениях Сюй Чжимо удалось выявить 109 наименований растений, представленных 149 контекстами употребления. Наименования растений в лирике Сюй Чжимо можно распределить также по 9 группам: «Цветы», «Деревья и кусты», «Травы», «Мох», «Вьющиеся и ползучие растения», «Плоды», «Строение растения», «Род растения» и «Совокупность растений».

Надо отметить, что некоторые китайские названия растений являются существительными, но их русский перевод является составным наименованием (*оливковый лес*, *бамбуковая чаща*, *кленовый лес*, *заросли османтусов*, *тростниковые заросли*, *травяная поросль*, *ползучие травы*, *цветы сливы*, *цветы каштана*, *цветы граната*, *хлопковое дерево*, *лотосовый орех*). По словарю Т. В. Жеребило, «составное наименование – это лексически делимое сочетание слов, но значения слов в структуре лексикализованного словосочетания не всегда тождественны значениям в свободном употреблении» (Жеребило 2010: 485). В исследовательских целях мы будем считать составные наименования сочетанием слов, которое является смысловым единством.

В Приложении № 2 показано количество собранных единиц и контекстов. Количество контекстов, в которых встречаются наименования растений у С. Есенина намного больше, чем у Сюй Чжимо, хотя наименований растений у Сюй Чжимо больше, чем у С. Есенина. Сюй Чжимо чаще всего обращается к группам «Деревья и кусты», «Строение растения», «Совокупность растений» и «Род растения». В лирике обоих поэтов деревья несут большую поэтическую нагрузку. В «Толковом словаре китайского языка» («现代汉语大词典») и в «Словаре-тезаурусе современного китайского языка» представлены все наименования растений, к которым обращается Сюй Чжимо, т. е. нами не обнаружены индивидуальное словоупотребление, как в поэзии С. Есенина, что обусловлено морфологическими особенностями китайского языка.

Названия растений в лирике Сюй Чжимо разнообразны, в них включаются

¹ Выбранные фитонимы представлены в Приложении 1.

не только типичные китайские (桃花 цветки персика, 蓮 лотос, но и экзотические для Китая (芭蕉 японский банан, 菩提 фига) (см. Приложение 4).

Следует отметить, что в лирике Сюй Чжимо есть группа «Вьющиеся и ползучие растения», которая отсутствует в поэзии С. Есенина. Обратившись к «Большой советской энциклопедии» (БСЭ), мы выяснили причины отсутствия группы «Вьющиеся и ползучие растения» в лирике С. Есенина. Как написано в БСЭ, *глициния* (см. Приложение 4) – один вид вьющихся и ползучих растений, которые встречаются «на юге Китая», а в России только «на Черноморском побережье Крыма и Кавказа» (БСЭ 2000: 502)

Структурируем ЛСП «Растительный мир» лирики Сюй Чжимо (см. Схему № 2). Внутри поля складываются отношения «род – вид» и «часть – целое». В основе деления на ядро и периферию также лежит семантическая близость к слову *растение*. Итак, ядро, согласно теории ЛСП, занимает заглавное слово *растение*. Внутри поля складываются отношения «род – вид» и «часть – целое». Далее мы выделяем следующие группы: «Деревья и кусты», «Травы», «Совокупность растений», «Мох», «Строение растения», «Цветы», «Травы» и «Вьющиеся и ползучие растения». Подгруппа «Виды деревьев и кустов» относится к группе «Деревья и кусты», к группе «Травы» относится подгруппа «Виды трав», к группе «Плоды» – подгруппа «Виды плодов», к группе «Цветы» – подгруппа «Виды цветов».

Схема № 2.

на и Сюй Чжимо в общем совпадают. Разные зоны в лирике Сюй Чжимо, как и в лирике С. Есенина тоже представлены неравномерно.

2.2. Поэтическая номинация растительного мира в поэзии С. Есенина и Сюй Чжимо

Каждый поэт является носителем своей национальной поэтической культуры, в его творчестве находит отражение не только авторское, индивидуальное, но и то, что свойственно национальному поэтическому видению мира. Даже в том случае, если поэт обращается к слову в его прямом значении, для читателя эта лексема может быть наполнена глубоким символическим смыслом, связанным с традициями, климатическими условиями, образом жизни народа. Например, в Китае цветущая слива символизирует стойкость, т. к. она цветет в то время, когда еще лежит снег. В России нет такого вида сливы, и особого поэтического значения это дерево не имеет.

А значит, рассмотреть символические значения слов-фитонимов, которые могут быть связаны с поэтическими традициями двух стран является особенно актуальным.

В конце XX века Н. В. Павлович было предложено понятие «парадигма образов». По словам Н. В. Павлович, поэтический образ существует вместе с другими образами. Образы реализуют «модель или парадигму» (Павлович 2007: 28). Например, в «Словаре поэтических обра-

зов» Н. В. Павлович

образы дерево – ливень, чаща – ливень составляют образную парадигму дерево → дождь, которая в свою очередь, вместе с парадигмами дерево → ветер и дерево → лавина входят в одну парадигму дерево → стихия.

Проанализируем и сопоставим парадигмы образов лирики С. Есенина и Сюй Чжимо, в своей классификации в основном опираясь на предложенную классификацию Н. В. Павлович, но в ряде случаев, предлагая свои названия парадигм образов.

В предыдущем параграфе нами был сделан вывод, что самыми представленными группами в лирике обоих поэтов являются группы «Деревья и кусты», «Цветы» и «Травы», в связи с этим остановимся именно на рассмотрении этих ЛСГ.

Таким образом, в следующих параграфах мы рассмотрим национально-культурную специфику наименований растений в творчестве С. Есенина и Сюй Чжимо, выявим поэтическую семантику наименований растений и сопоставим парадигмы образов исследуемых поэтов.

2.2.1. Лексико-семантическая группа «Деревья и кусты»

Характерными для творчества и С. Есенина, и Сюй Чжимо чертами можно назвать обращение в лирике обоих поэтов к таким лексем, как *дерево, тополь, вяз, каштан, ива, сосна*.

Однако в этом общем кроется и индивидуальное, обусловленное особенностями русской и китайской поэтических лингвокультур, особенностями индивидуального поэтического мировидения.

Как говорилось выше, номинация растений имеет национально-культурные особенности и поэтический образ объединяет прямое и переносное значения слова. Поэтому для данной работы важно рассмотреть и сравнить поэтические культурно-символические значения некоторых лексем, к которым обращаются в своем творчестве оба поэта: *ива* (Ес. 4, Сюй 3), *сосна* (Ес. 6, Сюй 8), *тополь* (Ес. 8, Сюй 6).

В России клен и тополь относятся к «мужским» деревьям (Эпштейн 2009:

26). М. Н. Эпштейн в статье «Мужские деревья» пишет, что «если в клёне поэтизируются буйная крона и сердцеликие, багряные листья, то в тополе – его рыцарственная стройность и серебристая изнанка листьев» (Эпштейн 2009: 30).

Ива – это дерево, к которому часто обращаются в русских лирических народных песнях, в «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова при этом слове приводится помета «нар.-поэт.» (Большой толковый словарь русского языка 1998: 373). В своей лирике С. Есенин довольно часто обращается к этому народно-поэтическому образу. Например, *В темной роще на зеленых елях / Золотятся листья вялых ив* (Есенин 1970: 285) и *Я еще никогда бережливо / Так не слушал разумную плоть. / Хорошо бы, как ветками ива, / Опрокинуться в розовость вод* (Есенин 1970: 135). «В русской традиции образ ивы красивый и грустный», – замечает китайский исследователь Хуан Дунмэй (Хуан 2010: 802).

У С. Есенина *ива* сочетается с прилагательным *вялый*, а у Сюй Чжимо используются лексемы *увялый* и *изможденный*: *秋雨在一流清冷的秋水边, / 一棵憔悴的秋柳里, / 一条怯懦的秋枝上, / 一片将黄未黄的秋叶上. Осенний дождь льет в пруд, / На изможденные осенние ивы, / На жалкие осенние ветки, / На желтеющие листья* (Сюй 2000: 22). По словам Хуан Дунмэй, «Лю (ива) в китайской культуре связана с разлукой, весной и образом стройной женщины» (Хуан 2010: 802). Ива символизирует разлуку. Стихотворение «Прощание с Кембриджским мостом» Сюй Чжимо написал, когда он снова уезжал из Кембриджа. Здесь с образом ивы связана тема прощания: *那河畔的金柳, 是夕阳中的新娘. Ива золотая под заходящим солнцем, / Она, новобрачная, стоит на берегу* (Сюй 2000: 352), поэтому можно выделить в китайском слове *Лю (ива)* следующие семы: ‘стройная женщина’, ‘грусть’ и ‘разлука’. В русской поэтической традиции и в лирике С. Есенина в слове *ива* тоже есть сема ‘грусть’.

В русской поэзии достаточно часто встречается образ сосны. Русский читатель вспоминает строки стихотворения М. Лермонтова, перевода Г. Гейне:

На севере диком стоит одиноко / На голой вершине сосна (Национальный корпус русского языка). По мнению И. П. Ворониной, лирический герой в этом стихотворении отождествляет себя с одинокой сосной (Воронина 2009: 714).

У С. Есенина лексема *сосна* встречается в следующих строках: *Между сосен, между елок, / Меж берез кудрявых бус, / Под венком, в кольце иголок, / Мне мерещится Исус* (Есенин 1970: 68). В других строках слово *сосна* сочетается с прилагательным *могучий*: *Загорались ярким пламенем / Сосны старые, могучие, / Наряжали сетки хвойные / В покрывала златотканые* (Есенин 1970: 296). В творчестве С. Есенина значимое для русской поэзии значение 'одиночество' при обращении к лексеме *сосна* не проявляется. Сосна у С. Есенина – это одно из деревьев русского леса. Как при обращении к народно-поэтической лексике (*ива*), так и в этом случае проявляется отмечаемая многими исследователями ведущая черта лирики С. Есенина – ее народность, в которой отражается крестьянское мировидение поэта. Его ранние стихи отражают «обостренное чувство природы», «горячую любовь к крестьянской Руси» (Гайсарьян 1964: 898).

В китайской поэзии образ суна (сосны), по словам Чжоу Жуймина «стойкий и непоколебимый» (Чжоу 2012: 90). Среди названий деревьев для Сюй Чжимо самыми частотными являются *сосна* (8) и *тополь* (6). Поэт обращает больше внимания на «жизненные силы, зеленые листья и крупный размер самого дерева, а не на темноту, холодность или печаль» (Там же). Например, *这些色香两绝的玫瑰的种时在八十老人跟前, / 好比艳眼的少艾, 独倚在虬松古柏的中间. Душистые и яркие розы перед восьмидесятилетним стариком, / Как молодая красавица стоит среди старых кипарисов и могучих сосен* (Сюй 2000: 22). Кроме сочетания слова *сосна* с эпитетом *могучий*, еще есть *青松 Чинсун* ('зеленая сосна'): *一阵阵残琴碎箫鼓, 依稀山风催瀑弄青松. Зелеными соснами шушит горный ветер, как флейты и барабаны* (Сюй 2000: 33). Такое сочетание как *чинсун* (*чин* – зеленая, *сун* –

сосна) является устойчивым в китайской поэзии.

В русской и китайской поэтических культурах, в лирике С. Есенина выделена сема 'могучая' в слове *сосна*. А в китайской поэзии и в лирике Сюй Чжимо еще и сема 'вечнозеленость'.

По нашему наблюдению, слово *тополь* не имеет в русской поэтической традиции особого символического значения. Листья тополя у С. Есенина шелковые: *И перед крашеным окном / В шелковых листьях тополя, / А там всё лес, и всё поля* (Есенин 1970: 323). Стройность и жизнестойкость тополя, которые описываются в лирике Сюй Чжимо, у С. Есенина не подчеркиваются, он описывает шум листьев тополя: *Бреду дубравною сторонкой / Под тихий шелест тополей* (Есенин 1970: 284) и *Уж не будут листвою крылатой / Надо мною звенеть тополя* (Есенин 1970: 152). Описывается потеря жизненных сил тополем: *А у низеньких околиц / Звонно чахнут тополя. // Пахнет яблоком и медом / По церквам твой кроткий Спас* (Есенин 1970: 64).

А в Китае *тополь* (*байян* 白杨) ассоциируется и с женщиной, и с мужчиной. Тополь хорошо адаптируется к разному климату, быстро растет, его отличает прямой ствол, но самое главное, он стойкий и всегда стремится вверх. Хуан Дунмэй отмечает, что недаром Мао Дунь, китайский писатель XX века, пишет рассказ «Ода тополю», «где тополь символизирует смелых северных крестьян и часовых, защищающих свою родину» (Хуан 2009: 800). Но такого образа в лирике Сюй Чжимо нами не найдено, у него тополь имеет женскую природу: *那白杨, 婀娜的多姿, 最是那树皮 / 白如霜, 依稀林中仙女们的轻衣. Тополь нежный и грациозный, / Его белая инейная кора как феи кисея* (Сюй 2000: 219). Тополь вместе с ивой называется *杨柳* (*янлю*), что ассоциируется со стройной женской фигурой. Фразеологизм *杨柳腰* (*янлюяо*) означает гибкую талию (Большой толковый словарь китайского языка 2005: 835).

Поэтому можно выделить в китайском слове *байян* (*тополь*) следующие семы: 'стройная фигура' и 'стойкость'. А русское слово *тополь* не имеет осо-

бого национального культурного значения.

Обратимся к тем наименованиям деревьев, которые встречаются только в лирике одного из исследуемых поэтов.

В ходе исследования было выявлено, что в лирике Сюй Чжимо не употребляется лексема *береза*. Однако, слово *береза* часто встречается в поэзии С. Есенина, дерево береза занимает важное место в русской культуре.

Береза «давно стала символом России – “страны березового ситца”» (Большая энциклопедия растений 2007: 51). В русской культуре дерево береза «символизирует красоту, стройность и чистоту девушки» (Большой лингвострановедческий словарь 2007: 54). С. Есенин в стихотворении «Вижу сон. Дорога черная...» назвал березу *русской*: *Эх, береза русская! / Путь-дорога узкая* (Есенин 1970: 202). Само слово отличается широкой сочетаемостью с глаголами и прилагательными. Часто слово *береза* у С. Есенина входит в состав сравнений и метафор.¹ Как и в русской поэзии, в лирике С. Есенина это слово представлено с семами ‘красота’, ‘стройность’ и ‘девичья чистота’.

Таким образом, в русской поэзии и в лирике С. Есенина у лексемы *береза* можно выделить семы ‘красота’, ‘стройность’, ‘девичья чистота’ и ‘символ России’.

Особо остановимся на названиях деревьев в китайской поэзии, которые малоизвестны русскому читателю и имеют определенную символику. Прокомментируем такие слова, как *софора* (槐树) и *бамбук* (竹).

По определению «Биологического энциклопедического словаря», «Софора (*Sop-hora*) род листопадных и вечнозелёных деревьев и кустарников <...> Цветки белые, желтоватые, розовые или синева-фиолетовые, в кистях или метёлках» (Биологический энциклопедический словарь 1986: 594). Ци Иунгуй пишет, что «Долголетие софоры, ее большую крону и тень ее густых листьев очень часто описывали древние китайцы. Народ ей преклонялся, считая, что в ней жил некий дух» (Ци 2007: 207). Образ «старая, высокая и

¹О лексеме *береза* в составе метафоры и сравнения в лирике С. Есенина см. ниже.

густая софора» тоже присутствует в лирике Сюй Чжимо: 小蛙独坐在残兰的胸前, 听隔院蚓鸣, / 一片化不尽的雨云, 倦展在老槐树顶. *Лягушка слушает, как поет червь, сидя перед увянувшей орхидеей, / Влажное облако висит над старой софорой* (Сюй 2000: 117). Или 喝酒玩吧, 这槐树下凉快; 看槐花直掉在你的杯中. *Пей, прохладнее под софорой, / Смотри, как цветы падают в стакан твой* (Сюй 2000: 322). В китайской поэтической лингвокультуре и в лирике Сюй Чжимо можно у слова *софора* выделить семы: ‘старая’ и ‘спасает от жары’.

Бамбук имеет прямой, крепкий, но пустой ствол, поэтому в китайской классической поэзии бамбук уподобляется человеку широкой души, но со своими принципами (Хуан 2010: 804). В китайской поэзии в слове *бамбук* можно выделить семы ‘человек широкой души’ и ‘человек с принципами’.

Бамбук (см. Приложение 4) является одним из любимых растений древних китайских поэтов. Знаменитый китайский поэт Су Дунпо (1037-1101 гг.) высоко ценил бамбук и считал бамбук благородным растением: 宁可食无肉, 不可使居无竹 / 无肉令人瘦, 无竹令人俗. *Лучше жить по соседству с бамбуком, чем есть мясо. / Без мяса мы похудеем, без бамбука жизненную энергию потеряем* (Литературоведческий словарь поэзии династии Сун (X – XIII вв.) 2015: 349). Позже китайский поэт Чжэн Се (1693-1765) (псевдоним Баньцяо) в стихотворении «Бамбук и камень» писал, как бамбук выжил при суровых условиях: 咬定青山不放松, / 立根原在破岩中. *Бамбуки выросли красивыми и высокими на горах. / Укрепились их корни в скалах* (Юй 2011: 434). А значит, в китайской классической поэзии можно выделить в лексеме *бамбук* сему ‘вкус к жизни’ и ‘жажда жизни’.

В лирике Сюй Чжимо можно выделить в слове *бамбук* еще такую сему, как ‘очистить сердце’: 透露内里的青篁, 又为我洗净 / 障眼的盲翳, 重见宇宙间的欢欣. *Бамбуковая чаща мне опять смыла пелену с глаз своей прозрачной зеленью, / и я снова увидел радость в мире* (Сюй Чжимо 2000: 241).

А в русском аргю слово *бамбук* имеет совсем другие значения: ‘глупый человек’ и ‘бездельник’ (Словарь русского аргю 2000: 24).

Таким образом, обнаружены общие для С. Есенина и Сюй Чжимо семы в некоторых названиях растений (сема ‘грусть’ в слове *ива*). Важно отметить, что в лирике обоих поэтов встречаются семы, которые представлены в разных лексических единицах (сема ‘стройная фигура’ в слове *тополь* у Сюй Чжимо и в лексеме *береза* у С. Есенина).

Нам удалось выделить следующие парадигмы образов, которые встречаются в лирике С. Есенина и Сюй Чжимо: дерево → человек, часть дерева → часть тела человека, дерево (часть дерева) → движение человека, дерево → выражение чувств, эмоций человека, дерево → сон человека, шум деревьев → звуки, дерево → животное, дерево → эмоциональные состояния и переживания, дерево → другое растение, дерево (часть дерева) → предмет, часть дерева → ткань. В поэзии С. Есенина и Сюй Чжимо в силу антропоцентризма человеческой деятельности чаще всего в качестве опорного слова выступает наименование человека и слова, характеризующие его деятельность, поэтому среди этих парадигм мы особо рассмотрим парадигмы образов, связанные с человеком и его деятельностью.

Деревья в лирике С. Есенина и Сюй Чжимо сравниваются с разными людьми. Представлена широкая парадигма образов дерево → человек.

С одной стороны, особое место и у С. Есенина, и у Сюй Чжимо занимает при поэтической номинации дерева образ женщины. С женщиной в их лирике отождествляется ива: *По меже на переметке / Резеда и риза кашки. / И вызванивают в четки / Ивы – кроткие монашки* (Есенин 1970: 56). В стихотворении «Прощание с Кембриджским мостом» Сюй Чжимо пишет: *那河畔的金柳, 是夕阳中的新娘. Ива золотая под заходящим солнцем, / Она, новобрачная, стоит на берегу* (Сюй Чжимо 2000: 352).

Береза является самым частотным для С. Есенина предметом метафоры и сравнения: *Зеленая прическа, / Девическая грудь. / О тонкая березка, / Что*

загляделась в пруд? (Есенин 1970: 116). У Сюй Чжимо с девочкой сравнивается стройная яблоня: 百尺的槐翁, 在微风中俯身将棠姑抱搂. *Высокий софора-дед наклоняется к яблоне-девочке и ее обнимает* (Сюй Чжимо 2000: 115).

С другой стороны, деревья в лирике обоих поэтов сравниваются с мужчинами. Например, у Сюй Чжимо крупная софора напоминает нам о мужчине: 百尺的槐翁, 在微风中俯身将棠姑抱搂. *Высокий софора-дед наклоняется к яблоне-девочке и ее обнимает* (Там же). В марте 1925 года поэт во время поездки в Европу посетил Советский Союз. Любуясь сибирским пейзажем из окна, он увидел сосну, ствол которой был стройным и прямым: 那赤皮松, 象巨万赭衣的战士, / 森森的, 悄悄的, 等待冲锋的号示. *Сосны как солдаты, / Тихо ждут тот момент, когда протрубят атаку* (Сюй Чжимо 2000: 219).

Подобная парадигма образов дерево → воин складывается и в лирике С. Есенина: *Так спросил я, дорогая Лала, / У молчащих ночью кипарисов, / Но их рать ни слова не сказала, / К небу гордо головы зависив* (Есенин 1970: 236).

Кроме женщины и мужчины, дерево у Сюй Чжимо сравнивается с душой умершего человека: 白杨在西风里无语, 摇曳, / 孤魂在墓窟的凄凉里寻味. *Тополь молчит в северном ветре, качаясь. / Бесприютная душа умершего размышляет о чем-то на кладбище* (Сюй Чжимо 2000: 177).

Важно отметить, что оба поэта используют и обратную образную параллель: человек → дерево. Например, девушка → береза: *Оттого душе моей не жестко / Ни желать, ни требовать огня, / Ты, моя ходячая березка, / Создана для многих и меня* (Есенин 1970: 350). У С. Есенина клен сопоставляется с лирическим героем: *Сам себе казался я таким же кленом, / Только не опавшим, а всюю зеленым. // И, утратив скромность, одуревши в доску, / Как жену чужую, обнимал березку* (Есенин 1970: 255).

У Сюй Чжимо старик сравнивается с кипарисом и сосной: 这些色香两绝的

玫瑰的种時在八十老人跟前， / 好比艳眼的少艾，独倚在虬松古柏的中间。
Душистые и яркие розы перед восьмидесятилетним стариком, / Как молодая красавица стоит среди старых кипарисов и могучих сосен (Сюй 2000: 22).

Идея антропоцентризма воплощается также при обращении к парадигмам часть дерева → часть тела человека. В «Словаре поэтических образов» Н. В. Павлович вместо понятия «часть тела» предлагается название «орган», но мы в исследовательских целях предлагаем в названии парадигмы использовать сочетание «часть тела».

Среди лексем, образующих группу «Части тела» в лирике С. Есенина, такие, как *лик*: *Наклонивши лик свой кроткий, / Дремлет ряд плакучих ив, / И, как шелковые четки, / Веток бисерный извив* (Есенин 1970: 25); *голова*: *И я знаю, есть радость в нём / Тем, кто листьяв целует дождь, / Оттого, что тот старый клен / Головой на меня похож* (Есенин 1970: 131). Сходство между кленом и человеком проявляется благодаря круглой кроне самого дерева, что способствовало появлению параллели крона → голова.

Ствол березы похож на *грудь* человека: *Так и хочется к телу прижаться / Обнаженные груди берез* (Есенин 1970: 117). У С. Есенина корень липы уподобляется ноге человека, а ее ветки отождествляются с руками: *Вот оттого ты мне чужая, / Что липы тщетно манят нас, / В сугробы ноги погружая* (Есенин 1970: 256). Подобное уподобление ствола дерева ноге человека представлено в следующей строчке: *Стережет голубую Русь / Старый клен на одной ноге* (Есенин 1970: 131).

У Сюй Чжимо олицетворяется качание прутьев ивы. Реализуется парадигма дерево (часть дерева) → движение человека: *黑沉沉的象几条烂醉的鲜鱼横浮在水上, 任凭惫懒的柳条, / 在他们的肩尾边撩拂. Плывут по воде как пьяные рыбы, / Ленивые прутья ивы их глядят по хвостам как угодно* (Сюй Чжимо 2000: 25).

Дерево может иметь человеческие чувства и эмоции. В данной работе мы выделили свою парадигму образов: дерево → выражение чувств, эмоций человека, которая не была выделена в «Словаре поэтических образов» Н. В. Павлович. Например, у обоих поэтов образ тополя грустный и печальный: *黄昏时谁在听白杨的哀怨? Кто слушает горе тополя на закате?* (Сюй 2000: 409) и *Нищету твою видеть больно / И березам и тополям* (Есенин 1970: 177).

В лирике С. Есенина и Сюй Чжимо шум деревьев сравнивается со звуками, издаваемыми человеком (речь и плач), т. е. представлена парадигма шум дерева → речь. У обоих поэтов предметом олицетворения выступает шум тополей: *Свет луны таинственный и длинный, / Плачут вербы, шепчут тополя* (Есенин 1970: 203) или: *黄昏时谁在听白杨的哀怨? Кто слушает горный шепот тополя на закате?* (Сюй Чжимо 2000: 409).

В качестве опорного слова тропов также выступают предметы, т. е. представлена образная парадигма дерево (часть дерева) → предмет. Цветы берёзы похожи на женские серьги, их называют словом *серёжки*. Однако в лирике С. Есенина используется лексема *серьги*, которая не является словом-

фитонимом, а выступает здесь с целью олицетворения: *На березки в роще теневой / Серьги звонкие повесила* (Есенин 1970: 268).

Хвоя сосны похожа на сеть: *Загорались ярким пламенем / Сосны старые, могучие, / Наряжали сетки хвойные / В покрывала златотканые* (Есенин 1970: 270).

Интересно, что в лирике Сюй Чжимо деревья не сравнивается с предметами, но такое сравнение является типичным для всей китайской поэзии. Поэт Хэ Чжичжан (659-744 гг.) сравнивает зеленые листья ивы с изумрудом, прутья ивы с шелковой лентой: «碧玉妆成一树高，万条垂下绿丝绦» (Цит. по: Ян 2007: 47-48). *Ива украшается изумрудами / ее прутья опускаются зелеными шелковыми лентами.*

Соотношение парадигм образов лирики С. Есенина и Сюй Чжимо отражено в следующей таблице (см. Таблицу 2).

Итак, ЛСГ «Деревья и кусты» играет активную роль в создании поэтической образности у обоих поэтов. В лирике С. Есенина и Сюй Чжимо лексемы, обозначающие деревья и кусты, входят в несколько общих парадигм. В качестве опорного слова сопоставления у русского поэта встречаются как одушевленные, так и неодушевленные существительные. В их лирике представлены в качестве опорных слов неодушевленные существительные (у С. Есенина *сетка, свеча, травы* и у Сюй Чжимо *кисея феи*).

Таблица 2.

парадигма образов	в лирике С. Есенина	в лирике Сюй Чжимо
дерево → человек	ива → монашка береза → девушка кипарис → воин тополь → пьяный человек	ива → новобрачная яблоня → девушка сосна → солдат софора → старик
часть дерева → часть тела	стан березы → грудь ветки березы → косы крон клена → голова ствол клена → нога ветки ивы → лик ветки клена → лапы ветки липы → руки корень липы → нога ветки черемухи → кудри	ветка тополя → рука хвоя сосны → рука

дерево (часть дерева) → движение человека	ива → наклоняться береза → заглядеться клен → танцевать липа → манить	прутья ивы → гладить софора → обнимать
дерево → выражение чувств, эмоций человека	береза → улыбаться	
дерево → сон человека	ива → дремать береза → спать черемуха → спать	
шум деревьев → звуки	шум тополей → шептать шум тополей → звенеть шум верб → плакать шум берез → плакать шум черемух → песня кипарис → молчание	шум тополей → шепот шум сосен → мелодия флейты и барабана
дерево → животное	кленочек → детёныш животного	
дерево → эмоциональные состояния и переживания	тополь → больно береза → больно яблоня → больно	тополь → горе
дерево → другое растение	дуб → травы	
дерево → предмет	береза → свеча	
дерево (часть дерева) → ткань	хвоя сосны → сетка	кора тополя → кисея феи

2.2.2. Лексико-семантическая группа «Цветы»

Не только деревья, но и цветы в поэзии тоже могут иметь черты характера или качества человека. В творчестве и С. Есенина, и Сюзь Чжимо встречается лексема *роза*, образ, овеянный давней поэтической традицией. Как в европейской, так и в русской поэзии *роза* является символом любви, красоты, красивой девушки. В «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова при этом слове приводится помета «трад.-поэт.». Одним из переносных значений слова *роза* является 'красивая молодая девушка' (Большой толковый словарь русского языка 1998: 1127).

Можно предположить, что для русской деревни, природы средней полосы

России этот цветок не был характерен. Но для русской поэтической традиции – это один из самых значимых цветов. В лирике С. Есенина он встречается в цикле «Персидские мотивы». Здесь не проявляется значение ‘красивая молодая девушка’, а олицетворяются качание и шум роз. Например, *Тихо розы бегут по полям* (Есенин 1970: 228). Или *Розы ль мне то нашептали? // Сам я не знаю, что будет* (Есенин 1970: 221). Как говорилось выше, лексема *роза* часто встречается у С. Есенина в основном в его цикле стихотворений «Персидские мотивы», когда поэт обращается к восточной культуре, поэтому можно выделить сему в слове *роза* в лирике С. Есенина ‘экзотические цветы’.

Ши Хан отмечает, что в современной китайской культуре образ розы «богат по содержанию, но это в большой мере результат иностранных культурных влияний. Раньше он был «распространен намного меньше, чем в культуре XX в.» (Ши 2012: 144-145). В отличие от розы у С. Есенина у розы Сюй Чжимо подчеркивается красота: *玫瑰,压倒群芳的红玫瑰, 昨夜的雷雨, 原来是你发出的信号— / 真娇贵的丽质! Роза, красивейшая алая роза, / Вчерашний грозовой дождь – это признак твоего рождения* (Сюй Чжимо 2000: 24). В стихотворении «Любовь смерти» («情死») роза – это символ любви и смерти любви: *花瓣、花萼、花蕊、花刺、你, 我 – 多么痛快啊! 尽胶结在一起! 一片狼藉的猩红, 两手模糊的鲜血. Роза! Я не могу вмешаться, ты разбиваешься вдребезги, я люблю тебя! Лепесток, чашечка, тычинка, шипы, ты, я – сколько же радости! Полностью склеились воедино!* (Сюй 2000: 25) (Перевод Л. Е. Черкасского 1988: 118).

Таким образом, в лирике С. Есенина у слова *роза* представлена сема ‘экзотические цветы’, а в метафорических конструкциях в слове *роза* представлена сема ‘красавица’¹. Хотя в русской поэзии *роза* является символом любви, но в лирике С. Есенина не выделена сема ‘любовь’. В лирике Сюй Чжимо в слове *роза* выделены семы: ‘красота’ и ‘символ смерти любви’.

Как пишет Н. Ф. Золотницкий: «Роза – царица цветов. <...> она играла такую

¹О лексеме *роза* и ее семе ‘красавица’ в составе метафоры и сравнения в лирике С. Есенина см. ниже.

выдающуюся роль в истории человечества, что об этом можно бы написать целые тома» (Золотницкий 2008: 13).

Оба поэта С. Есенин и Сюй Чжимо обращаются к лексеме *малина*. Но у С. Есенина малина является ягодой, и подчеркивается ее красный цвет: *У ней губы краснее малины, / Брови черные круче подковы* (Есенин 1970: 352). В России малина – это «садовый или лесной кустарник с душистыми сладкими ягодами обычно красного цвета» (Большой лингвострановедческий словарь 2007: 343). А в лирике Сюй Чжимо малина (см. Приложение 4) относится к цветам, и описывается ее аромат. Например¹: *只有菊花, 越有风雨越发起劲, 你看啊。一股清香, 酴醾不如呢。 Только хризантема одушевляется тем больше, чем больше ветра и дождя, / Правда ли, что она пахнет лучше малины?* (Сюй 2000: 209). Об аромате малины пишется в «Толковом словаре китайского языка» (Толковый словарь китайского языка 2005: 1318). В связи с этим выделяются совсем разные семы в русском и китайском слове *малина*. В китайском языке и в поэзии в слове *малина* выделена сема ‘аромат’, а в русском слове ‘красный цвет’.

В ходе исследования было выявлено, что в лирике Сюй Чжимо не встречаются лексемы *ромашка*, *василек*, *черемуха* и *левкой*, а С. Есенин описывает эти цветы в своей лирике. Среди названных цветов ромашка и василек являются полевыми цветами. Несмотря на то, что василек является сорняком, «русские его очень любят» (Большой лингвострановедческий словарь 2007: 88). Например, василек у С. Есенина: *Я только тот люблю цветок, / Который врос корнями в землю. / Его люблю я и приемлю, / Как северный наш василек* (Есенин 1970: 326). Ромашка – это «один из самых распространенных цветов в средней полосе России» (Большой лингвострановедческий словарь 2005: 472). Ромашка в лирике С. Есенина: *Под венком лесной ромашки / Я строгал, чинил челны* (Есенин 1970: 38). Черемуха является одним из самых частотных фитонимом у поэта, ее цветы душистые: *Черемуха душистая / С весною расцвела / И ветки золотистые, / Что кудри, завила* (Есенин 1970: 387). Можно выделить сему ‘аромат’ в русском слове *черемуха*. У С. Есенина в метафорических конструкциях в слове *черемуха* представлена сема ‘белизна’².

Лексема *левкой* часто встречается в стихотворении «Греция» и цикле «Персидские мотивы», когда поэт обращается к иностранной культуре: *А Гектор меч о траву вытирал / И сыпал на врага цветущие левкои* (Есенин 1970: 351).

Итак, как и в слове *роза*, так и у лексемы *левкой* в лирике С. Есенина можно выделить сему ‘экзотические цветы’.

¹ Эта строка из стихотворении «Белая хризантема» («咏白菊»), которое является переработкой на современный литературный китайский язык стихотворения поэтессы Ли Цинчжао династии Сун (1084-1151).

² О лексеме *черемуха* и ее семе ‘белизна’ в составе метафоры в лирике С. Есенина см. ниже.

Цветы персика (桃花), цветы сливы (梅花), лотос (荷花) и хризантема (菊花) занимают особое место в китайской поэзии. Хотя сливы в России тоже растут, но надо отметить, что цветы сливы в Китае и России разные, цветы китайской сливы (см. Приложение 4), особенно в поэзии, обычно являются красными. К красным сливам часто обращаются в классической китайской поэзии. В классической поэзии сломать ветку сливы имеет образное значение 'прощание' (Большой словарь поэтики 1999: 1099). Например, в стихотворении «Прощай, Кембридж» Сюй Чжимо пишет: *我必首数康桥, 在温清冬夜 / 蜡梅前, 再细辨此日相与况味. Свежей зимней ночью перед цветами сливы буду еще раз вспоминать этот день* (Сюй 2000: 63). Лирический герой вспоминает годы, проведенные в Кембриджском университете.

А значит, в своей лирике Сюй Чжимо продолжает китайскую поэтическую традицию и в его стихах *цветы сливы* выступают с семой 'прощание'.

В китайской культуре хризантема – «это символ осени, возвышенного одиночества» (Чжоу, Чжан 2009: 69). Хризантема цветет перед наступлением зимы, поэтому в поэзии с ее поздним цветением сравнивают человека, который выдерживает испытания в жизни: *只有菊花, 越有风雨越发起劲, 你看啊。一股清香, 酴醾不如呢? Только хризантема одушевляется тем больше, чем больше ветра и дождя, / Правда ли, что она пахнет лучше малины?* (Сюй 2000: 209). Здесь можно выделить сему 'стойкость'. Как у Сюй Чжимо, так и в китайской поэтической культуре хризантема обладает чертами благородного человека. Хризантема вместе со сливой, орхидеей и бамбуком называются «четырьмя благородными», так характеризуют человека «высших моральных качеств» (Чжоу, Чжан 2009: 70).

Итак, при номинации реалий растительного мира С. Есенин и Сюй Чжимо прибегают к разным цветам, которые имеют разные символические значения, отличаются и те значения, которые актуализируют наши поэты в своих стихотворениях.

В лирике С. Есенина и Сюй Чжимо нам удалось выделить следующие парадигмы образов: цветы → человек, цветы → часть тела, цветы → движение человека, цветы → выражение чувств, эмоций человека, цветы → эмоциональные состояния и переживания, цветы → поведение человека, цветы → способности, склонности, интересы, шум цветов → звуки, цветы → часть

другого вида цветов, цветы → экзистенциальное, цветы → предмет, цветы → стихия и цветы → вода (см. Таблицу 3). Особо рассмотрим парадигмы образов, связанные с человеком и его деятельностью.

Парадигма цветы → человек реализуется в лирике обоих поэтов. У С. Есенина часто метафоризируется черемуха. Цветы черемухи сравниваются с воинами: *Кто видал, как в ночи кипит / Кипяченых черемух рать?* (Есенин 1970: 141). А китайской культуре свойственно уподобление цветов женщине. Лотос (см. Приложение 4) считается «священным цветком в буддизме и символом чистой и нежной красоты. Красивые и добрые девушки в народных сказках сравнивались с лотосом», – замечают китайские исследователи (Чжоу, Чжан 2009: 68). Итак, в китайской поэтической культуре выделена сема ‘красавица’. У Сюй Чжимо лотос сравнивается со скромной восточной красавицей: *最是那一低头的温柔, / 像一朵水莲花不胜凉风的娇羞. Девушка застенчиво опустила голову, / Как лотос застенчиво качается на свежем ветру* (Сюй Чжимо 2000: 157). Надо отметить, что хотя в первой строчке с лотосом сравнивается девушка, но во второй лотос наделяется женской красотой и скромностью. В лирике Сюй Чжимо в той же лексеме выделено несколько сем: ‘скромность’, ‘застенчивость’, ‘девичья чистота’ и ‘красавица’.

У Сюй Чжимо как дерево, так и роза сравнивается с душой человека: *那蔷薇是痴心女的灵魂. Роза – это душа влюбленной девушки* (Сюй Чжимо 2000: 224).

С помощью метафоры цветы в лирике С. Есенина и Сюй Чжимо приобретают переносные значения. Реализуется парадигма цветы → часть тела человека. В лирике С. Есенина цветы рябины сравниваются с телом человека: *Цветы рябин другое дело. / Они как жизнь, как наше тело, / Делимое в предвечной мгле* (Есенин 1970: 327).

У С. Есенина цветы говорят и двигаются. Осуществляются парадигмы шум цветов → звуки и цветы → движение человека. Роза является любимым предметом метафоры и сравнения. У С. Есенина лексема *роза* сочетается с глаголом движения и глаголами, обозначающими речь: *Тихо розы бегут по полям* (Есенин

1970: 228) и *Розы ль мне то наиптали?* (Есенин 1970: 221).

У С. Есенина и Сюй Чжимо цветы, как и деревья, имеют чувства и эмоции. Представлена парадигма образов цветы → эмоциональные состояния и переживания: *И цветы сказали: «Ты почувствуй / По печали розы шелестящей»* (Есенин 1970: 236). У Сюй Чжимо азалия (см. Приложение 4) стесняется, как скромная девушка. Например, *碧波里掩映着她桃蕊似的娇怯. Ах, изящная азалия отражается в зеленой воде, / она румянится, стесняется, как тычинка цветка персика* (Сюй Чжимо 2000: 156).

В лирике Сюй Чжимо складывается парадигма образов цветы → выражение чувств, эмоций человека. Цветок персика отождествляется с улыбкой красавицы. *昨天我瓶子里斜插着的桃花, / 是朵朵媚笑在美人的腮边挂. Цветы персика, которые вчера поставили в вазу, / Похожи на милые улыбки в уголках рта у красавицы* (Сюй 2000: 321). В китайском языке есть фразеологизм «лицо как цветок персика» (面若桃花), который характеризует румяное лицо красавицы, а выражение «душа цветет» (心里乐开了花) означает ‘в сердце радостно’, похожие устойчивые сочетания есть и в русском языке. Цветок персика, по мнению Хуан Дунмэй, «является символом весны и девической юности (Хуан 2010: 804). Он сравнивается с красивым румяным лицом девушки. В китайской поэзии в словосочетании *цветы персика* можно выделить сему ‘красавица’.

В лирике С. Есенина и Сюй Чжимо в качестве опорного слова тропов выступает лексема *снег*, сравниваются лепестки черемухи и цветов сливы со снегом. Например, *Сылет черемуха снегом, / Зелень в цвету и росе* (Есенин 1970: 52). *片片鹅绒眼前纷舞, / 疑是梅心蝶骨醉春风. Летают бутоны цветов сливы в весеннем ветре снегом* (Сюй 2000: 37).

Таким образом, в лирике С. Есенина лексемы, обозначающие цветы, входят во многие образные параллели. В лирике С. Есенина выделено больше парадигм образов с компонентом «Цветы» как денотатами, чем в лирике Сюй Чжимо, хотя количество фитонимов-цветов меньше в лирике С. Есенина. В качестве опорного слова сопоставления у русского поэта встречаются как одушевленные, так и неодушевленные существительные. Однако в лирике С. Есенина чаще, чем в поэзии Сюй Чжимо, встречаются в качестве опорных слов неодушевленные существительные (*светильник, кипящая вода, метель, снег*). Уподобление

цветов человеку есть в лирике обоих поэтов, наименования цветов сочетаются с лексемами, обозначающими чувства, эмоции или состояния людей, однако Сюзь Чжимо чаще, чем С. Есенин сравнивает цветы с девушкой-красавицей. У С. Есенина цветы не несут ярких женских черт.

Таблица 3.

парадигма образов	в лирике С. Есенина	в лирике Сюзь Чжимо
цветы → человек	черемуха → воин	лотос → красавица роза → красавица роза → душа девушки
цветы → часть тела	цветы рябины → тело	
цветы → движение человека	роза → бегать	мак → танцевать девясил (см. Приложение 4) → качать головой цветы каштана → танцевать
цветы → выражение чувств, эмоций человека	роза → улыбаться	цветок персик → улыбка красавицы
цветы → эмоциональные состояния и переживания	розы → печалиться	
цветы → поведение человека		азалия → стесняться девясил → стесняться цветы сливы → соперничать цветы сливы → наряжаться роза → плакать
цветы → способности, склонности, интересы		хризантема → не нравиться
шум цветов → звуки	шум роз → шептать шум роз → песня	
цветы → часть другого вида цветов		азалия → тычинка цветка персика
цветы → экзистенциальное	цветы рябин → жизнь	
цветы → предмет	роза → светильник	
цветы → стихия	черемуха → метель черемуха → снег	цветы сливы → снег

цветы → вода	черемуха → кипящая вода	
--------------	-------------------------	--

2.2.3. Лексико-семантическая группа «Травы»

В лирике С. Есенина и Сью Чжимо наблюдается и обращение к поэтической номинации разных трав.

В России лексемы *полынь* и *крапива* имеют культурные значения. В русском языке есть выражение «горький, как полынь». У слова *полынь* есть переносное значение «о ком-, чем-л. неприятном, доставляющем огорчения, боль» (Большой толковый словарь русского языка 1998: 911). В «Большом толковом словаре русского языка» при слове *полынь-трава* приводится помета «нар.-поэт.» (Там же).

В лирике С. Есенина также встречается лексема *полынь*, которая имеет и традиционные для русской поэтической культуры семы ‘горечь’, ‘боль’, и индивидуальные: *Спит ковыль. Равнина дорогая, / И свинцовой свежести полынь / Никакая родина другая / Не вольет мне в грудь мою теплынь* (Есенин 1970: 203). В «Большом толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова у прилагательного *свинцовый* представлены переносные поэтические значения ‘тяжкий, гнетущий’ и ‘мрачный, темный синевато-серый цвет, сходный с металлом’ (ТСУ 2014: 715).

Итак, в лирике С. Есенина к основным значениям слова *полынь* еще и добавлены семы ‘тяжкий’, ‘мрачный’, хотя лексема *свежесть* привносит и положительное значение ‘чистый, прохладный’ в основное значение. А Сью Чжимо не обращается к лексеме *полынь*.

Крапива – это сорняк «с обжигающими кожу ворсинками на листьях и стеблях» (ТСУ 2014: 276). В русском слове *крапива* можно выделить важную для его значения сему ‘жгучий’. Но С. Есенин в своей лирике нарушает это общеизвестное представление о крапиве как о траве, которую люди стараются избегать: *У плетня заросшая крапива / Обрядилась ярким перламутром / И, качаясь, шепчет шаловливо: «С добрым утром!»* (Есенин 1970: 327). В его лирике в слове *крапива* выделены семы ‘веселье’, ‘шаловливость’ и

‘красота’¹. А Сюй Чжимо не прибегает к такой лексеме, как *кратива*. Он использует сочетание *ползучие травы* в метафорической конструкции, где выделена сема ‘недоброжелательность’².

Лексема *трава* (草 *Цзао*) в китайском языке имеет особое значение. Слово *Цзаогэнь* (Гэнь根: ‘корень’) означает ‘простые люди’. *Цзаоцзе* (Цзе 芥, ‘маленькая травинка’): ‘незначительный, ничтожный’ (Толковый словарь китайского языка 2005: 129). Но, например, в китайской классической поэзии и фольклоре, как пишет Чжун Чаолин, «образ трав является самостоятельным и активным. Он символизирует горечь разлуки и воспоминание» (Чжун 2010: 87). Чжун Чаолин приводит строчку из стихотворении поэта Янь Жэнь (жил в 1200-ых гг.): «瑶草碧,柳芽黄 / 载将离恨过潇湘» (Цит. по: Чжун 2010: 87). *На берегу травы ярко-зеленые, почки ивы светло-желтые, / Лодка уносит через реку Сян мою горечь разлуки.* А в лирике С. Есенина, по нашему наблюдению, лексема *травы* не имеет особого культурного значения.

В китайской поэзии образ камыша, символизирующего стройную девушку, является очень древним. Чэн Чжиюн приводит строчку из «Ши цзин»³ («Книга песен»), где реализуется параллель между стройной девушкой высокого роста и камышом (芦苇 *Лувэй*): «葭莢揭揭, 庶姜孽孽» (Цит. по: Чэн 2016: 87). *Высокие камыши на параде, / стройные девушки в наряде.*

Таким образом, в китайском языке в слове草 (*Цзао*: ‘трава’) можно выделить семы ‘незначительность’, а в поэзии еще и выделена сема ‘разлука’. В китайской классической поэзии в слове芦苇 (*Лувэй*: ‘камыш’) можно выделить сему ‘красивая стройная девушка’. А в лирике С. Есенина в составе олицетворения в слове *камыш* можно выделить сему ‘шорох,

¹О лексеме *кратива* и ее семмах ‘веселье’ и ‘шаловливость’ в составе сравнения в лирике С. Есенина см. ниже.

²О словосочетании *ползучие травы* и семме ‘недоброжелательность’ в составе олицетворения в лирике Сюй Чжимо см. ниже.

³Один из древнейших памятников китайской литературы, созданный в XI—VI вв. до н. э.

шепот'¹.

В лирике С. Есенина и Сюй Чжимо складываются следующие образные парадигмы: травы → человек, часть травы → часть тела человека, травы → движение человека, травы → эмоциональные состояния и переживания, травы → сон человека и шум трав → речь (см. Таблицу 4).

Парадигма травы → человек представлена у Сюй Чжимо. Травы у Сюй Чжимо сравниваются с близким другом человека: 啊！此地不见了清涧与青草， / 更有谁伴我笑语，疗我饥合 *Ах! Здесь больше нет ручья и трав, / Кто со мной поговорил бы и меня вдохновил.* (Сюй 2000: 102). У С. Есенина травы не отождествляются с человеком.

В лирике Сюй Чжимо реализуется парадигма «травы → часть тела человека». Опорным словом метафоры служит *грудь* человека. В стихотворении «Воспоминание в Сибири о камышах Монастрыя Цюсюэ Ханчжоу» Сюй Чжимо вспоминает о камышах, растущих в Ханчжоу, где он родился. Стебель камыша метафоризируется: 我先吹我心中的欢喜 – / 清风吹露蘆草的酥胸; *Я чувствую, как веет радость в моей душе, / Белоснежные груди камыша раскрываются под свежим ветерком* (Сюй Чжимо 2000: 216). Подобная парадигма не представлена в лирике С. Есенина.

Движение трав уподобляется движениям человека. У Сюй Чжимо лексема *водоросли* сочетается с глаголом *кланяться*, обозначающим движение человеческого тела. 软泥上的青荇， / 油油的在水底招摇. *Зеленые водоросли растут на илистом дне, / Под водой кланяются мне, прощаясь* (Сюй Чжимо 2000: 352). У С. Есенина нами не обнаружена парадигма травы → движение человека.

При поэтической номинации *трав* у Сюй Чжимо представлена парадигма образов травы → эмоциональные состояния и переживания. Он придает травинке эмоциональное состояние человека: 每一根小草也一定得 / 在你的踪

¹ О лексеме *камыш* и ее семе 'шорох' в составе олицетворения в лирике С. Есенина см. ниже.

迹下低头，/在颤动中表示惊异。 *Каждая травинка приклоняется перед тобой, / И удивляется в зеленом дрожании* (Сюй Чжимо 1930: 383).

Движение водорослей сравнивается с грустными мыслями. *她沉浸在 / 水草盘结得如同忧愁般的 / 水底. Она погружается в воду, / Где водоросли переплетаются, как завязываются грустные мысли* (Сюй Чжимо 2000: 378).

Как говорилось выше, у С. Есенина крапива красивая и готова пошутить с лирическим героем. У Сюй Чжимо ползучие травы тоже жгучие, но они могут быть недоброжелательными, как человек: *有石块,有钩刺胫踝的蔓草, / 在期待过路人疏神时绊倒! Среди камней растут жгучие ползучие травы, / Они колют лодыжки и надеются, что прохожие по рассеянности споткнутся!* (Сюй 2000: 425).

В лирике С. Есенина реализуется парадигма травы → сон человека. Например, *Спит ковыль. Равнина дорогая, / И свинцовой свежести полынь* (Есенин 1970 : 203). А у Сюй Чжимо травы не «спят».

Шум трав отождествляется со звуками, производимыми человеком. В лирике С. Есенина лексемы *ковыль*, *камыш* и *крапива* употребляются с такими глаголами, как *зашептаться*, *шептаться* и *шептать*. По нашему наблюдению, в его лирике чаще всего шум трав уподобляется речи человека. Например, *Зашумели ветры, охнул лес зеленый, / Зашептался с эхом высохший ковыль* (Есенин 1970: 315). В его лирике камыши шепчутся, как человек: *Колыхалось тихо озеро, / Камыши, склонясь, шептались, / А под кочками зелеными / Хоронились лебежатушки* (Есенин 1970: 292).

При поэтической номинации *крапивы* С. Есенин привносит иное видение в это слово, которое противоречит обыденному представлению о крапиве как о сорняке. Жгучая крапива в его лирике может поздороваться с лирическим героем, как ребенок: *У плетня заросшая крапива / Обрядилась ярким перламутром / И, качаясь, шепчет шаловливо: «С добрым утром!»* (Есенин 1970: 327). В лирике Сюй Чжимо нет образной парадигмы шум трав → речь.

В лирике Сюй Чжимо травы тоже отождествляются с предметами.

Опорным словом образной парадигмы выступает лексема *ковер*. Травы сравниваются с зеленым ковром. Например, 金花菜, 银花菜, 星星澜澜, 点缀着天然温暖的青毡. *Жимолость и люцерна украшают зеленый ковер трав* (Сюй 2000: 33).

Как деревья, цветы, так и травы в лирике С. Есенина и Сюй Чжимо являются предметом поэтической номинации, часто метафоризируются, олицетворяются, хотя они включаются в образные параллели реже, чем деревья и цветы. Травы имеют простую и незаметную внешность, однако в лирике русского и китайского поэта, а также в русской и китайской поэзии вообще травы играют важную роль. Например, по данным «Словаря языка русской поэзии XX века», в этот период русские поэты только к лексеме *крапива* обращаются 20 раз (2 раза у С. Есенина), а в китайской классической поэзии VIII века есть хрестоматийное стихотворение «Травы», написанное Бай Цзюйи.

При поэтической номинации *трав* у С. Есенина и Сюй Чжимо проявляется меньше общих особенностей словоупотребления, чем при поэтической номинации деревьев, кустов и цветов. Некоторые парадигмы можно назвать индивидуальными.

По выделенным в некоторых названиях растений семам и реализованным парадигмам образов можно сделать вывод, что С. Есенин обращается к русской народной поэтической традиции, но в то же время он обновляет традиционные значения и образы или на их основе создает новые. А Сюй Чжимо воплощает традиционные образы, которые характерны классической китайской поэзии, в новой поэзии.

Таблица 4.

парадигма образов	в лирике С. Есенина	в лирике Сюй Чжимо
травы → человек		травы → друг
часть травы → часть тела		стебель камыша → грудь
шум трав → речь	ковыль → зашептать крапива → шептать камыш → баюкать	травы → говорить
травы → движение человека		водоросли → наклоняться травинка → приклоняться
травы → сон человека	ковыль → спать	

травы → эмоциональные состояния и переживания		водоросли → грустные мысли травинка → удивляться ползучие травы → наде- яться
травы → ткань		травы → ковер

Выводы

Проанализировав собранный материал, мы пришли к следующим выводам:

Фитонимы в русском и китайском языках отражают языковую специфику, связанную с географическим положением и климатическими особенностями двух стран. Поэтическая номинация растительного мира в лирике обоих поэтов отражает как национальную поэтическую традицию, так и индивидуальное мировидение поэта.

Собраны 86 наименований растений и 232 контекста употребления в лирике С. Есенина. Выделено 9 лексико-семантических групп: «Совокупность растений», «Род растения», «Цветы», «Деревья и кусты», «Травы», «Плоды», «Мох», «Строение растения» и «Технические культуры». Структурировано лексико-семантическое поле «Растительный мир». Такие группы, как «Деревья и кусты», «Цветы», «Род растения», «Травы», «Совокупность растений», «Плоды», «Технические культуры» и «Мох» относятся к приядерной части. А группа «Строение растения» относится к периферийной части.

При сопоставлении наименований растений, к которым обращается С. Есенин, с наименованиями, которые используют в своей лирике другие русские поэты XX века, можно прийти к выводу, что выбор наименований растений у С. Есенина определяется его крестьянским мировидением. Он обращается к народно-поэтической лексике (*рябинушка*), диалектизмам (*перелесица*) и создает неологизмы (*клененочек*).

В стихотворениях Сюй Чжимо удалось выявить 109 наименований растений, представленных 149 контекстами употребления. Количество контекстов, в которых встречаются наименования растений у С. Есенина намного больше, чем у Сюй Чжимо, хотя наименований растений у Сюй Чжимо больше, чем у С. Есенина. Эти наименования растений распределены по таким 9 группам, как «Деревья и кусты», «Цветы», «Травы», «Род растения», «Мох», «Вьющиеся и ползучие растения», «Плоды», «Строение растения», и «Совокупность растений». Структурировано лексико-семантическое поле «Растительный мир». Такие группы, как «Деревья и кусты», «Травы», «Цветы», «Род растения», «Совокупность растений», «Плоды», «Вьющиеся и ползучие растения» и «Мох» относятся к приядерной части. А группа «Строение растения» относится к периферийной части.

Наименования растений в лирике Сюй Чжимо разнообразны, в них включаются не только типичные китайские (*лотос*), но и экзотические для Китая (*японский банан, фига*).

В лирике Сюй Чжимо есть группа «Вьющиеся и ползучие растения», которая отсутствует в поэзии С. Есенина. А у С. Есенина представлена группа «Технические культуры», которой нет в лирике Сюй Чжимо. В лирике Сюй Чжимо не встречается индивидуальное словоупотребление или диалектизмы, как в лирике С. Есенина.

Структура ЛСП «Растительный мир» у обоих поэтов в основном совпадает, однако разные зоны ЛСП представлены неравномерно.

В поэзии С. Есенина и Сюй Чжимо встречаются названия растений (*ива, роза, камыш и др.*), к которым обращаются оба поэта и те, которые представлены только у одного из исследуемых поэтов (*береза, черемуха, ромашка, василек,*

левкой и др. у С. Есенина; *софора, бамбук, цветы персика, лотос, хризантема* и др. у Сюй Чжимо).

В значениях наименований растений выделены семы. Языковые семантические особенности и национальная поэтическая (в том числе народно-поэтическая) семантика растительного мира нашли отражение в значениях, с которыми выступает номинация растительного мира в лирике С. Есенина и Сюй Чжимо. *Ива* в русской народной поэзии и у С. Есенина имеет сему 'грусть', а в китайской поэзии и у Сюй Чжимо 'грусть', 'разлука' и 'стройная женщина'. Но поэты приносят и свои индивидуальные значения при номинации растительного мира, что иногда нарушает обыденное представление о растении (сема 'красота' в слове *крапива*).

Традиции классической поэзии находят отражение в стихах Сюй Чжимо. Семы в классической китайской поэзии во многих фитонимах представлены в лирике Сюй Чжимо (сема 'прощание' в словосочетании *цветы сливы*).

Среди выделенных ЛСГ у С. Есенина и Сюй Чжимо, группы «Деревья и кусты», «Цветы» и «Травы» обладают самым большим метафорическим потенциалом. В силу антропоцентризма человеческой деятельности в качестве опорного слова образной парадигмы чаще всего в лирике обоих поэтов выступает лексика, обозначающая человека и характеризующая его деятельность. В лирике обоих поэтов эти три группы фитонимов представлены многими общими парадигмами. Некоторые парадигмы свойственны и русской, и китайской поэтической культуре.

ЛСГ «Деревья и кусты» играют активную роль в создании поэтической образности у обоих поэтов. В лирике русского и китайского поэтов представлено немало общих парадигм: дерево → человек, часть дерева → часть тела человека и др. Парадигма дерево → человек свойственна и русской, и китайской культурам.

При обращении поэтов к парадигмам цветы → человек, цветы → часть тела, цветы → движение человека, цветы → выражение чувств, эмоций человека и др. более ярко проявляется индивидуальные черты лирики поэтов. В лирике С. Есенина выделено больше парадигм образов с компонентом «Цветы» как

денотатами, чем в лирике Сюй Чжимо, хотя количество фитонимов-цветов меньше в лирике С. Есенина. У Сюй Чжимо чаще встречаются такие парадигмы, как лотос → красавица и роза → красавица. У него цветы несут более яркие женские черты, чем у С. Есенина.

По сравнению с группами «Деревья и кусты» и «Цветы», эта группа включается в меньшее число общих парадигм: шум трав → речь. Несмотря на то, что лексемы группы «Травы» включаются в образные параллели реже, чем деревья и цветы в лирике С. Есенина и Сюй Чжимо, но они тоже являются предметом поэтической номинации и приобретают переносные значения в поэтическом тексте. Можно сделать вывод, что при поэтической номинации деревьев, кустов и цветов у С. Есенина и Сюй Чжимо проявляется больше общего в словоупотреблении, чем различий.

Некоторые парадигмы можно назвать индивидуально авторскими (у С. Есенина дерево → животное, у Сюй Чжимо часть травы → часть тела). В лирике С. Есенина растения не только уподобляются людям, но и нередко животным, предметам, стихии и т.д. А у Сюй Чжимо растения не отождествляются с животными или предметами. Только в ряде случаев растения сравниваются с тканью (кора тополя → кисея феи, травы → ковер) и стихией (бутон цветов сливы → снег).

Заключение

Лексика русского языка, как и китайского, представляет собой систему. Наименования растений как часть основного словарного запаса являются частью этой системы. В любом языке и культуре наименования растений выступают со своими символическими значениями. Поэтическая номинация растительного мира в лирике поэтов, представителей разных поэтических традиций, может отражать как традиционные представления определенной культуры, так и индивидуальные особенности идиостилей авторов.

Проведенный анализ фитонимов в лирике С. Есенина и Сюй Чжимо с помощью структурирования ЛСП, позволил сделать вывод, что структура ЛСП «Растительный мир» в лирике С. Есенина и Сюй Чжимо не имеет большого различия. ЛСП «Растительный мир» лирики С. Есенина, как и ЛСП «Растительный мир» лирики Сюй Чжимо представлено 9 лексико-семантическими группами. Однако у С. Есенина представлена группа «Технические культуры», которой нет в лирике Сюй Чжимо. В лирике Сюй Чжимо есть группа «Вьющиеся и ползучие растения», которая отсутствует в поэзии С. Есенина.

Собственно выбор слов-фитонимов в лирике С. Есенина отражает крестьянское мировидение поэта, что отличает его от других русских поэтов XX века. Однако Сюй Чжимо следует китайской поэтической традиции. Он прибегает к типичным китайским и экзотическим для Китая названиям растений. В лирике Сюй Чжимо не встречается окказионализмов или диалектизмов. Номинация растений в лирике обоих поэтов приобретает особое значение, в первичном значении слова открывается новое, индивидуальное авторское.

Некоторые названия цветов и деревьев имеют символические значения в культуре и поэзии двух народов. В работе в наименованиях растений были выделены значимые для русской и китайской поэтических традиций и для лирики С. Есенина и Сюй Чжимо семы. В результате проведенного анализа было выявлено, что, во-первых, в одном наименовании растения в русской и китайской культурах, в лирике исследуемых поэтов могут быть представлены общие семы. Во-вторых, в ряде случаев одно и то же значение выражается разными словами-фитонимами. В-третьих, встречаются индивидуальные семы в названиях растений в лирике обоих поэтов.

При описании растительного мира С. Есенин и Сюй Чжимо часто прибегают к использованию образных средств, к метафорическим сочетаниям, сравнению, олицетворению и эпитету. Для описания семантики образных

средств, к которым обращаются С. Есенин и Сюй Чжимо, мы обратились к понятию образной парадигмы Н. В. Павлович.

В силу антропоцентризма человеческой деятельности в качестве опорного слова образной парадигмы чаще всего в лирике обоих поэтов выступает лексика, называющая человека и характеризующая его деятельность.

У С. Есенина наиболее частотными парадигмами являются образные парадигмы: дерево → человек, часть дерева → часть тела, дерево (часть дерева) → движение человека, шум деревьев → звуки, дерево → выражение чувств, эмоций человека, дерево → эмоциональные состояния и переживания, шум цветов → звуки, цветы → стихия и шум трав → речь. В результате исследования можно сделать вывод, что у С. Есенина фитонимы в тропеических структурах включаются в большее число образных парадигм, чем у Сюй Чжимо, хотя наименований растений у Сюй Чжимо больше, чем у С. Есенина.

У Сюй Чжимо наиболее частотными являются парадигмы дерево → человек, часть дерева → часть тела, дерево (часть дерева) → движение человека, шум деревьев → звуки, цветы → человек, цветы → движение человека, цветы → поведение человека, травы → движение человека и травы → эмоциональные состояния и переживания. При олицетворении он наделяет растения эмоциями, переживаниями и особенностями поведения человека. Многие образы построены по тому же смысловому закону, что и в русской поэзии. Опорным словом парадигмы чаще всего выступают слова, обозначающие человека и характеризующие его деятельность. Однако в лирике Сюй Чжимо отсутствуют парадигмы дерево → предмет, дерево → сон человека, дерево → другое растение, дерево → выражение чувств, эмоций человека, шум цветов → звуки, цветы → предмет, цветы → вода, цветы → экзистенциальное и травы → сон человека. Его лирике не характерно уподобление растений животным.

С. Есенин обращается к русской народной поэтической традиции, обновляет традиционные значения и образы или на их основе создает новые. В ряде случаев С. Есенин нарушает обычное и привычное восприятие растений в реальной жизни и привносит свои индивидуальные значения в поэтическую номинацию растений. Идиостиль С. Есенина, с точки зрения поэтической номинации растительного мира, глубоко и тесно связан с русской народной поэтической традицией.

В поэтическом творчестве Сюй Чжимо проявляется традиционная для классической китайской поэзии символика и закрепленные в традиции образы, что проявляется и при обращении к поэтической номинации растительного мира. Творя в то время, когда современная ему поэзия пыталась уйти от

традиционности, Сюй Чжимо воплощает традиционные образы в новой поэзии.

Поэтическая номинация растений отражает природные особенности страны, национальные традиции и индивидуальные представления в идиостилиях поэтов. Она характеризует особенности национального поэтического сознания, поэтического мировидения и является национально обусловленной. Изучение поэтической номинации с национально-культурным подходом позволяет описать идиостиль поэта в индивидуальном и национальном планах.

Материал, представленный в работе, может быть использован при создании словаря поэтических образов китайской поэзии, сопоставительных словарей русской и китайской культуры вообще и поэтических идиостилей в частности.

Список использованной литературы

Научная литература

1. Андреева С. А. Семантический потенциал обособления в поэтическом тексте // Вестник МГЛУ. – 2010. – № 596. – С. 47-63.
2. Арутюнова Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика / Отв. ред. В. П. Григорьев. – М.: Наука, 1979. – 147-169 с.
3. Бельская Л. Л. Песенное слово: Поэтическое мастерство С. Есенина: Кн. для учителя. – М., 1990. – 144 с.
4. Богданова Е. В. О некоторых аспектах изучения термина «идиолект» в отечественной и западной лингвистике // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2011. – № 4. – С. 100-108.
5. Борисова Е. Б. О содержании понятий «художественный образ» и «образность» в литературоведении и лингвистике // Вестник ЧелГУ. – 2009. – № 35. – С. 20-26.
6. Буйленко И. В. Лексико-семантические объединения слов [Электронный ресурс] // Грани познания: электронный научно-образовательный журнал

- ВГСПУ. – [Волгоград.], – 2012. – № 5 (19). – С. 89-91 . – URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1355996669>.
7. Васильев Л. М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. – 1971. – № 5. – С. 105-113.
 8. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика: учеб. пособие. – М.: Высш. школа, 1990. – 175 с.
 9. Винокур Г. О. Понятие поэтического текста // Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – 492 с.
 10. Воронина И. П. Проблема «Точного» поэтического перевода г. Гейне в лирике М. Ю. Лермонтова // Известия Самарского научного центра РАН. – 2009. – № 4. – 714 с.
 11. Гайсарьян С. З. Есенин С. А. // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. – М.: Сов. энцикл., 1964. – Т. 2. – С. 897-900.
 12. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). – М.: Междунар. отношения, 1977. – 262 с.
 13. Гребнева А. М. Флористическая лексика мордовских языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 1984. – 17 с.
 14. Григорьев В. П. Введение // Поэт и слово: Опыт словаря / под ред. В. П. Григорьева. – М.: Наука, 1973. – С. 26-170.
 15. Дождливая аллея: сб. стихов. Китайская лирика 20-30-х годов / пер. Л. Е. Черкасского. – М.: Наука, 1969. – 199 с.
 16. Зиновьева Е. И., Хруненкова А. В. Лингвистические основы описания русского языка как иностранного. Лексикология. – СПб.: Изд-во «Нестор-История», 2015. – 191 с.
 17. Захаров А. И. Художественный мир поэта // Сергей Есенин: Проблемы творчества: сборник статей. – М.: Современник, 1978. – 351 с.
 18. Золотницкий Н. Ф. Цветы в легендах и преданиях. – Минск: Энцикл., 1994. – 383 с.
 19. Исаев Ю. Н. История изучения флористической терминологии в языках различных систем // Вестник ЧГУ. – 2006. – № 3. – С. 220-232.
 20. Казарин Ю. В. Поэтический текст как уникальная функционально-эстетическая система: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2001. – 22 с.
 21. Камаль З. А. Функции фитонимов в читательской интерпретации лирики С. Есенина // Коммуникативные исследования / научн. ред. И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во «Истоки», 2008. – С. 123-127.
 22. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 2010. – 354 с.
 23. Киферова З. Г. Лексико-семантическое поле как основная системообразующей единицей языка // Теория поля в современном языкознании: тез. докл. / под ред. Т. А. Кильбекова. – Уфа: Баш-кир. гос. ун-т, 1994. – С. 90-94.

24. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: учеб. пособие. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 350 с.
25. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. – М.: Наука, 1986. – 205 с.
26. Кожевникова Н. А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX в. – М.: Наука, 1986. – 256 с.
27. Колева О. И. Флористическая лексика в творчестве поэтов начала XX века // Филологические этюды. – 2002. – № 5. – С. 202-205.
28. Кошечкин С. П. Отчее слово. С. Есенин. – М.: Советская Россия, 1968. – 160 с.
29. Кузнецова Э. В. О пересекающемся характере лексико-семантических групп слов // Семантика и структура предложения: лексическая и синтаксическая семантика. – Уфа: БГУ, 1978. – С. 7-13.
30. Куренкова Т. Н. Лексико-семантическое поле и другие поля в современной лингвистике // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М.Ф. Решетнева. – 2006. – № 4. – С. 173-178.
31. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 252 с.
32. Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя: Избр. статьи – Ленинград: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1974. – 285 с.
33. Леденева В. В. Идиостиль как система отношений // Вестник ТГУ. – 2001. – № 5. – С. 12-17.
34. Линтвар О. Н. К вопросу о классификациях выразительных средств языка и стилистических приемов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 12-1 (30). – С. 129-131.
35. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. – СПб.: Искусство, 1996. – 846 с.
36. Некрасова Е. А. Олицетворение в системе тропов // Григорьев В. П., Иванова Н. Н., Некрасова Е. А. и др. Очерки истории языка русской поэзии XX века: Тропы в индивидуальном стиле и в поэтическом языке. – М.: Наука, 1994. – С. 13-53.
37. Никандрова И. А. О соотношении понятий «функционально-семантический класс слов» и «лексико-семантическая группа» // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – Адыгейск, 2010. – Вып. 3. – С. 173-177.
38. Никитина Н. В. Эстетическая функция изобразительно-выразительных средств в художественной речи // Вестник ЧГУ. – 2008. – № 4. – С. 42-46.
39. Марченко А. М. Поэтический мир Есенина. – М.: Советский писатель, 1989. – 304 с.
40. Павлович Н. В. Предисловие // Павлович Н. В. Словарь поэтических образов: На материале рус. худож. лит. XVIII – XX веков. В 2 т. – М.: Едиториал УРСС, 2007. – Т. 1. – С. 26-46.
41. Пак И. Я. Языковое воплощение образа дерева / растения в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2006. – 24 с.
42. Полевые структуры в системе языка: монография / под ред. М. Ф. Васильева. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989. – 195 с.

43. Половникова В. И. Лексический аспект в преподавании РКИ на продвинутом этапе. – М.: Рус. яз., 1982. – 155 с.
44. Прокушев Ю. Л. Сергей Есенин. Образ, стихи, эпоха. – М.: Новая Россия, 1979. – 304 с.
45. Прокушев Ю. Л. Вечный образ. – М.: Знание, 1977. – 164 с.
46. Пуцилева Л. Ф. Опыт анализа русских фитонимов с коннотативными значениями, характеризующими внешний вид человека (на фоне итальянского языка) // МИРС . – 2008. – № 3. – С. 31-36.
47. Ревзина О. Г. От стихотворной речи к поэтическому идиолекту // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль. Общие вопросы. Звуковая организация текста / Отв. ред. В. П. Григорьев. – М.: Наука, 1990. – С. 34-37.
48. Ревуцкий О. И. Русские поэтические тексты, основывающиеся на олицетворении фитонимов // Вестник Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина. – 2014. – № 3. – С. 129-133.
49. Саввина Ю. Ю. Фитонимы научные и народно-разговорные (на примере елецких говоров) // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2009. – № 2. – С. 110-113.
50. Сахарова О. В. Флористическая лексика селькупского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Томск, 2010. – 25 с.
51. Северская О. И. Метафора // Григорьев В. П., Иванова Н. Н., Некрасова Е. А. и др. Очерки истории языка русской поэзии XX века: Тропы в индивидуальном стиле и в поэтическом языке. – М.: Наука, 1994. – С. 109-128.
52. Склярская Г. Н. Метафора в системе языка / Отв. ред. Д. Н. Шмелев; РАН, Ин-т лингвистич. исследований. – СПб.: Наука, 1993. – 150 с.
53. Слесарева И. П. Проблемы описания и преподавания русской лексики. – 2-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1990. – 174 с.
54. Степанченко И. И. Поэтический язык Сергея Есенина. Анализ лексики. – Харьков: ХГПИ, 1991. – 189 с.
55. Тихонов А. Н. Границы и структура лексико-семантического поля // Теория поля в современном языкознании: тез. докл. / под ред. Т. А. Кильбекова. – Уфа: Башкир. гос. ун-т, 1994. – С. 3-9.
56. Тотрова Д. Б. Лексические номинаторы водных природно-географических объектов французского и английского языков в семасиологическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Владикавказ, 2010. – 22 с.
57. Тугаева А. М. Язык поэзии А. А. Ахматовой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2003. – 20 с.
58. Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. Статьи. – М.: Сов. писатель, 1965. – 301 с.
59. Уфимцева А. А. Опыт изучения лексики как системы (на материале английского языка). – 2-е изд., испр. – М.: УРСС, 2004. – 286 с.
60. Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов // Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. – М.: Наука, 1982. – С. 229-239.

61. Черкасский Л. Е. В поисках звезды заветной: Китайская поэзия первой пол. XX в. / перевод с нем. и примеч. Л. Е. Черкасского. – М.: Худож. лит., 1988. – 112 с.
62. Шафиков С. Г. Теория семантического поля и компонентой семантики его единиц: учеб. пособие. – Уфа: Изд-во Башк. ун-та, 1999. – 88 с.
63. Шапир М. И. Universum versus: Язык – стих – смысл в русской поэзии XVIII – XX веков. – М.: Языки рус. культуры, 2000. – Т. 1. – 536 с.
64. Ши Хан. Образ розы в лирике русских и китайских поэтов-символистов // Известия ВГПУ. – 2012. – № 2. – С. 143-146.
65. Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика: Учеб. пособие. – 2-е изд., стер. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 334 с.
66. Шумбасова С. С. Грамматическое структурирование фразеологизмов современного английского языка с компонентом-фитонимом // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика» / под ред. В. В. Пасечника и др. – М.: Изд-во МГОУ, 2011. – № 1. – С. 85-92.
67. Щур Г. С. Теории поля в лингвистике. – М.: URSS ЛКИ, 1974. – 253 с.
68. Эвентов И. С. Три поэта: В. Маяковский, Д. Бедный, С. Есенин: Этюды и очерки. – 2-е изд., доп. – Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1984. – 463 с.
69. Эпштейн М. Н. "Мужские" деревья // Литература. – 2009. – № 22. – С. 26-30.
70. Юсубова Р. Н. Разные принципы в поэтических текстах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2010. – № 3. – С. 174-176.
71. Ай Цин. О С. Есенине. 艾青. 关于叶赛宁 // Ай Цин. Избранное. 艾青选集. – Чэнду: Сычуань Вэньи Чубаньшэ. 四川文艺出版社, 1985. – Т. 3. – С. 461-462.
72. Ай Цин. Поэтика. 艾青. 诗论. – Пекин: Жэньмин Вэнсюэ Чубаньшэ. 人民文学出版社, 1995. – 245 с.
73. Ван Хайсун. Сравнение особенностей творчества С. Есенина и Ай Цина. 万海松. 对叶赛宁和艾青诗歌创作的几点比较 // Культура и литературоведение в Китае и за рубежом. 中外文化与文论. – Чэнду: Сычуань Жэньминь Чубаньшэ. 四川人民出版社. – 2005. – № 1. – С. 166-179.
74. Гу Юньпу. Введение. 顾蕴璞. 前言 // Есениноведение. 叶赛宁评介及诗选 / ред. и перевод с рус. Центра исследования советской литературы при факультете русского языка Пекинского ун-та. 北京大学俄语系俄罗斯苏联文学研究室编译. – Пекин: Изд-во Пекинского ун-та. 北京大学出版社, 1983. – С. 1-3.

75. Гу Юньпу. Введение. 顾蕴璞. 前言 // Есенин С. А. Избранное. Стихотворения. 叶塞宁. 叶赛宁诗选 / пер. с рус. Гу Юньпу. 顾蕴璞译. – Нанкин: Илин Чубаньшэ. 译林出版社, 1999. – С. 1-7.
76. Есениноведение: монография. 叶赛宁研究论文集 / под ред. Юе Фэнлин, Гу Юньпу. 岳凤麟, 顾蕴璞编. – Пекин: Изд-во Пекинского ун-та. 北京大学出版社, 1987. – 320 с.
77. Ли Чэнси. Сюй Чжимо и китайская поэтическая традиция. 李成希. 徐志摩与中国诗歌传统 // Журнал «Общественные науки» Шаньдуна. 山东社会科学. – 1994. – № 1. – С. 78-80.
78. Люй Фалин. Образ «лес» в китайской культуре. 刘发林. 中国森林文化的意象分析 // Лесоведение Фуцзян. 福建林业科技. – 2009. – № 3. – С. 260-262.
79. Люй Цинжань. Языковые средства в поэзии Сюй Чжимо. 刘景兰. 论徐志摩诗歌语言基质的构成 // Вестник Синтайского профессионального училища. 邢台职业技术学院学报. – 2007. – № 2. – С. 44-47.
80. Мя Юэ и др. Литературоведческий словарь поэзии династии Сун (X – XIII вв.). 缪钺等. 宋诗鉴赏辞典. – Шанхай: Шанхай Цышу Чубаньшэ. 上海辞书出版社. – 2015. – 1610 с.
81. Хуан Дунмэй. Символические значения деревьев в русской и китайской культуре. 黄冬梅. 俄汉文化中树木象征意义的对比分析 // Монография конференции Ассоциации зарубежной литературы Фуцзяни. 福建省外国语言文学学会2010年年会论文集. – 2010. – С. 802-810.
82. Ци Иунгуй. Символические значения софоры в китайской литературе. 纪永贵. 槐树意象的文学象征 // Журнал «Восток». 东方丛刊. – 2007. – № 3. – С. 207-211.
83. Чжао Фулянь. Сюй Чжимо. 赵福莲. 徐志摩 // Шэнь Бинчжун. Жители Хайнина, которые влияют на Китай. 沈炳忠. 影响中国的海宁人. – Ханчжоу: Чжэцзян Жэньминь Чубаньшэ. 浙江人民出版社, 2008. – С. 205-213.
84. Чэн Чжиюн. Камыш во время доциньской эпохи (221 г. до н. э.). 陈智勇. 先秦时期的芦苇文化 // В поисках корней. 寻根. – 2012. – № 2. – С. 87-89.
85. Чжоу Дэян, Чжан Чжун. Метафора с компонентом «цветы». 周德艳, 张淳
“花”的隐喻研究 // Вестник педагогического института Янчэн. 盐城师范学院学报. – 2009. – № 5 – С. 68-73.
86. Чжоу Жуймин. Когнитивная интерпретация образа природа в лирике (на

примере «сосны»). 周瑞敏. 抒情诗中自然形象情感化的认知阐释—以松树形象为例 // Обучение иностранному языку. 外语学习. – 2012. – № 3. – С. 90-93.

87. Чжун Чаолин. Образ травы в китайской классической поэзии. 钟巧灵. 中国古代诗歌中的草意象探析 // Вестник Хунаньского института. 湖南学院学报. – 2010. – № 10. – С. 87-89.
88. Юй Цзянчжун. Комментарии к китайской классической поэзии. 余建忠. 中国古代名诗词译赏. – Куньмин: Изд-во Юньнаньского университета云南大学出版社, – 2011. – 462 с.
89. Ян Юйсян. Исследование китайской классической поэзии. 羊玉祥. 古典诗文鉴赏. – Пекин: Изд-во радио и телевидения Китая. 中国广播电视出版社, – 2007. – 376 с.

Словари

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 569 с.
2. Баранов О. С. Идеографический словарь русского языка. – М.: ЭТС Polyglossum, 2002. – 1200 с.
3. Биологический энциклопедический словарь / Гл. ред. М. С. Гиляров; Редкол.: А. А. Бабаев, Г. Г. Винберг, Г. А. Заварзин и др. – 2-е изд., исправл. – М.: Сов. Энциклопедия, 1986. – 864 с.
4. Большая энциклопедия растений: для школьников и студентов / Науч. ред. Вильчек Г. Е. – Москва: ОЛМА, 2007. – 623 с.
5. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. Кузнецов С. А. – СПб.: Норинт, 1998. – 739 с.
6. Большая советская энциклопедия (БСЭ) / гл. ред. Прохоров А. М. – 3-е изд. – М.: Советская Энциклопедия, 1971. – Т. 6. – 624 с.
7. Елистратов В. С. Словарь русского арго: (Материалы 1980-1990-х гг.). – М.: Русские словари, 2000. – 693 с.
8. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000. – 1233 с.
9. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. – 5-е изд., испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 485 с.
10. Иванова Н. Н., Иванова О. Е. Словарь языка поэзии (Образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX века) – М.: АСТ, Астрель, Русские словари, Транзиткнига, 2004. – 666 с.
11. Литературный энциклопедический словарь / подгот. Е. И. Бонч-Бруевич и др.; под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 750 с.
12. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX-XX вв. Вып. 3 «Растения» / под. ред. Кожевниковой Н. А., Петровой З. Ю. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 448 с.

13. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры: терминологический словарь. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 247 с.
14. Россия: большой лингвострановедческий словарь / под общ. ред. Прохорова Ю. Е. – М.: АСТ-Пресс, 2007. – 725 с.
15. Русский язык: Энциклопедия / Науч. ред. совет изд-ва "Сов. энциклопедия"; гл. ред. Ф. П. Филин. – М.: Сов. энциклопедия, 1979. – 431 с.
16. Саяхова Л. К., Хасанова Д. М., Морковкин В. В. Тематический словарь русского языка. – М.: Русский язык, 2000. – 560 с.
17. Павлович Н. В. Словарь поэтических образов: На материале рус. худож. лит. XVIII – XX веков. В 2 т. – М.: Едиториал УРСС, 2007. – Т. 2. – 848 с.
18. Словарь языка русской поэзии XX века (СЯРП). В 6 т. / под. ред. Шестаковой Л. Л. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 657 с.
19. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка (ТСУ). Современная редакция. – М.: ООО «Дом Славянской книги», 2014. – 960 с.
20. Шипулина Г. И. Словарь языка Есенина. Имя существительное. – Баку: Мутарджим, 2013. – 584 с.
21. Большой словарь поэтики. 中国诗学大辞典 / под гл. ред. Фн Шуанцун. 傅璇宗主編. – Ханчжоу: Чжэцзян Цзяюй Чубаньшэ. 杭州: 浙江教育出版社, 1999. – 1563 с.
22. Словарь-тезаурус современного китайского языка. 现代汉语分类大词典 / под. ред. Дун Данянь. 董大年主編. – Шанхай: Шанхай Цышу Чубаньшэ. 上海辞书出版社, 2007. – 657 с.
23. Толковый словарь китайского языка. 现代汉语词典 / под ред. Словарного кабинета института лингвистики АОН КНР (Академия общественных наук КНР). 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. – 6-е изд. – Пекин: ШанУ Иншугуань (Торгово-коммерческое издательство). 商务印书馆, 2012. – 1779 с.

Источники

1. Есенин С. А. Собрание сочинений: в 3 т. – М.: Правда, 1970.
2. Сюй Чжимо. Собрание сочинений徐志摩. 徐志摩全集·第四卷诗歌. – Тяньцзинь: Тяньцзинь Жэньминь Чубаньшэ. 天津人民出版社, 2005. – Т. 4. – 436 с.

Интернет-источники

1. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс] // [сайт] <http://www.ruscorpora.ru/>

Приложение 1. Названия растений в лирике С. Есенина

Совокупность растений	Частотность	Род растения	Частотность
Березняк	1	Дерево	2
Березь	1	Куст	5
Дубрава	2	Растение	1
Дуброва	2	Травы	6
Ковыльница	1	Цветок	1
Лес	7	Цветы	10
Перелесица	4		
Перелесок	1		
Роща	10		
Сосняк	2		
Итого	31	Итого	25
Цветы	Частотность	Деревья и кусты	Частотность
Василек	1	Береза	17
Гвоздика	1	Березка	3
Левкой	3	Верба	5
Мак	1	Вяз	1
Олеандр	1	Дуб	2
Роза	12	Ель	2

Ромашка	2	Ива	4
Сирень	1	Калина	2
Цветы рябины	1	Калинушка	1
Итого	23	Каштан	1
		Кипарис	1
Строение растения	Частотность	Клен	6
Ветви	1	Клененочек	1
Ветки	8	Липа	8
Колосья (соцветие)	1	Осина	5
Листья (лист, листочек)	6	Ракита	2
Семя	1	Рябина	1
Сережки (соцветие)	3	Рябинушка	1
Ствол	2	Сосна	6
Стебель	1	Тополь	8
Итого	23	Черемуха	8
		Яблоня	3
		Итого	87
		Мох	2
Травы и тростник	Частотность	Технические культуры	Частотность
Бурьян	1	Лен	1
Камыш	2	Укроп	1
Ковыль	1	Итого	2
Крапива	2	Плоды	Частотность
Мята	1	Вишня	1
Осока	2	Горох	1
Повилика	1	Греча	1
Полынь	2	Капуста	1
Резеда	2	Лук	1
Тростник	2	Малина	1
Итого	16	Овес	5
		Орех	1

		Редька	1
		Рожь	5
		Рябина	3
		Яблоко	1
		Итого	22

Названия растений в лирике С. Есенина

Совокупность растений	Березняк	<i>В три звезды березняк на прудом / Теплит матер и старой грусть</i> (1918, 131). «Я покинул родимый дом...»	Березь	<i>Только видели березь да цветь, / Да ракитник, кривой и безлистный</i> (1924, 186). «Низкий дом с голубыми ставнями...»
	Дубрава	<i>Бреду дубравною сторонкой / Под тихий шелест тополей</i> (1916, 284). «Без шапки, с лыковой котомкой...»	Дубрава	<i>Ой вы, луга и дубравы, – / Я одурманен весной</i> (1910, 52). «Сыплет черемуха снегом...»
	Дуброва	<i>Старый дед на мне с ухом, в дуброве / Жамкал десн амизачерствелую пышк у</i> (1914, 58). «Шел Господь пытать людей в любви...»	Дуброва	<i>Духовитые дубровы / Кли- чут ветками к реке</i> (1914, 65). «Я – пастух, мои палаты...»
	Ковыльница	<i>Закурилась ковыльница, / Подкопытною танагою</i> (1912, 150). «Песнь о Евпатии Коловрате»	Лес	<i>Вижу лес и вечернее полюмя, / И обвитый крапивой плетень</i> (1911, 41). «За горами, за желтыми долами...»
	Лес	<i>Мохнатый лес баюкает / Стозвонном сосняка</i> (1910, 37). «Поет зима – аukaет...»	Лес	<i>И перед крашеным окном / В шелковых ли стьях тополя, / А там всё лес, и всё поля</i> (1914, 323). «Село»

	Лес	<i>Ой вы, луга и дубравы, – / Я одурманен весной (1910, 52). «Сыплет черемуха снегом...»</i>	Лес	<i>До сегодня еще мне снится / Наше поле, луга и лес (1924, 186). «Низкий дом с голубыми ставнями...»</i>
	Лес	<i>В терем темный, в лес зеленый (1911, 39). «Темна ноченька, не спится...»</i>	Лес	<i>И темный лес, склоняся, дремлет / Под звуки переселен соловья (1910-1912, 315). «Ночь»</i>
	Перелесица	<i>Жутко им меж темных / Перелесиц, / Назвала я этот колоб – / Месяц (1916, 110). «То не тучи бродят за овином...»</i>	Перелесица	<i>Стухнут звезды, стухнет месяц, / Стихнет песня соловья, / В чернобылье перелесиц / С кистенем засядуя (1917, 301). «Разбойник»</i>
	Перелесица	<i>И только с перелесиц / Сквозь облачный тулуп / Слезу обронит месяц / На мой завялый труп (1918, 304). «Пушистый звон и руга...»</i>	Перелесица	<i>За темной прядью перелесиц, / В неколеби мой синеве, / Ягненок кудрявый – месяц / Гуляет в голубой траве (1915-1916, 75). «За темной прядью перелесиц...»</i>
	Перелесок	<i>Сон мой радостен и кроток / О нездешнем перелеске (1917, 86). «Колокольчик серебровзвонный...»</i>	Роща	<i>Закадили дымом под росую рощи... / В сердце почивают тишина и мощи (1912, 55). «Задымился вечер, дремлет кот на брус...»</i>
	Роща	<i>На резных окошках лены и кусты. / Я пойду к обеде плакать на цветы (1914, 49). «Троицыно утро, утренний канон...»</i>	Роща	<i>Мир вам, рощи, луг и липы, / Лити медовый ладан! (1916, 95). «О товарищах веселых...»</i>

	Роща	<i>Туча кружево в роще связала, / Закурился пах у ч и й туман (1915, 50). «Туча кружево в роще связала...»</i>	Роща	<i>Нивы сжаты, рощи голы, / От воды туман и сырость (1917, 115). «Нивы сжаты, рощи голы...»</i>
	Роща	<i>В темной роще на з е л е н ы х елях / Золотятся листь я вялых ив (1916, 285). «Мечта»</i>	Роща	<i>Роща грозитя еловым и пиками, / прячутся сов ы с пугливыми пиками (19 15, 359). «Колдунья»</i>
	Роща	<i>«Ты прощай, село родимое, / Темна роща и пеньки» (1914, 62). «По селу тропинкой кривенькой...»</i>	Роща	<i>Отговорила роща золотая / Березовым, в еселым языком (1924, 190). «Отговорила роща золотая...»</i>
	Роща	<i>Т р о и ц ы н о у т р о , утренний канон, / В роще по березкам белый перезвон (1914, 49). «Троицыно утро, утренний канон...»</i>	Сосняк	<i>В тихой дреме под навесом / Слышу шепо т сосняка (1914, 65). «Я – пастух, мои палаты...»</i>
	Сосняк	<i>Мохнатый лес баюкает / Стозвоном сосняка (1910, 37). «Поет зима – аукает...»</i>		
Род растения	Дерево	<i>Я хотел бы стоять, как дерево, / При дороге на одной ноге (1919, 315). «Ветры, ветры, о снежные ветры...»</i>	Дерево	<i>Как дерево роняет т и х о листья, / Так я роняю грустные слова (1924, 190). «Отговорила рощ а золотая...»</i>
	Куст	<i>На резных окошках л е н т ы и кусты. / Я пойду к обе д н е плакать на цветы (191 4, 49). «Троицыно утро, утренний канон...»</i>	Куст	<i>По кустам, в траве н а д лыками, / Под пугливы й возглас сов, / Им с м е я л а с ь роща зыками (1914, 63) . «По селу тропинкой кривенькой...»</i>

	Куст	<i>Я хотел бы под конские храпы / Обниматься с соседним кустом (1919, 315). «Ветры, ветры, о снежные ветры...»</i>	Куст	<i>Ты сама под ласками с бросишь шелк фаты, / унесу я пьяную до утра в кусты (1910, 46). «Выткался на озере алый свет зари...»</i>
	Куст	<i>Запели тесаные дроги, / Бегут равнины и кусты. (1916, 87). «Запели тесаные дроги...»</i>	Растение	<i>Кто скажет и откроет мне, / Какую тайну в тишине / Хранят растения немые / И где следы творенья рук? (1913, 333). «Кто скажет и откроет мне...»</i>
	Травы	<i>И звенит придорожными травами / От озер водяной ветерок (1916, 41). «За горами, за желтыми долами...»</i>	Травы	<i>От вихлистого приволья / Гнутся травы, мнется лист (1915, 53). «На плетнях висят баранки...»</i>
	Травы	<i>Трава поблекшая в расстеленные полы / Сбирает медь с обветренных ракушек (1916, 84). «Голубень»</i>	Травы	<i>Серебрится трава / Орошенных степей (1910 - 1912, 302). «Ночь»</i>
	Травы	<i>По кустам, в траве над лыками, / Под пугливый возглас сов, / Им смеялась рожа зыками (1914, 63). «По селу тропинкой кривенькой...»</i>	Травы	<i>Хорошо лежать в траве зеленой / И, впиваясь в призрачную гладь (1925, 206). «Каждый труд благослови, удача!...»</i>
	Цветок	<i>Я хочу быть отроком светлым / Иль цветком с луговой межи (1919, 315). «Ветры, ветры, о снежные ветры...»</i>	Цветы	<i>Счастлив тем, что целовал я женщин, / Мял цветы, валялся на траве (1924, 183). «Мы теперь уходим понемногу...»</i>

	Цветы	<i>На резных окошках ленты и кусты. / Я пойду к обеду плакать на цветы (1914, 49). «Троицыно утро, утренний канон...»</i>	Цветы	<i>Шуми левкой и резеда (1924, 325). «Цветы»</i>
	Цветы	<i>В цветах любви весна- царевна / По роце косы расплела (1915, 346). «Чары»</i>	Цветы	<i>А люди разве не цветы? / О милая, почувствуй ты, / Здесь не пустынные слова (1924, 327). «Цветы»</i>
	Цветы	<i>Цветы людей и в солнь и в стыть / Умеют полза т и ходить (1924, 328). « Цве-ты»</i>	Цветы	<i>Синими цветами Тегерана / Я лечу их н ы н ч е в чайхане (1924, 221). «Улеглась моя былая рана...» (« П е р с и д с к и е мотивы»)</i>
	Цветы	<i>Цветы мне говорят прощай, / Головками ки вая низко (1924, 325). «Цветы»</i>	Цветы	<i>И цветы сказали: «Ты почувствуй / По печали розы шелестящей» (1925, 2 36). «Отчего луна так светит тускло...» (« П е р с и д с к и е мотивы»)</i>
	Цветы	<i>Цветы сражались друг с другом, / И красный цвет был всех бойчей (1924, 328). «Цветы»</i>		
Цветы	Василек	<i>Я только тот люблю цветок, / Который врос корнями в землю. / Его люблю я и приемлю, / Как северный наш василек (1924, 326). «Цветы»</i>	Гвоздика	<i>Ты не удержишься взглядом, / Чтоб не пр ипасть к гвоздикам (19 25, 230). «Воздух прозрачный и синий» (« П е р с и д с к и е мотивы»)</i>

	Левкой	<i>Золото холодное луны, / Запах олеандра и левкоя</i> (1925, 231). «Золото хол о д - ное луны...» («Персидск ие мотивы»)	Левкой	<i>Шумы левкой и резеда.</i> (1924, 325). «Цветы»
	Левкой	<i>А Гектор меч о траву вытирал / И сыпал на врага цветущие левкой</i> (1915, 351). «Греция»	Мак	<i>Белая свитка и алый кушак, / Рву я по грядкам зардевшийся мак</i> (1915, 363). «Белая свитка и алый кушак»
	Олеандр	<i>Золото холодное луны, / Запах олеандра и левкоя</i> (1925, 231). «Золото хол о д - ное луны...» («Персидск ие мотивы»)	Роза	<i>Розы ль мне то нашептали? // Сам я не з н а ю , что будет</i> (1925, 346). « М о р е г о л о с о в воробьиных»
	Роза	<i>Розы, как светильники, горят / И опять мне о далеком крае / Свежес т ь ю упругой говорят</i> (1925, 233). «Голубая родина Фирдуси...» («Персидс кие мотивы»)	Роза	<i>Пусть вся жизнь моя з а п е с н ю продана, / Но за Г е л и ю в т е н я х ветвей / Обнимает розу соловей</i> (1925, 239). «Голубая да веселая страна...» (« П е р с и д с к и е мотивы»)
	Роза	<i>И цветы сказали: «Ты почувствуй / По печали р о з ы шелестящей»</i> (1925, 236). «Отчего луна так светит тускло...».	Роза	<i>Ветер с моря, тише дуй и вей – / Слышишь, розу кличет соловей</i> (1925, 239). «Голубая да веселая страна...» («Персидск ие мотивы»)
	Роза	<i>Тихо розы бегут по полям.</i> (1925, 228). « С в е т в е ч е р н и й шафранного края...» (« Пер- сидские мотивы»)	Роза	<i>Ты пропела: «За Ефратом / Розы лучшие смерт- ных дев»</i> (1925, 225). «Ты сказала, что Саади...» («Персидски е мотивы»)

	Роза	<i>Много роз бывает на пути, / Много роз склоняется и гнется, / Но одна лишь сердцем улыбнется</i> (1925, 239). «Голубая да веселая страна...» («Персидские мотивы»)	Роза	<i>Я б порезал розы эти, / Ведь одна отрада мне – / Чтобы не было на свете / Лучшие милой Шаганэ</i> (1925, 225). «Ты сказала, что Саади...» («Персидские мотивы»)
	Роза	<i>Слышишь, роза клонится и гнется – / Эта песня в сердце отзовется</i> (1925, 239). «Голубая да веселая страна...» («Персидские мотивы»)	Роза	<i>В Хороссане есть такие двери, / Где обсыпан розами порог</i> (1925, 232). «В Хороссане есть такие двери...» («Персидские мотивы»)
	Роза	<i>И душа моя – поле безбрежное – / Дышит запахом меда и роз</i> (1925, 193). «Несказанное, синее, нежное...»	Ромашка	<i>Снова я вижу знакомый обрыв / С красною глиной и сучьями ив, / Грезит над озером рыжий овес, / Пахнет ромашкой и медом от ос</i> (1916, 290). «Синее небо, цветная дуга...»
	Сирень	<i>На душе холодное кипенье / И сирени шелест голубой</i> (1925, 262). «Может, поздно, может, слишком рано...»	Цветы рябины	<i>Цветы рябин другое дело. / Они как жизнь, как наше тело, / Делимое в предвечной мгле</i> (1924, 327). «Цветы»
Деревья и кусты	Береза	<i>Тот, кто видел хоть однажды / Этот край и эту гладь, / Тот почти березке каждой / Ножку рад поцеловать</i> (1925, 252). «Мелколесье. Степь и дали...»	Береза	<i>Так и хочется к телу прижаться / Обнаженные груди берез</i> (1917, 117). «Я по первому снегу бреду»

	Береза	<i>И березы стоят, / Как большие свечки (1910, 35). «Вот уж вечер. Роса...»</i>	Береза	<i>Здравствуй, златое затишье / С тенью б е р е з ы в воде! (1918, 122). «В о т оно, глупое счастье...»</i>
	Береза	<i>На березки в роще теневой / Серьги звонкие повесила (1916, 268). «Прячет месяц за овинами...»</i>	Береза	<i>Нищету твою видеть больно / И березам и тополям (1925, 340). «Неуютная жидкая лунность...»</i>
	Береза	<i>Эх, береза русская! / Путь-дорога узкая (1925, 202). «Вижу сон. Дорога черная»</i>	Береза	<i>И за дороною в чаще березовой / Песню любви затянул соловей (1912, 314). «Весенний вечер» («Больные думы»)</i>
	Береза	<i>И березы в белом плачут по лесам. / Кто погиб здесь? Умер? Уж не я ли сам? (1925, 349). «Снежная равнина, белая луна...»</i>	Береза	<i>За прощальной стою обедней / Кадящих листвою берез (1920, 127). «Я последний поэт деревни...»</i>
	Береза	<i>И золотеющая осень, / В березах убавляя сок, / За всех, кого любил и бросил, / Листвою плачет на песок (1925, 211). «Гори, звезда моя, не падай...»</i>	Береза	<i>На бугре береза-свечка / В лунных перьях серебра (1911, 39). «Темна ноченька, не спится...»</i>
	Береза	<i>Улыбнулись сонные березки / Растрепали шелковые косы. / Шелестят зеленые сережки, / И горят серебряные росы (1914, 327). «С добрым утром!»</i>	Береза	<i>Между сосен, между елок, / Меж берез кудрявых бус, / Под венком, в кольце иголок, / Мне мерещится Исус (1914, 68). «Чую радуницу Божью...»</i>

	Береза	<i>Ты поила коня из горстей в поводу, / От раж а я с ь , березы ломались в пруду (1910, 45). «Подражанье песне»</i>	Береза	<i>Я помню осенние ночи, / Березовый шорох теней... (1925, 345). «Я помню, любимая, помню...»</i>
	Береза	<i>Как кладбище, усеян сад / В берез изглоданные кости (1923, 179). «Мне грустно на тебя смотреть...»</i>	Береза	<i>Взбрезжи, полночь, л у н ы кувшин / Зачерпнуть молока берез! (1920, 140). «Хулиган»</i>
	Березка	<i>Я навек за туманы и росы / Полюбил у березки стан, / И ее золотистые косы, / И холщовый ее сарафан (1925, 218). «Ты запой мне ту песню, что прежде...»</i>	Березка	<i>Зеленая прическа, / Девическая грудь. / О тонкая березка, / Что загляделась в пруд? (1918, 116). «Зеленая прическа...»</i>
	Березка	<i>Троицыно утро, утренний канон, / В роще по березкам белый перезвон (1914, 49). «Троицыно утро, утренний канон...»</i>	Верба	<i>Там он встретил в е р б у , там сосну приметил, / Распевал им песни под метель о лете (1925, 2 5 5) . «Клен ты мой опавший , клен заледенелый...»</i>
	Верба	<i>Пахнет вербой и смолою, / Синь то дремлет, то вздыхает (1914, 67). «Сохнет стаявшая глина...»</i>	Верба	<i>В том краю, где желтая крапива / И сухой плетень, Приютились к вербам сиротливо / Избы деревень (1915, 76). «В том краю, где желтая крапива »</i>

	Верба	<i>С в е т л у н ы т а и н с т в е н н ы й и д л и н н ы й, / П л а ч у т в е р б ы, ш е п ч у т т о п о л я (1925, 203). «Спит к о в ы л ь. Р а в н и н а д о р о г а я...»</i>	Верба	<i>В з е л е н о й ц е р к в и з а г о р о й, / Г д е в е р б ы ч е т к и у р о н и л и, / Я п о н и м а ю п р о с ф о р о й / М л а д о й в е с н ы м л а д ы е б ы л и (1916, 278). «В з е л е н о й ц е р к в и з а г о р о й...»</i>
	Вяз	<i>П о д к р а с н ы м в я з о м к р ы л ь ц о и д в о р, / Л у н а н а д к р ы ш е к а к з л а т б у г о р (1915, 90). «П о д к р а с н ы м в я з о м к р ы л ь ц о и д в о р...»</i>	Дуб	<i>Н а д у б а х о т с в и с т а л и с т ы в а л я т с я, / П о б р о с а л и н е м ц ы ш а п к и м е д н ы е (1914, 332). «Б о г а т ы р с к и й п о с в и с т »</i>
	Дуб	<i>Н о в е д ь д у б м о л о д о й, н е р а з ж е л у д я с ь, / Т а к ж е г н е т с я, к а к в п о л е т р а в а ... (1925, 193). «Н е с к а з а н н о е, с и н е е, н е ж н о е...»</i>	Ель	<i>В т е м н о й р о щ е н а з е л е н ы х е л я х / З о л о т я т с я л и с т ь я в я л ы х и в (1916, 285). «М е ч т а»</i>
	Ель	<i>В м е ж е п о д е л ь ю, г д е о б л а к - т ы н, / М н е с н и л и с ь р е к и з л а т ы х д о л и н (1917, 90). «П о д к р а с н ы м в я з о м к р ы л ь ц о и д в о р...»</i>	Ива	<i>В т е м н о й р о щ е н а з е л е н ы х е л я х / З о л о т я т с я л и с т ь я в я л ы х и в (1916, 285). «М е ч т а»</i>
	Ива	<i>И в ы з в а н и в а ю т в ч е т к и / И в ы – к р о т к и е м о н а ш к и (1914, 56). «К р а й л ю б и м ы й! С е р д ц у с н я т с я...»</i>	Ива	<i>Х о р о ш о б ы, к а к в е т к а м и и в а, / О п р о к и н у т ь с я в р о з о в о с т ь в о д (1918, 135). «З а к р у ж и л а с ь л и с т в а з о л о т а я...»</i>
	Ива	<i>Н а к л о н и в ш и л и к с в о й к р о т к и й, / Д р е м л е т р я д п л а к у ч и х и в, / И, к а к ш е л к о в ы е ч е т к и, / В е т о к б и с е р н ы й и з в и в (1913-1914, 25). «М и к о л а»</i>	Калина	<i>О ч е м - т о п о д о л г у м е ч т а л а / У к а л и н ы з а ж е л т ы м п р у д о м (1924, 188). «С у к и н с ы н»</i>

	Калина	<i>Где-то за садом, несмело, / Там, где калина цветет, / Нежная девушка в белом / Нежную песню поет (1918, 122). «Вот оно, гл у- пое счастье...»</i>	Калинушк а	<i>Эх, любовь-калинушка, кровь – заря вишневая, / Как гитара старая и как песня новая (1925, 195). «Песня»</i>
	Кипарис	<i>Так спросил я, дорогая Лала, / У молчащих ночью кипарисов, / Но их рать ни слова не сказала, / К небу гордо головы зависив (1925, 236). «Отчего луна так светит тускло...» («Персидские мотивы»)</i>	Каштан	<i>Месяца желтые чары / Льют по каштанам в пролесь (1925, 237). «Глупое сердце, не бейся...» («Персидски е моти-вы»)</i>
	Клен	<i>В те края, где я рос под кленом, / Где резвился на желтой траве (1924,167). «Я усталым таким еще не был...»</i>	Клен	<i>Дрогнули листочки, закачались клены, / С золотистых веток полетела пыль... (1914-1915, 342). «Буря»</i>
	Клен	<i>Сам себе казался я т а к и м же кленом, / Только не опавшим, а вовсю зеленым. // И, утратив скромность, одуревши в доску, / Как жену чужую, обнимал березку (1925, 255). «Клен ты мой опавший, клен заледенелый...»</i>	Клен	<i>Стережет голубую Русь / Старый клен на одной ноге, // И я знаю, есть радость в нем / Тем, кто листьев целует дождь, / Оттого что тот старый клен / Головой на меня похож (1918, 131). «Я покинул родимый дом...»</i>
	Клен	<i>Клен и липы, в окна комнат / Ветки лапами забросив, / Ищут тех, которых помнят (1923, 177). «Дорогая, сядем рядом...»</i>	Клен	<i>Конь ты мой буланый! / Где-то на поляне клен танцует пьяный (1925, 244). «Слышишь – мчатся сани, слышишь – сани мчатся...»</i>

	Клененочек	<i>Клененочек маленький матке / Зеленое вымя сосет (1910, 36). «Там, где капустные грядки...»</i>	Липа	<i>Мир вам, рожи, луг и липы, / Литии медовый ладан! (1916, 95). «О товарищах веселых...»</i>
	Липа	<i>Сегодня цветущая липа / Напомнила чувствам опять (1925, 345). «Я помню, любимая, помню...»</i>	Липа	<i>Ведь знаю я и знаешь ты, / Что в этот отсвет лунный, синий / На этих липах не цветы – / На этих липах снег да иней (1925, 256). «Какая ночь! Я не могу...»</i>
	Липа	<i>А за окном под метельные всхлипы, / В диком и шумном метельном чаду, / Кажется мне осыпаются липы, / Белые липы в нашем саду (1925, 243). «Снежная замять дробится и колется...»</i>	Липа	<i>Вот оттого ты мне чужая, / Что липы тще тно манят нас, / В сугробы ноги погружая (1925, 256). «Какая ночь! Я не могу...»</i>
	Липа	<i>Отцвела моя белая липа, / Отзвенел соловьиный рассвет (1924, 168). «Этой грусти теперь не рассыпать...»</i>	Липа	<i>Клен и липы, в окна комнат / Ветки лапами забросив, / Ищут тех, которых помнят (1923, 177). «Дорогая, сядем рядом...»</i>
	Липа	<i>Где ты, моя липа? Липа вековая? (1925, 205). «Над окошком месяц. Под окошком ветер...»</i>	Осина	<i>Полевое, степное «кугу», / Здравствуй, мать голубая осина! (1920, 137). «По-осеннему кычет сова...»</i>
	Осина	<i>Мир осинам, что, раскинув ветви, / Загляделись в розовую воду! (1924, 183). «Мы теперь уходим понемногу...»</i>	Осина	<i>И на колу под осиною / Шкуру трепал ветерок (1915, 89). «Корова»</i>

	Осина	<i>Хлесткий ветер в р а в н и н н у ю синь / Катит яблоки с тощих осин (1917, 82). «Ночь и поле, и крик петухов...»</i>	Осина	<i>Не шуми, осина, не пыли, дорога (1925, 215). «Сыпь, тальянка, звонко, сыпь, тальянка, смело!...»</i>
	Ракита	<i>Трава поблекшая в рассте- ленные поля / Сбирает медь с обветренных рак ит (1916, 84). «Голубень»</i>	Ракита	<i>Подпевает тебе жалоба / Об изгибах тамошних раки т (1917, 300). «Небо ли такое белое...»</i>
	Рябина	<i>И калитку осеннего сада, / И опавшие листья с рябин (1925, 218). «Ты запой мне ту песню, что прежде...»</i>	Рябинушка	<i>Не от холода рябинушка дрожит, / Не от ветра море синее кипит (1917, 299). «Не от холода рябинушка дрожит...»</i>
	Сосна	<i>Плачет леший у сосны – / Жалко летошней весны (1916, 270). «За рекой горят огни...»</i>	Сосна	<i>Между сосен, между елок, / Меж берез кудрявых бус, / Под венком, в кольце иголок, / Мне мерещится Исус (1914, 68). «Чую радуницу Божью...»</i>
	Сосна	<i>Словно белою косынкой / Повязалась сосна (1914, 322). «Пороша»</i>	Сосна	<i>Никнут шелковые травы, / Пахнет смол и с т о й сосной (1910, 52). «Сыплет черемуха снегом...»</i>
	Сосна	<i>Загорались ярким пламенем / Сосны стар ые, могу- чие, / Наряжали сетки хвойные / В покрывала златотканые (1917, 292). «Лебедушка»</i>	Сосна	<i>Там он встретил в е р б у , там сосну приметил, / Распевал им песни под метель о лете (1924, 255). «Клен ты мой о п а в ш и й , к л е н заледенелый...»</i>

	Тополь	<i>Уж не будут листвою крылатой / Надо мною звенеть тополя (1922, 152). «Да! Теперь решено. Без возврата...»</i>	Тополь	<i>И перед крашеным окном / В шелковых листьях тополя, / А там всё лес, и всё поля (1914, 323). «Село»</i>
	Тополь	<i>А у низеньких околиц / Звонно чахнут тополя. (1914, 64). «Гой ты, Русь, моя родная...»</i>	Тополь	<i>Бреду дубравною сторонкой / Под тихи й шелест тополей (1916, 284). «Без шапки, с лыковой котомкой...»</i>
	Тополь	<i>В чарах звездного напева / Обмлели тополя (1918, 305). «Королева»</i>	Тополь	<i>Нищету твою видеть больно / И березам и тополям (1925, 340). «Неуютная жидкая лунность...»</i>
	Тополь	<i>Страшно хочется подр а- тья / С пьяным тополем в саду (1925, 342). «Буря воет, буря злится...»</i>	Тополь	<i>С в е т л у н ы таинственный и длинный, / Плачут вербы, шепчут тополя (1925, 203). «Спит ковыль. Равнина дорогая...»</i>
	Черемуха	<i>Сыплет черемуха снегом, / Зелень в цвету и росе (1910, 52). «Сыплет черемуха снегом...»</i>	Черемуха	<i>Кто видал, как в ночи кипит / Кипяченых черемух рать? (1920, 141). «Хулиган»</i>
	Черемуха	<i>В окна бьют без промаха / Вороны крылом, / Как метель, черемуха / Маи е т рукавом (1914, 70). «Кр а й т ы м о й заброшенный»</i>	Черемуха	<i>Спит черемуха в белой накидке (1925, 191). «Синий май. Заревая тепльнь...»</i>
	Черемуха	<i>Я учусь, я учусь моим сердцем / Цвет черемух в глазах беречь (1918, 132). «Хорошо под осеннюю свежесть...»</i>	Черемуха	<i>Пейте, пойте в юности, бейте в жизнь без промаха – / Все равно любимая отцветет черемухой. (1925, 195). «Песня»</i>

	Черемуха	<i>Черемуха душистая / С весною расцвела / И ветки золотистые, / Что кудри, завила (1915, 347). «Черемуха»</i>	Черемуха	<i>С л у ш а т ь п е с н и д о ж д е й и черемух, / Чем здоровый живет человек (1923, 182). «Вечер черные брови насопил...»</i>
	Яблоня	<i>Даже яблонь весеннюю вьюгу / Я за бедность полей разлюбил (1925, 340). «Неуютная жидкая лунность...»</i>	Яблоня	<i>Не жалею, не зову, не плачу, / Все пройдет, как с белых яблонь дым (1921, 149). «Не жалею, не зову, не плачу...»</i>
	Яблоня	<i>И время тебе подсмотреть / Что яблоне тоже больно / Терять своих листьев медь (1925, 198). «Заря окликает другую...»</i>		
Травы	Бурьян	<i>И мне широкий путь лежит, / Но он заросший весь в бурьяне (1912, 314) «И надо мной звезда горит...». («Больные думы»)</i>	Камыш	<i>Колыхалось тихо озеро, / Камыши, склонясь, шептались, / А под кочками и зелеными / Хоронились лебежатушки (1917, 292). «Лебедушка»</i>
	Камыш	<i>Серым веретнем стоят шалаши, / Глухо баюкают хлюпья камыши (1914, 73). «Черная, потом пропахшая выть!..»</i>	Ковыль	<i>Спит ковыль. Равнина дорогая, / И свинцовой свежести польнь (1925, 203). «Спит ковыль. Равнина дорогая...»</i>
	Ковыль	<i>За шумели ветры, охнул зеленый, / Зашептался с эхом высохший ковыль (1914-1915, 342). «Буря»</i>	Крапива	<i>У плетня заросшая крапива / Обрядилась ярким перламутром / И, качаясь, шепчет шаловливо: «С добрым утром!» (1914, 327). «С добрым утром!»</i>

	Мята	<i>Звериных стихов моих грусть / Я кормил резедой и мятой (1920, 140).</i> «Хулиган»	Крапива	<i>В том краю, где желтая крапива / И с у х о й плетень, / Приютилис ь к вербам сиротливо / Избы деревень (1915, 76). «В том краю, где желтая крапива...»</i>
	Осока	<i>В затихшем озере с осокой / Бодаются его р ога, – / И кажется с тропы далекой – Вода качает берега (1915-1916, 75).</i> «За темной прядью перелесиц...»	Осока	<i>И часто я в вечерней мгле, / Под звон надломленной осоки, / М о л ю с ь дымящейся земле / О не- возвратных и далеких (1916, 78). «Я снова здесь, в семье родной...»</i>
	Повилика	<i>Погадала красна девица в семик. / Расплела волна венки из повилик (1914, 48). «Зашумели над затоном тростники»</i>	Полынь	<i>Спит ковыль. Равнина до- рогая, / И свинцовой свежести полынь (1925, 203). «Спит ковыль. Равнина дорогая...»</i>
	Полынь	<i>Липким запахом вее т полынь (1925, 191).</i> «Синий май. Заревая теплынь...»	Резеда	<i>Звериных стихов моих грусть / Я кормил резедой и мятой (1920, 140). «Хулиган»</i>
	Резеда	<i>П о м е ж е н а переметке / Резеда и риза кашки (1917, 56). «Край любимый! Сердцу снятся...»</i>	Тростник	<i>И тихо слышится над нею / Веселый шелест т р о с т н и к а (1910-1912, 315). «Ночь»</i>
	Тростник	<i>Зашумели над затоном тростники. / Плачет девушка-царевна у реки. (1914, 48). «Зашумели н а д з а т о н о м тростники...»</i>		

Строение растения	Ветви	<i>Я вернусь, когда раскинет ветви / Повесенному на ш белый сад (1924, 164). «Письмо матери»</i>	Ветки	<i>Дай ты мне зарю на дровни, / Ветку вербы на узду (1918, 118). «Серебристая дорога...»</i>
	Ветки	<i>И мне в окошко постучал / Сентябрь багряной веткой ивы, / Чтоб я готов был и встречал / Его приход непрехотливый (1923, 175). «Пусть ты выпита другим...»</i>	Ветки	<i>Дрогнули листочки, закачались клены, / С золотистых веток полетела пыль... (1914-1915, 342). «Буря»</i>
	Ветки	<i>Только ивы над красными м бугром / Обветшалым трясут подолом (1917, 82). «Ночь и поле, и крик петухов...»</i>	Ветки	<i>Черемуха душистая / С весною расцвела / И ветки золотистые, / Что кудри, завила (1915, 347). «Черемуха»</i>
	Ветки	<i>Улыбнулись сонные березки, / Растрепали шелковые косы. / Шелестят зеленые сережки, / И горят серебряные росы (1914, 328). «С добрым утром!»</i>	Ветки	<i>На пушистых ветках / Снежную каймой / Распустились кисти / Белой бахромой (1913, 321). «Береза»</i>
	Ветки	<i>Клен и липы, в окна комнат / Ветки лапами забросив, / Ищут тех, которых помнят (1923, 177). «Дорогая, сядем рядом...»</i>	Колосья	<i>Хорошо в эту лунную осень / Бродить по траве одному / И собирать на дороге колосья / В обнищалую душу-суму (1917-1918, 121). «Песни, песни, о чем вы кричите?»</i>
	Лист	<i>От вихлистого приволья / Гнутся травы, мнется лист (1915, 53). «На плетнях висят баранки...»</i>	Листочек	<i>Дрогнули листочки, закачались клены, / С золотистых веток полетела пыль... (1914-1915, 342). «Буря»</i>

	Листья	<i>И перед крашеным окном / В шелковых листьях тополя, / А там всё лес, и всё поля (1914, 323). «Село»</i>	Листья	<i>По меже на переметке / Резеда и риза кашки. / И вызывают в четки / Ивы – кроткие монашки (1914, 56). «Край любимый! Сердцу снятся...»</i>
	Листья	<i>И калитку осеннего сада, / И опавшие листья с рябин (1925, 218). «Ты запой мне ту песню, что прежде...»</i>	Листья	<i>И я знаю, есть радость в нем / Тем, кто листьев целует дождь, / Оттого что тот старый клен / Головой на меня похож (1918, 131). «Я покинул родимый дом»</i>
	Листья	<i>В темной роще на зеленых елях / Золотятся листья вялых ив (1916, 285). «Мечта»</i>	Семя	<i>На вечное время / Собирайте семя / Не мало (1916, 281). «Исус младенец»</i>
	Сережки	<i>Цепляюсь в клейкие сережки / Обвисших до земли берез (1916, 284). «Без шапки, с лыковой котомкой...»</i>	Сережки	<i>Улыбнулись сонные березки, / Растрепали шелковые косы. / Шелестят зеленые сережки, / И горят серебряные росы (1914, 327). «С добрым утром!»</i>
	Серьги	<i>На березки в роще тене- вой / Серьги звонкие повесила (1916, 268). «Прячет месяц за овинами...»</i>	Ствол	<i>То сучья золотых стволов, / Как свечи, теплятся пред тайной (1919, 128). «Душа грустит о небесах... »</i>
	Стебель	<i>Как стебель тулово качая, / А эта разве голова / Тебе не роза золотая? (1924, 327). «Цветы»</i>		

Плоды	Вишня	<i>Чей-то мягкий лик за лесом, / Пахнет вишнями и мохом... (1916, 279). «Даль подернула сь туманом...»</i>	Горох	<i>Под Маврикийским дубом / Сидит мой рыжий дед, / И светит его шуба / Горохом частых звезд (1917, 49). «Октоих»</i>
	Греча	<i>В моря овса и гречи / Он кинет нам телка... (1917, 54). «Пришествие»</i>	Капуста	<i>На грядки серые капусты волноватой / Рожок луны по капле масло льет (1916, 85). «Голубень»</i>
	Лук	<i>Провоняю я редькой и луком / И, тревожа вечернюю гладь (1922, 148). «Не ругайтесь! Такое дело!»</i>	Малина	<i>У ней губы краснее малины, / Брови черные круче подковы (1915, 352). «Я одену тебя побирушкой...»</i>
	Овес	<i>Заглушила засуха засевок, / Сохнет рожь и не всходят овсы (1914, 71). «Заглушила засуха засевок...»</i>	Овес	<i>В моря овса и гречи / Он кинет нам телка... (1916, 54). «Пришествие»</i>
	Овес	<i>Мы любим в ней вечер, над речкой овес, – / И отроков резвых медынью волос (1917, 297). «Есть светлая радость под сенью кустов...»</i>	Овес	<i>В нем удобней, грусть свою уменьшив, / Золото овса давать кобыле (1922, 150). «Я обманывать себя не стану...»</i>
	Овес	<i>Только знаю Библию да сказки, / Только знаю, что поет овес при ветре... (1918, 308). «Сельский часослов»</i>	Орех	<i>Сделала свистулечку / Из ореха грецкого (1915-1917, 398). «Частушки»</i>
	Редька	<i>Провоняю я редькой и луком / И, тревожа вечернюю гладь (1922, 148). «Не ругайтесь. Такое дело!»</i>	Рожь	<i>Заглушила засуха засевок, / Сохнет рожь, и не всходят овсы (1914, 71). «Заглушила засуха засевок...»</i>

	Рожь	<i>Ты светишь августом и рожью / И наполняеш ть тишь полей / Такой рыдалистой дрожью / Неотлетевших журавл ей (1925, 211). «Гори, звезда моя, не падай...»</i>	Рожь	<i>Опускает за селом / Месяц маятником в рожь (1917, 112). «Где ты, где ты, отчий дом...»</i>
	Рожь	<i>Покатился колоб за ворота / Рожью (1916, 109). «То не тучи бродят за овином»</i>	Рожь	<i>Знаю я, что не цветут там чащи, / Не звенит лебяжьей шеей рожь (1924, 183). «Мы тепер ь уходим понемногу...»</i>
	Рябина	<i>В саду горит костер рябины красной, / Но никого не может он согреть (1924, 190). «Отговорила роща золотая...»</i>	Рябина	<i>Отгорела ли наша рябина, / Осыпаясь под белым окном? (1925, 216). «Я красивых таких не видел...»</i>
	Рябина	<i>Покраснела рябина, / Посинела вода (1916, 99). «Покраснела рябина...»</i>	Яблоко	<i>Хлесткий ветер в равнинную синь / Катит яблоки с тощих осин (1917, 82). «Ночь и поле, и крик петухов...»</i>
Технически е культуры	Лен	<i>Закружилась пряжа снежистого льна, / Панихидный вихорь плачет у окна (1916, 274). «Закружилась пряжа снежистого льна...»</i>	Укроп	<i>Манит ночлег, недалеко до хаты, / Укропом вялы м пахнет огород (1916, 85). «Голубень»</i>
Мох	Мох	<i>Чей-то мягкий лик за лесом, / Пахнет вишнями и мохом... (1916, 279). «Даль подернулась туманом...»</i>	Мох	<i>Затуманились лощины, / Серебром покрылся мох (1915, 353). «На лазоревые ткани...»</i>

Приложение 2 . Названия растений в стихотворениях Сью Чжимо

Совокупность растений	Частотность	Род растения	Частотность
Бамбуковая чаша	2	Деревья	1
Заросли османтусов	1	Дерево	1

Лес	2	Растение	1
Луг	1	Травы	5
Кленовый лес	1	Цветок	1
Кустарник	2	Цветочек	1
Оливковый лес	2	Цветы	4
Сосняк	2	Итого	14
Тростниковые заросли	2	Вьющиеся и ползучие растения	Частотность
Тутовник	1	Глициния	4
Травяная поросль	1	Плющ	1
Итого	17	Итого	5
Мох	3	Деревья и кусты	Частотность
Цветы	Частотность	Банан японский	1
Азалия	1	Вяз	4
Девясил	1	Дерево магнолии	1
Жимолость	1	Ива	3
Лотос	2	Каштан	1
Люцерна	1	Кипарис	1
Мак	2	Сосна	8
Малина	1	Софора	3
Орхидея	1	Тополь	6
Османтус	1	Фига	1
Роза	5	Хлопковое дерево	1
Фиалка	1	Шелковица (см. Приложение 4)	1
Фусан (см. Приложение 4)	2	Яблоня	1
Хризантема	1	Итого	32
Цветы граната	1	Травы и тростник	Частотность
Цветы каштана	1	Водоросли	2
Цветы персика	1	Камыш	1
Цветы сливы	5	Ползучие травы	1

Цветы софоры	1	Травинка	2
Цветы яблони	2	Тростник	1
Итого	31	Итого	7
Строение растения	Частотность	Плоды	Частотность
Бутон	1	Апельсин	1
Ветки	5	Восковница	2
Корень	1	Горох	1
Крона	1	Каштан	1
Лепесток	3	Лотосовый орех	1
Листья (листочек)	9	Хурма	1
Лоза	1	Итого	7
Мякоть	1		
Прутья	2		
Ствол	1		
Стебель	1		
Тычинка	4		
Чашечка (цветка)	2		
Шип	1		
Итого	33		

Названия растений в лирике Сюй Чжимо

Совокупность растений	Бамбуковая чаща	<p>透露内里的青篁,又为我洗净/ 障眼的盲翳,重见宇宙间的欢欣。</p> <p><i>Бамбуковая чаща мне опять с глаз смыла пелену своей прозрачной зеленью, /</i></p> <p><i>И я снова увидел радость в мире (1925, 241).</i></p> <p>«Слава богу! Мое сердце опять бьется» «多谢天! 我的心又一度的跳荡»</p>	Бамбуковая чаща	<p>一林松, 一丛竹, 红叶纷纷。</p> <p><i>Сосняк, бамбуковая чаща, / Падают красные листья (1923, 127).</i></p> <p>«На поезде из Шанхая в Ханчжоу» «沪杭车中»</p>
	Заросли османтусов	<p>果然这桂子林也不能给我点子欢喜; 枝上只见焦菱的细蕊。</p> <p><i>Заросли османтусов меня ничуть не радуют, / Видны только тонкие засохшие тычинки (1926, 271).</i></p> <p>«Нелегко жить сегодня» «这年头活着不易»</p>	Лес	<p>更有那重叠的森林, 赤松与白杨, / 灌属的小丛林, 手挽手的滋长。</p> <p><i>Густой лес, сосна, т о п о л ь и кустарник / Растут рука об руку (1925, 218).</i></p> <p>«Сибирь» «西伯利亚»</p>
	Лес	<p>我爱秋林, 我爱晚风的吹动, 我爱 / 枯苇在晚凉中的颤动, / 半残的红叶飘摇到地, / 鸦影侵入斜日的光圈。</p> <p><i>Я люблю лес, / Люблю, к о г д а вечерний ветер дует, / Когда увянувшие тростники дрожат в холоде, /</i></p> <p><i>Когда кленовые листья облетают на землю / Силуэт вороны приближается к лучам заходящего солнца (1930, 387).</i></p> <p>«Вдохновение любви» «爱的灵感»</p>	Луг	<p>在这乌拉尔东来的草田, 茂旺,葱秀, / 牛马的乐园, / 几千里无际的绿洲。</p> <p><i>К востоку от Урала по сытному лугу, / Бежит стадо / Это бесконечный оазис (1925, 219).</i></p> <p>«Сибирь» «西伯利亚»</p>

	Кленовый лес	<p>晚霞泛滥着金色的枫林， / 凉风吹拂着我孤独的身形。</p> <p><i>Золотой кленовый лес покрыт закатом, / Свежий воздух обдувает мою одинокую фигуру</i> (1925, 250). «Известие из рая» «天国的消息»</p>	Кустарник	<p>更有那重叠的森林，赤松与白杨， / 灌属的小丛林，手挽手的滋长。</p> <p><i>Густой лес, сосна, тополь и кустарник / Растут рука об руку</i> (1925, 218). «Сибирь» «西伯利亚»</p>
	Оливковый лес	<p>头顶白杨树上的风声，沙沙的， / 算是我的丧歌，这一阵清风， / 橄榄林里吹来的，带着石榴花香。</p> <p><i>Над головой шуршат листья тополя, / Это мои песнопения погребальные, / Из оливкового леса дует свежий ветерок с ароматом цветов граната</i> (1925, 227). «Ночь во Флоренции» «翡冷翠的一夜»</p>	Оливковый лес	<p>啊明月!你不减旧时的光辉—/这橄榄林中泛滥着夜莺的欢畅。</p> <p><i>Ах, луна! Ты все-таки яркая и красивая как раньше – / Оливковый лес полон пения соловьев</i> (1925, 230). «Ночь во Флоренции» «翡冷翠的一夜»</p>
	Сосняк	<p>一林松，一丛竹，红叶纷纷。</p> <p><i>Сосняк, бамбуковая чаща, / Падают красные листья</i> (1923, 127). «На поезде из Шанхая в Ханчжоу» «沪杭车中»</p>	Сосняк	<p>紫色的黄昏罩，三千里路的松林!</p> <p><i>Фиолетовый закат заливаает непрерывный сосняк!</i> (1931, 435). «На поезде» «车中»</p>

	Тростник о в ы е заросли	这秋月是纷飞的碎玉, / 芦田是神仙的别殿。 <i>Осенняя луна – это фарфор, / А тростников ые заросли – дворец бога (1925, 216).</i> «Воспоминание в Сибири о камышах Монастыря Цюсюэ Ханчжоу» «西伯利亚道中忆西湖秋 雪庵芦色作歌»	Тростн иковые заросли	我捡起一枝肥圆的芦梗, / 在这秋月下的芦田。 <i>Я поднял круглый стебель тростника, / В тростниковых зарослях под луной.</i> «Воспоминание в Сибири о камышах Монастыря Цюсюэ Ханчжоу» (1925, 216). «西伯利亚道中忆西湖秋 雪庵芦色作歌»
	Тутовник	绿的是豆畦,阴的是桑树 林, /幽郁是溪水傍的草 丛。 <i>В поле заросли зеленые гороха, в тутовнике прохлад- но, / У реки поросль густ ая (1927, 374). «车眺» «Вид из автобуса»</i>	Травяна я поросль	绿的是豆畦,阴的是桑树 林, /幽郁是溪水傍的草 丛。 <i>В поле заросли зеленые гороха, в тутовнике прохлад- но, / У реки поросль густ ая (1927, 374). «车眺» «Вид из автобуса»</i>
Род растения	Дерево	他至少有百余年的经验, / 人间的变幻他什么都见 过; / 生命的顽皮他也曾 计数; / 春夏间汹汹, 冬 季里婆婆。 <i>Старому дереву не менее ста лет, / Он видел все н а свете, / Он испытывал вся- кое в жизни: / Лето и мороз (1925, 231).</i> «Перед церковью Эксетера» «在Excter教堂 前»	Деревья	焦枯的落魄的树木 / 在冰 沉沉的河沿叫喊。 <i>Сухие бедные деревья, / Кричат на берегу ледяной реки (1931, 400).</i> «Упадок» «残破»

	<p>Растение</p> <p>“你已经认识我!在我的眼前，太阳，草木，星，月，介壳，鸟兽，各类的人，虫豸，都是同胞。”</p> <p><i>«Ты уже меня знаешь! Д л я меня солнце, растение, звезды, луна, птицы и животные, люди разные и насекомые, они все близкие» (1922, 30).</i></p> <p>«Ночь» «夜»</p>	<p>Травы</p>	<p>啊!此地不见了清涧与青草，/更有谁伴我笑语，疗我饥合。</p> <p><i>Ах! Здесь больше нет ручья и трав, / Кто со мной поговорил бы и меня вдохновил (1923, 102).</i></p> <p>«Я – одинокий ребенок»</p> <p>«我是个无依无伴的小孩»</p>
	<p>Травы</p> <p>许久不见了，满田的青草黄花!你们在风前点头微笑，仿佛说彼此无恙。</p> <p><i>Давно вас не видел! Зеленые травы и желтенькие цветы! / Вы в ветре качаете головой и улыбаетесь, буд-то здороваетесь друг с другом (1922, 20).</i></p> <p>«Вновь посетил поселок Состон»</p> <p>«沙世顿重游随笔»</p>	<p>Травы</p>	<p>山涧边小草花的知心，/高楼上小儿童的欢欣，/旅行人的灯亮与南针：- / 万万里外闪烁的精灵!</p> <p><i>Ты – верный друг трав и цветочек у ручья горного, / Радость мальчишек в доме высоком, / Факел и компас путешественников: Эльф светится издалека! (1923, 243).</i></p> <p>«У меня любовь»</p> <p>«我有一个爱恋»</p>

	<p>Травы</p> <p>但那在雪地里挣扎的小草花/路旁冥盲中无告的孤寡，/烧死在沙漠里想归去的雏燕，— /给他们，给宇宙间一切无名的不幸。</p> <p><i>Цветочки и травы трепыхаются в снегу, / Один о-кие в отчаянии на дороге, / Ласточки, которые хотят домой возвратиться, обо-жглись в песке, — / Им и всем несчастливым на свете, / Я преподнес свой душевный жар</i> (1929, 357). «Подношение» «拜献»</p>	<p>Травы</p>	<p>树尽交柯，草也骈偶。 <i>Ветви деревьев в переплетаются, / Травы соединяются в пары</i> (1922, 19). «Весна» «春»</p>
	<p>Цветок</p> <p>在那山道旁，一天雾濛濛的朝上，/初生的小蓝花在草丛里窥觑，/我送别她归去，与她在此分离，/在青草里飘拂，她的洁白的裙衣。</p> <p><i>Утром при горной дороге в тумане, / Новорожденный синий цветок оглядывается в травах, / Мы с нею простились, / Её белое платье развевается в травах</i> (1924, 190). «При горной дороге» «在山道旁»</p>	<p>Цветочек</p>	<p>这岂是偶然，小玲珑的野花！/你轻含着鲜露颗颗，/怦动的，象是慕光明的花蛾，/在黑暗里想念焰彩，晴霞。</p> <p><i>Цветочек! Я тебя не случайно застал / Ты с ярким жемчугом, как бабочка, летящая к огню, / Скучаешь по радуге и заре солнечного дня</i> (1924, 160). «Цветок в утреннем тумане» «朝雾里的小草花»</p>

	Цветы	<p>我独自旷野里或在， / 桥梁边或在剩有几簇 / 残花的藤蔓的村篱边 / 仰望，那时天际每一个 / 光亮都为我生着意义。</p> <p><i>Когда я смотрю на небо / У моста или деревенского плетня с увянувшими цветами, / Стоя в пустом поле, / Каждая звезда для меня значительна (1930, 391). «Вдохновение люб-ви» «爱的灵感»</i></p>	Цветы	<p>不久，这严冬过去，东风 / 又来催促青条： / 便妆缀这冷落的墓宫， / 亦不无花草飘摇。</p> <p><i>Суровая зима скоро пройдет, / Восточный ветер зеленые ветки будит: / Ветки украсили это холодное кладбище, / Где качаются цветы и травы (1924, 175). «Кого спросить» «问谁»</i></p>
	Цветы	<p>许久不见了，满田的青草黄花！你们在风前点头微笑，仿佛说彼此无恙。</p> <p><i>Давно вас не видел! Зеленые травы и желтенькие цветы! / Вы в ветре качаете головой и улыбаетесь, будто здороваетесь друг с другом (1922, 20). «Вновь посетил поселок Состон» «沙世顿重游随笔»</i></p>	Цветы	<p>你说地狱不定比这世界文明（虽则我不信，）象我这娇嫩的花朵， / 难保不再遭风暴，不叫雨打。</p> <p><i>Ты сказала, что этот мир, может быть, хуже ада (хотя я не верю) / Нежный цветок как я, вряд ли не подвергнется непогоде (1925, 228). «Ночь во Флоренции» «翡冷翠的一夜»</i></p>
Вьющиеся и ползучие растения	Глициния	<p>但看新罗憨舞，紫藤吐艳，蜂恣蝶恋。</p> <p><i>Видишь, молодые простодушные глицинии расцветают, / Лозы их танцуют в воздухе (1923, 107). «Печальная скука» «悲思»</i></p>	Глициния	<p>善笑的藤娘，袒酥怀任团团的柿掌绸缪， / 百尺的槐翁，在微风中俯身将棠姑抱搂。</p> <p><i>Смешливая глициния дружит с круглыми хурмами, / Высокий софора-дед наклоняется к яблоне-девочке и ее обнимает (1923, 115). «Переулок Шиху №7» «石虎胡同七号»</i></p>

	Глицини я	她跳出云头，跳上树， 又躲进新绿的藤萝。 <i>Она выскочила из облака, вскочила на деревья, / И спряталась в зеленой глицинии (1931, 403). «Дв е луны» «两个月亮»</i>	Глицин ия	是鸟语吗？院中有阳光 暖和，/ 一地的衰草，墙 上爬著藤萝，/ 有三五斑 狸的，苍的，在颤动。 <i>Разве это птичка поет? Во дворе солнце загорае т- ся, / Под ногами увянувши ие т р а в ы , н а с т е н е ползают глицинии, / И пестрые, и зеленые дрожат (1931, 409). «Болею» «在 病中»</i>
	Плющ	就剩下南墙上的几道爬 山虎，他那豹斑似的秋 色，忍受着风拳的打 击。 <i>Только остались плющи на западной стене: / Их листья осеннего цвета как пятна у леопарда, / Терпят удар ветра (1925, 260). «Для кого» «为了谁»</i>		
Мох	Мох	墙苔斑驳日影迟。 <i>Днем стена окрашена пестрым мхом (1922, 77). «Две монахини» «两 尼姑»</i>	Мох	我倚暖了石栏上的青苔 / 青苔凉透了我的心坎。 <i>Я согрел мох на каменных перилах, / Мох о х л а д и л м о е сердце (1923, 100). «Под луной не ждал кукушки» «月下待杜鹃不来»</i>

	Мох	<p>我想我死去再将我的 / 秘密化成仁慈的风雨, / 化成指点希望的长虹, / 化成石上的苔藓, 葱 翠。</p> <p><i>Я хочу, чтобы после смерти моя тайна превратилась в ветер и дождь, / В радугу надежды, / В сине- зеленый мох на камне (1930, 393). «Вдохновени е любви» «爱的灵感»</i></p>		
Цветы	Азалия	<p>啊,那碧波里亦有她的芳 躅, 碧波里掩映着她桃 蕊似的娇怯。</p> <p><i>Ах, изящная азалия отражается в воде, / Она румянится, стесняется, как тычинка цветка персика 1924, 156). «Прощай!» «沙扬娜拉»</i></p>	Девяси л (дикий подсолн ечник)	<p>蚱蜢匍匐在钱花胸前, 钱花羞得不住地摇头。</p> <p><i>Кузнечик ползает на г р у д и дикого девясила, / Девяси л стесняется, качая головой (1922, 18). «Весна» «春»</i></p>
	Жимолос ть	<p>金花菜,银花菜,星星澜澜, 点缀着天然温暖的青 毡。</p> <p><i>Жимолость и люцерны украшают зеленый ковер трав (1922, 33). «Весна» «春»</i></p>	Лотос	<p>最是那一低头的温柔, / 象一朵水莲花不胜凉风 的娇羞。</p> <p><i>Девушка застенчиво опустила голову, / Как лотос застенчиво и красиво качается на свежем ветру (1924, 157). «Прощай!» «沙扬娜 拉»</i></p>
	Лотос	<p>池潭里只见些烂破的鲜 艳的荷花。</p> <p><i>Прекрасный лотос сгнил (1924, 168). (перевод Л. Е. Черкаского) «Яд» «毒 药»</i></p>	Люцерн а	<p>金花菜,银花菜,星星澜澜, 点缀着天然温暖的青 毡。</p> <p><i>Жимолость и люцерны украшают зеленый ковер трав (1922, 33). «Весна» «春»</i></p>

	Мак	<p>郁郁密密鬍鬍红瓣黑蕊 长梗罌粟花三三两两。 <i>Густые, цветущие и пышные, красные лепестки, / Черные тычинки и длинные стебли, / Это два-три мака (1922, 54). «Сумерки на Кембриджском поле» «康桥西野暮色»</i></p>	Мак	<p>罌粟在涼園里搖曳 / 白楊樹上 一 陣 鴉 啼。 <i>Цветы мака танцуют в саду, / На тополе каркают вороны (1922, 28). «Сумерки на Кембриджском поле» «康桥西野暮色»</i></p>
	Малина	<p>只有菊花，越有风雨越发起劲，/你看啊，一股清香，酴醾不如呢？ <i>Только хризантема одушевляется тем больше, чем больше ветра и дождя, / Правда ли, что она пахнет лучше малины? (1924, 209). «Белая хризантема» «咏白菊»</i></p>	Орхидея	<p>小蛙独坐在残兰的胸前，听隔院蚓鸣，/一片化不尽的雨云，倦展在老槐树顶。 <i>Лягушка слушает, как поет червь в соседнем саду, сидя перед увянувшей орхидеей, / Дождливое облако висит над старой софорой (1923, 116). «Переулоч Шиху №7» «石虎胡同七号»</i></p>
	Османтус	<p>我停步，问一个村姑今年 / 翁家山的桂花有没有去年开的媚。 <i>Я остановился и спросил у бабы, / Миловидно ли, как в прошлом году цветут османтусы (1925, 270). «Нелегкая жизнь» «这年头或者不易»</i></p>	Роза	<p>玫瑰,压倒群芳的红玫瑰, 昨夜的雷雨,原来是你发出的 信号—真娇贵的丽质! <i>Роза, красивейшая роза / Вчерашний грозовой дождь – это признак твоего рождения (1922, 24). «Самоубийство во имя любви» «殉情»</i></p>

	Роза	<p>笑语殷殷— 问后园豌豆肥否， 问杨梅可有鸟来偷； 好几天不下雨了， 玫瑰花还未曾红透。 <i>Мы разговаривали, улыбаясь – / Созрел ли г о р о х в заднем саду? / Ключут л и птицы восковницы? / Дождь не шел несколько дней, / Розы еще не покр а с - нели (1922, 14). «Летное поле» «夏日田间即景»</i></p>	Роза	<p>难忘榆荫中深宵清啾的 诗禽， / 一腔情热，教玫 瑰噙泪点首。 <i>Не забуду птиц, певших стихи темной ночью под тенью вяза, / Они тронули розы своей страстью до слез (1922, 62) . «Прощай, Кембридж» «再别康桥»</i></p>
	Роза	<p>那蔷薇是痴心女的灵魂。 <i>Роза – это душа влюбленной девушки (1925, 224). «Сусу» «苏 苏»</i></p>	Роза	<p>这些色香两绝的玫瑰的 种时在八十老人跟前， / 好比艳眼的少艾，独倚 在虬松古柏的中间。 <i>Душистые и яркие розы п е р е д восьмидесятилетним стариком, / Как молодая красавица стоит среди старых кипарисов и могучих сосен (1922, 22). «Вновь посетил поселок Состон» «沙世顿重游随 笔»</i></p>
	Фиалка	<p>“看,那一双蝴蝶连翩的 飞;你试闻闻这紫兰花 馨!” <i>«Смотри, пара бабочек порхает, / Нюхай аромат фиалки!» (1925, 222). «Она боится, что он выскажет» «她怕他说出 口»</i></p>	Фусан	<p>愿东方的朝霞永葆扶桑 的优美,优美的扶桑! <i>Пусть восточная заря навек сохранит красоту фусана! (1924, 159) «Простился с Японией» «留别日本»</i></p>

	Фусан	<p>(算来一秋二秋，已过了四度/春秋，浪迹在海外，美土欧洲)/扶桑风色，檀香山芭蕉况味 (Я уже 4 года за границей. Был в Америке и Европе) / Я любовался фусанами и японским бананом на Гавайях (1922, 61). «Прощай, Кембридж» «康桥再会吧»</p>	Хризантема	<p>只有菊花，越有风雨越发起劲，/你看啊，一股清香，酴醾不如呢？ Только хризантема одушевляется тем больше, чем больше ветра и дождя / Правда ли, что она пахнет лучше малины? (1924, 209). «Белая хризантема» «咏白菊»</p>
	Цветы граната	<p>头顶白杨树上的风声，沙沙的，/算是我的丧歌，这一阵清风，/橄榄林里吹来的，带着石榴花香。 Над головой шуршат листья тополя, / Это мои песнопения погребальные, / Из оливкового леса дует свежий ветерок с ароматом цветов граната (1925, 227). «Ночь во Флоренции» «翡冷翠的一夜»</p>	Цветы каштана	<p>这满地零乱的栗花，/都象在你仁荫里欢舞。 Земля усыпана цветами каштана, / Как будто они танцуют в тени деревьев (1922, 20). «Вновь посетил поселок Состон» «沙世顿重游随笔»</p>
	Цветы персика	<p>昨天我瓶子里斜插着的桃花/是朵朵媚笑在美人的腮边挂。 Цветы персика, которые вчера поставили в вазу, / Похожи на милые улыбки в уголках рта у красавицы (1927, 321). «Конец весны» «残春»</p>	Цветы сливы	<p>有时朵朵明媚的彩云/清颤的/妆缀着老人们的苍鬓/像一树虬干的古梅在月下/吐露了艳色鲜葩的清芬。 Иногда радужные облака украшают седые виски стариков, / Как со старого дерева цветов сливы под луной / Веет свежий аромат (1925, 247). «Вершина Пяти старцев» «五老峰»</p>

	Цветы сливы	我必首数康桥，在温清冬夜/蜡梅前，再细辨此日相与况味。 <i>Свежей зимней ночью перед цветами сливы буду еще раз вспоминать этот день</i> (1922, 63). «Прощай, Кембридж» «康桥再会吧»	Цветы сливы	要晓得梅花是不讲热闹的，也经不起风雨。 <i>Вы знаете, что цветы сливы не любят шума, / И не выдерживают непогоды.</i> «Юйцзяу» «渔家傲» (1924, 203)
	Цветы сливы	啊，她身上有朱砂梅的清香！ <i>Ах, она пахнет свежим ароматом цветов сливы!</i> (1924, 194). «Радость снежинки» «雪花的快乐»	Цветы сливы	下雪了，春快来了，梅花也妆扮起来呢，/好像半面美人儿刚才出浴的样子。 <i>Шел снег, и скоро наступит весна, / Цветы сливы начали наряжаться, как красавица вышла из ванной</i> (1924, 200). «Юйцзяу» «渔家傲»
	Цветы софоры	喝酒玩吧，这槐树下凉快；看槐花直掉在你的杯中。 <i>Пей, прохладнее под софорой, / Смотри, как цветы падают в стакан твой</i> (1927, 322). «Попусту волноваться» «干着急»	Цветы яблони	快辞别寂寞的梦乡，/来和我，摸一会鱼儿，折一枝海棠。 <i>Прощайся с одиноким сном / Давай со мной рыб у ловить и ветки с цветами яблони срывать.</i> (1922, 435) «Проснись! Проснись!» «醒! 醒!»
	Цветы яблони	那篱畔的苹花，已经落地成泥！ <i>Цветы яблони у изгороди уже увяли и превратились в землю!</i> (1922, 20). «Вновь посетил поселок Состон» «沙世顿重游随笔»		

Деревья и кусты	Банан Японский	(算来一秋二秋, 已过了四度/ 春秋, 浪迹在海外, 美土欧洲) / 扶桑风色, 檀香山芭蕉况味。 (Я уже 4 года за границей. Был в Америке и Европе) / Я любовался фусанами и японским бананом на Гавайях (1922, 61). «Прощай, Кембридж» «康桥再会吧»	Вяз	榆荫里的村微泄灯芒 / 冉冉有风打树叶的抑扬。 <i>Из деревянного дома в тени вяза слабо горят огни, / Ветер похлопывает по листьям ритмически</i> (1922, 55). «Сумерки на Кембриджском поле» «康桥暮色»
	Вяз	对岸的牧场, 屏围着墨青色的榆荫, 阴森森的。 <i>Заречная ферма ограждена темно-зелеными вязами. Темно и мрачно</i> (1925, 28). «Ночь» «夜»	Вяз	那树荫下的一潭, / 不是清泉, 是天上虹。 <i>Под тенью вяза пруд, / Это не родник, / А радуга в небе</i> (1922, 353). «Прощание с Кембриджским мостом» «再别康桥»
	Вяз	难忘榆荫中深宵清啾的诗禽, / 一腔情热, 教玫瑰噙泪点首。 <i>Не забуду птиц, певших стихи темной ночью под тенью вяза, / Они тронули розы своей страстью до слез</i> (1922, 62). «Прощай, Кембридж» «康桥再会吧»	Дерево магнолии	园里有一树开剩的玉兰花。 <i>В саду стоит увядающее дерево магнолии</i> (1920, 266). «В гостях» «客中»
	Ива	秋雨在一流清冷的秋水边 / 一棵憔悴的秋柳里, / 一条怯懦的秋枝上, / 一片将黄未黄的秋叶上。 <i>Осенний дождь льет в пруд, / На изможденные осенние ивы, / На жалкие осенние ветки, / На желтеющие листья</i> (1922, 22). «Тайные слова» «私语»	Ива	小船在垂柳荫间缓泛。 <i>Лодка медленно плывет мимо теней ветвей ивы</i> (1925, 248). «Мелодия в деревне» «乡村里的音籁»

	Ива	<p>那河畔的金柳，是夕阳中的新娘。 <i>Ива золотая под заходящим солнцем, / Она, новобрачная, стоит на берегу</i> (1928, 352). «Прощание с Кембриджским мостом» «再别康桥»</p>	Каштан	<p>那灰色墙边的自来井前，上面盖着栗树的浓荫，/ 残花还不时地坠落。 <i>Колодец у серой стены покрыт темной тенью каштана, / Лепестки увянувших цветов падают одни за другими</i> (1926, 22). «Вновь посетил поселок Состон» «沙世顿重游随笔»</p>
	Кипарис	<p>这些色香两绝的玫瑰的种疇在八十老人跟前，/ 好比艳眼的少艾，独倚在虬松古柏的中间。 <i>Душистые и яркие розы пер е д восьмидесятилетним стариком, / Как молодая красавица стоит среди старых кипарисов и могучих сосен</i> (1922, 22). «Вновь посетил поселок Состон» «沙世顿重游随笔»</p>	Сосна	<p>谁家的墓园 占尽这山中的清风,松馨与流云? <i>На чьем кладбище свежий ветер, душистый аромат сосен и развевающиеся облака?</i> (1924, 153). «Прощай!» «沙扬娜拉»</p>
	Сосна	<p>星茫下,松影间, / 有我独步静听。 <i>Под звездами и сквозь теней сосен, / Я тихо шел, слушая музыку</i> (1922, 44). «月夜听琴» «Слушал музыку в лунную ночь»</p>	Сосна	<p>更有那重叠的森林，赤松与白杨，/ 灌属的小丛林，手挽手的滋长。 <i>Густой лес, сосна, тополь и кустарник / Растут рука об руку</i> (1925, 218). «Сибирь» «西伯利亚»</p>

	Сосна	我想攀附月色 / 化一阵清 风 / 吹醒群松春醉。 <i>Я хочу подняться к луне, / Превратиться в свежий ветер / И разбудить сосны (1931, 401). «В горах» «山中»</i>	Сосна	一阵阵残琴碎箫鼓,依稀 山风催瀑弄青松。 <i>Зелеными соснами шуршит горный ветер, как флейты и барабаны (1922, 37). «Свежий ветерок разбуд ил утренний весенний сон» «清风吹醒春朝梦»</i>
	Сосна	这些色香两绝的玫瑰的 种时在八十老人跟前, / 好比艳眼的少艾, 独倚 在虬松古柏的中间。 <i>Душистые и яркие розы п е р е д восьмидесятилетним стариком, / Как молодая красавица стоит среди старых кипарисов и могучих сосен (1922, 22). «Вновь посетил поселок Состон» «沙世顿重游随 笔»</i>	Сосна	那赤皮松, 象巨万赭衣 的战士, / 森森的, 悄悄 的, 等待冲锋的号示。 <i>Сосны как солдаты, / Тихо ж д у т т о т момент, когда протрубят атаку (1925, 219). «Сибирь» «西伯利 亚»</i>
	Сосна	埋你在秋林之中, / 幽涧 之边, 你愿否, / 早餐泉 乐的琤琮, / 暮偃着松茵 温柔? <i>Похоронил тебя в осеннем лесу около тихого ручья, / Хочешь ли ты / Утром наслаждаться музыкой воды, / Вечером прижи- маться к нежности тени сосны? (1923, 90). «Погребение надежды» «希望的埋葬»</i>	Софора	小蛙独坐在残兰的胸 前, 听隔院蚓鸣, / 一片 化不尽的雨云, 倦展在 老槐树顶。 <i>Лягушка слушает, как поет червь в соседнем саду, сидя перед у в я н у в ш е й орхидеей, / Дождливое облако висит над старой софорой (1923, 115). «Переулок Шиху №7» «石虎胡同七号»</i>

	Софора	<p>喝酒玩吧，这槐树下凉快；看槐花直掉在你的杯中。</p> <p><i>Пей, прохладнее под софрой, / Смотри, как цветы падают в стакан твой</i> (1927, 322). «Попусту волноваться» «干着急»</p>	<p>Софора</p> <p>善笑的藤娘，袒酥怀任团团的柿掌绸缪，/ 百尺的槐翁，在微风中俯身将棠姑抱搂。</p> <p><i>Смешливая глициния дружит с круглыми хурмами, / Высокий софора-дед наклоняется к яблоне-девочке и ее обнимает</i> (1923,115). «Переулок Шиху №7» «石虎胡同七号»</p>
	Тополь	<p>白杨树上叶落纷披。</p> <p><i>Тополь покрыт у п а в ш и м и листьями</i> (1924, 176). «Годы на кладбище» «冢中的岁月»</p>	<p>Тополь</p> <p>白杨在西风里无语，摇曳，/ 孤魂在墓窟的凄凉里寻味。</p> <p><i>Тополь молчит в северном ветре, качаясь. / Бесприютная душа умершего размышляет о чем-то на кладбище</i> (1924, 177). «Годы на кладбище» «冢中的岁月»</p>
	Тополь	<p>头顶白杨树上的风声，沙沙的，/ 算是我的丧歌，这一阵清风，/ 橄榄林里吹来的，带着石榴花香。</p> <p><i>Над головой шуршат листья тополя, / Это мои песнопения погребальные, / Из оливкового леса дует свежий ветерок с ароматом цветов граната</i> (1925, 227). «Ночь во Флоренции» «翡冷翠的一夜»</p>	<p>Тополь</p> <p>那白杨，婀娜的多姿，最是那树皮 / 白如霜，依稀林中仙女们的轻衣。</p> <p><i>Тополь нежный и грациозный, / Его белая инейная кора как феи кисея</i> (1925, 219). «Сибирь» «西伯利亚»</p>

	Тополь	黄昏时谁在听白杨的哀怨? <i>Кто слушает горе т о п о л я на закате?</i> (1931, 409). «Болею» «在病中»	Тополь	更有那重叠的森林，赤松与白杨， / 灌属的小丛林，手挽手的滋长。 <i>Густой лес, сосна, тополь и кустарник / Растут рука об руку</i> (1925, 218). «Сибирь» «西伯利亚»
	Фига	有谁上山去漫步，静悄悄的， / 去落叶林中捡三两瓣菩提? <i>Кто гуляет на горах, / Тихо поднимает две-три ягоды священной фиги?</i> (1931, 409). «Болею» «在病中»	Хлопковое дерево	裁青的桑，裁白的木棉。 <i>Зеленая шелковица, белое хлопковое дерево</i> (1930, 386). «Вдохновение любви» «爱的灵感»
	Шелковица	裁青的桑，裁白的木棉。 <i>Зеленая шелковица, белое хлопковое дерево</i> (1930, 386). «Вдохновение любви» «爱的灵感»	Яблоня	善笑的藤娘，袒酥怀任团团的柿掌绸缪， / 百尺的槐翁，在微风中俯身将棠姑抱搂。 <i>Смешливая глициния дружит с круглыми хурмами, / Высокий софора-дед накло- няется к яблоне-девочке и ее обнимает</i> (1923,115). «Переулок Шиху №7» «石虎胡同七号»
Травы	Водоросли	她沉浸在 / 水草盘结得如同忧愁般的 / 水底。 <i>Она погружается в воду, / Где водоросли переплетаются, как завязы вяют с я грустные мысли</i> (1930, 378). «Осенняя луна» «秋月»	Водоросли	软泥上的青荇， / 油油的在水底招摇。 <i>Зеленые водоросли растут на илистом дне, / Под водой кланяются мне, прощаясь</i> (1928, 352). «Прощание с Кембриджским мостом» «再别康桥»

	Камыш	<p>我先吹我心中的歡喜— / 清風吹露蘆草的酥胸。 <i>Я чувствую, как веет радость в моей душе, / Белоснежные груди камыша раскрываются под свежим ветерком</i> (1925, 216). «Вос- поминание в Сибири о камышах Монастыря Цюсюэ Ханчжоу» «西伯 利亚道中忆西湖秋雪庵 芦色作歌»</p>	Ползу- чие травы	<p>有石块，有钩刺胫踝的 蔓草，在期待过路人疏 神时绊倒！ <i>Среди камней растут жгучие ползучие травы, / Они колют лодыжки и надеются, что прохожие по р а с с е я н н о с т и споткнутся! (1931, 425).</i> «Ты идешь» «你去»</p>
	Травинка	<p>每一根小草也一定得在 你的踪迹下低头， / 在缘 的颤动中表示惊异。 <i>Каждая травинка приклоняется перед тобой, / И удивляется в зеле-</i> <i>н о м</i> <i>дрожании (1930, 383).</i> «Вдохновение любви» «爱的灵感»</p>	Травин ка	<p>我注目在墙畔一穗枯 草。 / 听邻庵经声,听风抱 树梢。 / 听落叶,冻鸟零落 的音调。 <i>Я оглядываю травинку под углом стены, / Слушаю, как читают сутру и ветер об-</i> <i>нимает ветки. / Слушаю мелодию облетания потемневших листьев</i> (1922, 84). «Тишина» «默境»</p>

	Тростник	<p>我爱秋林，我爱晚风的吹动，我爱 / 枯苇在晚凉中的颤动， / 半残的红叶飘摇到地 / 鸦影侵入斜日的光圈。</p> <p><i>Я люблю лес, / Люблю, когда вечерний ветер дует, / Когда увянувшие тростники дрожат в холоде, /</i></p> <p><i>Когда кленовые листья облетают на землю / Силуэт вороны приближается к лучам заходящего солнца</i> (1930, 387). «Вдохновение любви» «爱的灵感»</p>		
Строение растения	Бутоны	<p>片片鹅绒眼前纷舞，疑是梅心蝶骨醉春风。</p> <p><i>Летают бутоны цветов сливы в весеннем ветре снегом</i> (1922, 37). «Свежий ветерок разбудил утренний весенний сон» «清风吹醒春朝梦»</p>	Ветки	<p>河流流不尽骨累眸冷， / 还夹着些些残枝断梗。</p> <p><i>Течение реки не уносит горя и печали, / Тайно приносит срубленные стволы и ветки</i> (1922, 40). «Молодежь» «青年杂咏»</p>
	Ветки	<p>秋雨在一流清冷的秋水边， / 一棵憔悴的秋柳里， / 一条怯懦的秋枝上， / 一片将黄未黄的秋叶上。</p> <p><i>Осенний дождь льет в пруд, / На изможденные осенние ивы, / На жалкие осенние ветки, / На желтеющие листья</i> (1922, 22). «Осенние слова» «秋语»</p>	Ветки	<p>赤膊的树枝，硬搅着北风—一队队敢死的健儿，傲立在战阵前！</p> <p><i>Голые ветки захватывают северную зиму, / как отряды бесстрашных богатырей непоколебимо стоят на фронте</i> (1923, 89). «Северная зима» «北方的冬天是冬天»</p>

	Ветки	<p>不久，这严冬过去，东风 / 又来催促青条： / 便妆缀这冷落的墓宫， / 亦不无花草飘摇。</p> <p><i>Суровая зима скоро пройдет, / Восточный ветер е р зеленые ветки будит: Ветки украсили это холодное кладбище, / Где качаются цветы и травы (1924, 175). «Кого спросить» «问谁»</i></p>	Ветки	<p>我注目在墙畔一穗枯草。 / 听邻庵经声,听风抱树梢。 / 听落叶,冻鸟零落的音调。</p> <p><i>Я оглядываю травинку под углом стены, / Слушаю, как читают сутру и ветер об- нимает ветки, / С л у ш а ю мелодию облетания потемневших листьев (1922, 84). «Тишина» «默境»</i></p>
	Корень	<p>花朵，灯彩似的，在枝头竞赛著新样，那细弱的草根也在摇曳轻快的青萤！</p> <p><i>Цветы, как лампы, на ветках соперничают красотой, / Даже тонкие корни трав колыхают легкие синие светлячки (1931, 406). «В автобусе» «在车中»</i></p>	Крона	<p>河水在夕照里缓流， / 暮霞胶抹树干树头。</p> <p><i>Река течет в вечернюю зарю, / кроны покрашены румянцем (1922, 18). «Весна» «春»</i></p>

	Лепесток	<p>花瓣、花萼、花蕊、花刺、你，我 — 多么痛快啊！ 尽胶结在一起！ 一片狼藉的猩红， 两手模糊的鲜血。</p> <p><i>Роза! Я не могу в мешаться, ты разбиваешься вдребезги, я люблю тебя! Лепесток, чашечка, тычинка, шипы, ты, я — сколько же радости! Полностью склеились воедино!</i> (1922, 25). (перевод Л. Е. Черкасского) «Любовь смерти» «情死»</p>	Лепесток	<p>郁郁密密鬍鬍红瓣黑蕊 长梗罌粟花三三两两。 <i>Густые, цветущие и пышные, / Красные лепестки, Черные тычинки и длинные стебли, / Это два-три мака</i> (1922, 54). «Сумерки на Кембриджском поле» «康桥西野暮色»</p>
	Лепесток	<p>残落的梅萼瓣瓣在雪里掩。</p> <p><i>Упавшие лепестки цветы сливы тают на земле</i> (1926, 291). «Цветы сливы весной и снег соперничают друг с другом красотой» «梅雪争春»</p>	Листья	<p>我收拾一筐的红叶， 露凋秋伤的枫叶， 铺盖在你新坟之上——长眠著美丽的希望！</p> <p><i>Я собрал корзину красных увянувших / Грустных и засохших кленовых листьев, / Ими покрываю могилу вашу, где спит красивая надежда!</i> (1923, 91). «Вдохновение любви» «爱的灵感»</p>

	Листья	<p>落叶在庭前舞，一阵， 又一阵。 <i>Упавшие листья порывами</i> (1925, 263). «Пение об упавших листьях» «落叶小唱»</p>	Листья	<p>秋雨在一流清冷的秋水 边，一棵憔悴的秋柳 里，一条怯懦的秋枝 上，一片将黄未黄的秋 叶上。 <i>Осенний дождь льет в пруд, / На изможденные осенние ивы, / На жалкие осенние ветки, / На желтеющие листья</i> (192 2, 22). «Тайные слова» «私语»</p>
	Листья	<p>奈何在新秋时，未凋的 青叶惆怅地辞树。 <i>Ранней осенью неувянувшие зеленые листья уже прощаются с деревьями</i> (1923, 116). «Переулоч Шиху №7» «石虎胡同七号»</p>	Листья	<p>白杨树上叶落纷披。 <i>Тополь покрыт упавшими листьями</i> (1924, 176). «Годы на кладбище» «冢中的岁 月»</p>
	Листья	<p>正如那林叶在无形中 收取早晚的霞光，我也 在无形中收取了你的。 <i>Листья незаметно впитали лучи утренних и вечерних зорь, / Я незаметно вдохнул твою любовь</i> (1930, 385). «Вдохновение любви» «爱的灵感»</p>	Листья	<p>我是一枚漂泊的黄叶，/ 在旋风里漂泊。 <i>Я желтый лист, / Считаюсь в вихре</i> (1924, 159). «Простился с Японией» «沙扬娜拉»</p>

	Листья	<p>我爱秋林，我爱晚风的吹动，我爱 / 枯苇在晚凉中的颤动， / 半残的红叶飘摇到地， / 鸦影侵入斜日的光圈。</p> <p><i>Я люблю лес, / Люблю, к о г д а вечерний ветер дует, / Когда увянувшие тростники дрожат в холоде, /</i></p> <p><i>Когда кленовые листья облетают на землю / Силуэт вороны приближается к лучам заходящего солнца</i> (1930, 387). «Вдохновение любви» «爱的灵感»</p>	Листья	<p>我注目在墙畔一穗枯草。 / 听邻庵经声，听风抱树梢。 / 听落叶，冻鸟零落的音调。</p> <p><i>Я оглядываю травинку под углом стены, / Слушаю, как читают сутру и ветер обнимает ветки, / Слушаю мелодию облетания потемневших листьев</i> (1922, 84). «Тишина» «默境»</p>
	Лоза	<p>但看 / 新罗憨舞， / 紫藤吐艳。</p> <p><i>Видишь, молодые простодушные глицинии расцветают, / Лозы их танцуют в воздухе</i> (1923, 107). «Печальная скука» «悲思»</p>	Мякоть	<p>我来扬子江边买一把莲蓬； / 手剥一层层莲衣， / 我尝一尝莲瓢，回味曾经的温存。</p> <p><i>Я купил чашечки лотоса у Реки-Янцзы, / Их ободрал, / Попробовал мякоть и вспомнил прошлое</i> (1926, 272). «Я купил чашечки лотоса у Реки-Янцзы» «我来扬子江边买一把莲蓬»</p>

	Прутья	<p>柳条青青，南风薰薰。 <i>Прутья ивы зелены, южный ветер тёпл</i> (1922, 13). «Летное поле» «夏日田间即景»</p>	<p>Прутья</p> <p>河面只闪着些纤微，软弱 的辉芒，桥边的长梗水草， /黑沉沉的象几条烂醉的 鲜鱼横浮在水上，任凭惫 懒的柳条，在他们的肩尾边 撩拂。 <i>Слабо отражается от воды свет, / Водоросли с длинными стеблями под мостом, / Плывут по воде как пьяные рыбы, / Ленивые прутья ивы их глядят по хвостам как угодно</i> (1922, 25). «Ночь» «夜»</p>
	Ствол	<p>河流流不尽骨累眸冷，/ 还夹着些些残枝断梗。 <i>Течение реки не уносит горя и печали, / Тайно приносит срубленные стволы и ветки</i> (1922, 40). «Молодежь» «青年杂咏»</p>	<p>Стебель</p> <p>郁郁密密鬍鬍红瓣黑蕊 长梗罌粟花三三两两。 <i>Густые, цветущие и пышные, / Красные лепестки, Черные тычинки и длинные стебли, / Это два-три мака</i> (1922, 54). «Сумерки на Кембриджском поле» «康 桥西野暮色»</p>

	Тычинка	<p>郁郁密密鬍鬍红瓣黑蕊 长梗罌粟花三三两两。 <i>Густые, цветущие и пышные, / Красные лепестки, Черные тычинки и длинные стебли, / Это два-три мака (1922, 54). «Сумерки на Кембриджском поле» «康桥西野暮色»</i></p>	Тычинк а	<p>花瓣、花萼、花蕊、花刺、你，我 — 多么痛快啊！ 尽胶结在一起！一片狼藉的猩红，两手模糊的鲜血。玫瑰:我爱你! <i>Роза! Я не могу мешаться, ты разбиваешься вдребезги, я люблю тебя! Лепесток, чашечка, тычинка, шипы, ты, я – сколько же радости! Полностью склеились воедино! (1922, 25). (перевод Л. Е.Черкасского) «Любовь смерти» «情死»</i></p>
	Тычинка	<p>啊,那碧波里亦有她的芳躅，碧波里掩映着她桃蕊似的娇怯。 <i>Ах, изящная азалия отражается в воде, / Она румянится, стесняется, как тычинка цветка персика 1924, 156). «Прощай!» «沙扬娜拉»</i></p>	Тычинк а	<p>又如兰蕊的清苍偶尔飘过 /谁能留住这没影踪的婀娜。 <i>Доносится свежий аромат бутона орхидеи, / Кто может составить неуловимые нежность и очарование? (1931, 409). «Болею» «在病中»</i></p>

	<p>Чашечка лотоса (семенная коробочка лотоса)</p>	<p>我来扬子江边买一把莲蓬； / 手剥一层层莲衣， / 我尝一尝莲瓢，回味曾经的温存。 <i>Я купил чашечки лотоса у Реки-Янцзы, / Их ободрал, / Попробовал мякоть и вспомнил прошлое (1926, 272). «Я купил чашечки лотоса у Реки-Янцзы» «我来扬子江边买一把莲蓬»</i></p>	<p>Чашечка (цветка)</p>	<p>花瓣、花萼、花蕊、花刺、你，我--多么痛快啊！ 尽胶结在一起！一片狼藉的猩红，两手模糊的鲜血。玫瑰:我爱你! <i>Роза! Я не могу мешаться, ты разбиваешься вдребезги, я люблю тебя! Лепесток, чашечка, тычинка, шипы, ты, я – сколько же радости! Полностью склеились воедино! (1922, 25). (перевод Л. Е. Черкасского) «Любовь смерти» «情死»</i></p>
	<p>Шип</p>	<p>花瓣、花萼、花蕊、花刺、你，我--多么痛快啊！ 尽胶结在一起！一片狼藉的猩红，两手模糊的鲜血。玫瑰:我爱你! <i>Роза! Я не могу мешаться, ты разбиваешься вдребезги, я люблю тебя! Лепесток, чашечка, тычинка, шипы, ты, я – сколько же радости! Полностью склеились воедино! (1922, 25). (перевод Л. Е. Черкасского) «Любовь смерти» «情死»</i></p>		

Плоды	Апельсин	<p>茂林中有餐不罄的鲜柑野栗， / 青草里有享不尽的意趣香柔。</p> <p><i>В густом лесу свежие апельсины и дикие каштаны весьма обильны, / Зеленые травы веселят нас своим очарованием (1923, 106).</i></p> <p>«Я – одинокий ребенок» «我是个无依无伴的小孩»</p>	Восковница	<p>笑语殷殷— 问后园豌豆肥否， 问杨梅可有鸟来偷； 好几天不下雨了， 玫瑰花还未曾红透。</p> <p><i>Мы разговаривали, улыбаясь, / Созрел ли горох в заднем саду? / Клюют ли и птицы восковницы? / Дождь не шел несколько дней, / Розы еще не покраснели (1922,14).</i></p> <p>«Летное поле» «夏日田间即景»</p>
	Восковница	<p>我今去了，记好明春新杨梅/ 上市时节，盼望我含笑归来。</p> <p><i>Я уезжаю и в следующем году, / Когда появятся восковницы на рынке я снова приеду (1922, 77).</i></p> <p>«Прощай, Кембридж» «康桥再会吧»</p>	Горох	<p>笑语殷殷— 问后园豌豆肥否， 问杨梅可有鸟来偷； 好几天不下雨了， 玫瑰花还未曾红透。</p> <p><i>Мы разговаривали, улыбаясь, / Созрел ли горох в заднем саду? / Клюют ли и птицы восковницы? / Дождь не шел несколько дней, / Розы еще не покраснели (1922,14).</i></p> <p>«Летное поле» «夏日田间即景»</p>
	Каштан	<p>茂林中有餐不罄的鲜柑野栗， / 青草里有享不尽的意趣香柔。</p> <p><i>В густом лесу свежие апельсины и дикие каштаны весьма обильны, / Зеленые травы веселят нас своим очарованием (1923, 106).</i></p> <p>«Я – одинокий ребенок» «我是个无依无伴的小孩»</p>	Лотосовый орех	<p>我尝一尝莲心，我的心比莲心苦；</p> <p><i>Я попробовал лотосовые орехи, / Горечь моя больше сердца лотоса (1928, 272).</i></p> <p>«Я купил чашечки лотоса у Реки-Янцзы» «我来扬子江边买一把莲蓬»</p>

	Хурма	<p>善笑的藤娘，袒酥怀任 团团的柿掌绸缪， / 百尺 的槐翁，在微风中俯身 将棠姑抱搂</p> <p><i>Смешливая глициния дружит с круглыми хурмами, / Высокий софора-дед накло- няется к яблоне-девочке и ее обнимает (1923,115). «Переулоч Шиху №7» «石虎胡同七号»</i></p>		
--	-------	--	--	--

Приложение 3. Семы, выделенные в названиях растений в лирике

С. Есенина и Сюй Чжимо

П. – поэзия, Яз. – язык, (по материалам «Большого лингвострановедческого словаря», ТСУ, «Большого толкового словаря русского языка» С. А. Кузнецова, «Большого толкового словаря китайского языка» и использованных научных работ), Ес. – С. Есенин, Сюй – Сюй Чжимо

Лексема	В русской традиции	В китайской традиции
<i>Ива</i>	Грусть ^{П., Ес.}	Грусть ^{Сюй., П.}
		Разлука ^{П., Сюй.}
		Стройная женщина ^{Яз.}
<i>Сосна</i>	Могучая ^{Ес.}	Могучая ^{П., Сюй}
		Вечнозеленость ^{П., Сюй}
<i>Тополь</i>		Стройная фигура ^{Яз., Сюй.}
		Стойкость ^{Яз.}
<i>Береза</i>	Символ России ^{Ес., Я.}	
	Красота ^{Яз. Ес.}	
	Стройность ^{Яз. Ес.}	
	Девичья чистота ^{Яз. Ес.}	
<i>Софора</i>		Старая ^{П., Сюй}
		Спасает от жары ^{П., Сюй}

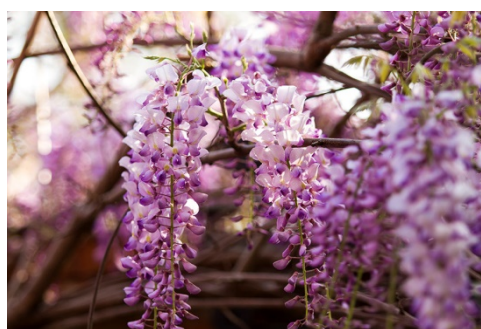
<i>Бамбук</i>	Глупый человек Яз.	Очистить сердце Сюй
	Бездельник Яз.	Жажда жизни П.
		Человек широкой души П.
		Человек с принципами П.
<i>Роза</i>	Экзотические цветы Ес.	Красота Сюй
		Символ смерти любви Сюй
<i>Малина</i>	Красный цвет Яз., П., Ес.	Аромат П.
<i>Василек</i>	Сорняк Яз.	
	Любимый цветок русских Яз.	
<i>Черемуха</i>	Аромат Ес.	
	Белизна Ес.	
<i>Левкой</i>	Экзотические цветы Ес.	
<i>Цветы сливы</i>		Прощание П., Сюй
<i>Лотос</i>		Застенчивость Сюй
		Скромность Сюй
		Девичья чистота П., Сюй
		Красавица П.
<i>Цветы персика</i>		Красавица П., Сюй
<i>Хризантема</i>		Сдержанность П., Сюй
		Стойкость П., Сюй
<i>Полынь</i>	Горечь Яз.	
	Боль Яз.	
	Мрачный цвет Ес.	
	Чистый, прохладный Ес.	
<i>Крапива</i>	Жгучая Яз.	
	Веселье Ес.	
	Шаловливость Ес.	
	Красота Ес.	

<i>Ползучие травы</i>		Недоброжелательность Сюй
<i>Травы</i>		Незначительность Яз.
		Разлука П.
<i>Камыш</i>	Шорох Ес.	Красивая стройная девушка П.

Приложение 4. Представленные в лирике Сюй Чжимо растения, которые мало встречаются в России ¹

杜鹃花 Азалия

紫藤 Глициния

钱花 Девясил

莲花 Лотос

芭蕉 Японский банан

扶桑花 Фусан

¹ Картинки с сайтов: <https://yandex.ru/images/> и <http://image.baidu.com/>

Малина (цветы)茶藤

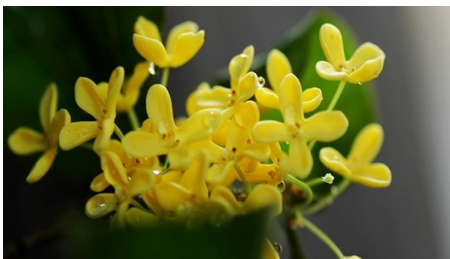
桂花 Османтус

桂花 Османтус

扶桑花 Фусан

桃花 Цветы персика

桃花 Цветы персика

梅花 Цветы сливы

梅花 Цветы сливы

桑树 Шелковица

菩提树 Фига

竹子Бамбук

